ПИ'91НЕР

ИЮНЬ

ISSN 0130 — 8009

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
Москва, 1991
Издательство «Правда»
6

ЧИТАЙ В ИЮНЕ

На обложке:
рисунок К. Гераймовича.

НАША МАРКА

Когда в июне прошлого года в журнале появился первый выпуск «Разминки», мы условились с вами, что в нашем конкурсе победители будут определяться каждый месяц, а Абсолютным Чемпионом станет тот, кто наберет наибольшее количество очков по результатам двенадцати туров. И вот в мае мы напечатали задания последней, двенадцатой разминки.

Всё! Вроде пора и итоги подводить.

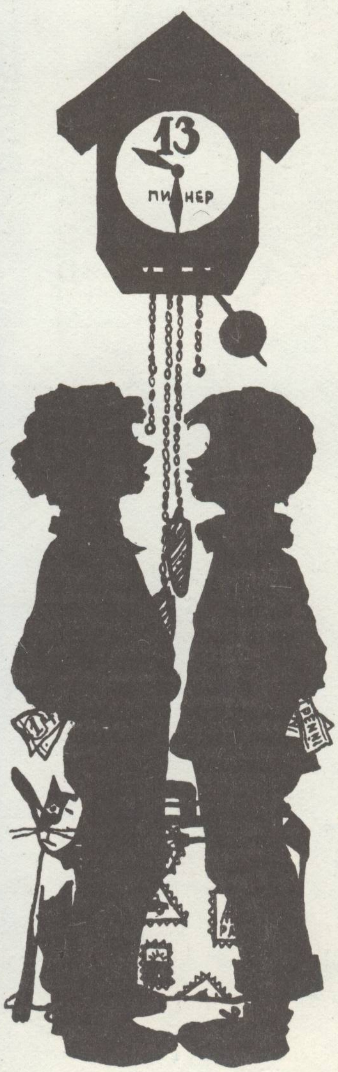

Рис. О. Зябликовой.

Но в следующем номере сделать это просто невозможно. Ведь ваши ответы на майскую разминку еще в пути. А типография ждать не станет. Значит, читатели в июне не увидят на привычном месте ни самой разминки, ни ее итогов? Представили мы ваши разочарованные лица, и нам самим стало как-то неуютно и даже немножко грустно. Так легко расстаться с конкурсом, который стал нашим отличительным знаком, *нашей маркой?*

И мы подумали: а почему бы не подарить читателям, то есть вам, еще и *тринадцатую разминку?* Как поощрение тем, кто многие месяцы прилежно отвечал на наши вопросы, но кому просто не повезло, ну, скажем, не выпал жребий, и он не попал в призеры. Пусть эти ребята получат еще один шанс. В награду за верность и терпение.

Так вот и родилась идея «Тринадцатой разминки». А тема? Да пусть будет хотя бы *марка.*

Вы, должно быть, замечали и раньше, что у этого слова не-

сколько значений. Одно из них мы только что вспомнили, когда говорили о «разминке» как о *нашей марке.*

А теперь обратимся к *марке почтовой,* которой свыше полутора столетий и которая, мы не сомневаемся, хорошо знакома каждому из вас. Наклеив марку на конверт, можете быть спокойны: вашему письму откроются все границы и покорятся любые расстояния. А вместе с марками путешествуют по белу свету и люди, и птицы, и звери, и цветы, и дома, и все-все-все, что изображено на них. И случаются порой удивительные встречи. Так вот и пересеклись однажды на почтовой тропе пути обитателей трех зоопарков — гаванского, берлинского и варшавского. «Смотрите, кто пришел! — с любопытством встретила гостей семейка кошачьих из Гаванского зоологического сада.— Ну, та, что с жеребенком,— заметила пума,— это, конечно, лошадь Пржевальского. А вот кто с ней рядом — лошадь не лошадь, жираф не жираф, просто чудо какое-то?»

А вы, ребята, можете сказать, кто изображен на марке?

Следующий вопрос, который мы предлагаем вам, попался нам как-то в одном из писем. «Заспорили мы с приятелем о *денежной единице — марке,*— поделился с «Пионером» Леша из Матвеевки (видимо, так его этот спор взволновал, что он, кроме села, в адресе больше ничего не указал).— Мне помнится, в марке 100 пфеннигов, а Витька твердит: 100 пенни. А выяснить здесь не у кого. Кто же из нас прав?» Действительно, кто? Помогите, пожалуйста, ребятам.

И напоследок позвольте представить вам *маркграфа и маркшейдера.* Не могли бы вы установить, что это за важные персоны и какое отношение они имеют к марке. Или марка к ним. Как удобнее вам, так и считайте.

Мы ждем ваших ответов до 1 августа 1991 года. Победители «тринадцатой разминки», как и призеры предыдущих двенадцати, получат интересные книги.

Прощальное же слово о «Разминке» читайте в июльском номере «Пионера». Надеемся, к этому времени мы сможем назвать имя ее Абсолютного Чемпиона и Круглого Отличника. Ждать осталось недолго.

1 — 2. «Пионер» № 6.

Лев КУЗЬМИН

Пусть живет...

Маленькая повесть

Рисунки А. СЕРЕДЫ.

Дело было в те времена, когда на маленькой северной станции Кукушкино, на ее железных путях вовсю еще дымили, пыхтели старые паровозы.

Вот на эти паровозы и смотрел из дома, из обталого по-весеннему окна сероглазый, светловолосый, с задумчивым лицом подросток Саня Ивлев.

Сидел он, смотрел, вспоминал отца. И отец опять чудился Сане совсем живым, веселым, молодым, будто никогда и не болел, будто не умирал, а вот-вот в заломленной на затылок шапке-ушанке, в блестящей от паровозного мазута стеганке перебежит он привокзальный перрон, перескочит у домашнего крыльца апрельскую лужу и, как бывало, с бодрым возгласом «Привет!» распахнет входную дверь.

От такого видения-воспоминания Сане было грустно и вместе с тем странно хорошо. Саня даже прижмурил глаза, чтобы видение не вспугнуть, да тут и вправду дверь стукнула.

Саня вздрогнул, обернулся, а в прихожей стоит мать. С ней рядом — малознакомый дядька.

Он черняв, толстощек. Он так свежо побрит, что в комнате начинает пахнуть одеколоном, парикмахерской. Он в синей, скроенной на командирский лад фуражке, в долгополом суконном пальто, в хромовых сапогах с блестящими калошами. В правой руке у дядьки портфель.

Дядька уверенно ставит портфель на пол. Уверенно, по-хозяйски, словно здесь всегда и раздевался, пристраивает на вешалку пальто, фуражку; ловко, нога об ногу, скидывает калоши.

А затем, одернув тоже похожий на командирский полуфренч, вытаскивает из накладного кармана расческу, ищет глазами зеркало.

Он и Саню задевает быстрым взглядом. Но задевает мимолетно, невнимательно, будто Саня совсем и не Саня, а всего лишь еще один в комнате предмет вроде печки, вешалки или табуретки.

А вот зеркало для дядьки — это то, что необходимо. Обнаружив зеркало над комодом, дядька разглядывает там отражение, оглаживает себя по бритым щекам, поправляет расческой смоляной чуб, произносит:

— Порядок!

И вдруг видит на крышке комода в деревянной, наклонной рамочке фотографию отца. Видит, закладывает ладони за спину, подается вперед и, уставясь на фотографию, проборматывает что-то этакое невнятное, вроде «М-м-м-да!».

При этом оглядывается на мать.

Затем, поигрывая пальцами сложенных за спиной рук, опять глядит на фотографию; смотрит так близко, что кажется, нюхает. И Сане все это куда как неприятно.

А дядька вновь изрекает: «М-м-м-да!», от фотокарточки отстраняется, ни с того ни с сего изображает на гладком лице гладкую улыбку и, обращаясь теперь лишь только и только к матери, обводит, как бы обнимает руками комнату всю:

— Что ж... У тебя тут неплохо! Пускай здесь и будет наш общий дом.

— Конечно... Пускай...— кивает послушно на такое бодрое заявление мать, а сама как у порога стояла, так там и стоит.

Она еще даже не расстегнула пуговиц пальто, не раскутала платка. Она словно об этом позабыла. На лице у нее в ответ дядьке вроде бы улыбка тоже, но больше растерянная, чем веселая. Да и голос у матери растерянный. Она тем голосом Сане говорит:

— Ну, вот... Ну, значитца, так...

И не очень решительным наклоном головы показывает на дядьку:

— Это, милый сыночка, твой новый папа.

— Кто?! — так и вытягивается на подоконнике струной Саня.— Кто-кто?! — повторяет он.

И не чуя под собой ног срывается с места, летит к комоду, хватает фотографию отца, прижимает ее лицом к своей рубашке, к животу, кричит нежданному пришельцу:

— Уходи! Уходи! Уматывай!

— Ты что...— бросается к Сане мать.

— Вона как! — столбенеет, вздымает ошарашенно брови дядька.

А Саня — из-под рук матери винтом, да и ходом, скоком — в другую комнату.

Но это так лишь говорится, что там — «другая комната». На самом деле там крохотная каморка, которую специально для Сани выгородил отец.

Она узка, тесна — в ней все равно все самое настоящее.

В ней есть окно, которым и определяется ширина каморки; в ней есть книжная полка с удобной, откидной доской заместо столика; есть кровать-раскладушка, есть табурет и, конечно, дверь, хотя и без какого-либо замка-запора.

Каждую мелочь тут выстругал, сбил, сколотил, покрасил собственноручно отец в то далекое, прошедшее время, когда Саня в школу еще только собирался. Но уже в этой вот каморке хватило времени, чтобы Саня выучился у отца держать столярную пилку и заколачивать малые и большие гвозди, а главное — тут, в уютной тесноте, Саня пристрастился сначала слушать, а потом и сам читать книги.

И, удивительное дело, то ли это само собой выходило так, то ли тут имел решающее значение отцовский выбор, но большинство книг всегда оказывалось совсем об иной, чем здесь, в Кукушкине, жизни. Это были книги об океанах, о кораблях, книги о путешествиях, даже о морских разбойниках — корсарах.

Гром прибоя!
Ярость боя!
Жизнь недорога!
Но и смерти неохота —
И, спина к спине у грота,
Отражаем мы врага!

Такую залихватскую, с книжных страниц песню загорланят, бывало, в два голоса в той каморке Саня и отец, а мать откроет к ним дверь, заглянет, засмеется:

— Эх, вы, отражатели, сражатели! Где это, какой вам мерещится враг? Лучше идите, горячие щи хлебайте, по второму разу собирать не буду.

И отец хватает Саню под мышки, переносит по воздуху в большую комнату, подсаживает к столу, к блюду со щами. Ну, и сам, конечно, садится рядышком. И, вскинув к губам ладони, шутливо изображает сигнальный рожок:

— Туру-туру, туру-туру! Отбой! Экипажу — на подкрепление!

Саня, веселый, взглядывает на мать:

— Мама тоже у нас в корабельной команде?

— Само собой! — отвечает отец.— Мама у нас — все! Мама — кок, боцман, даже капитан...

Но теперь вот уже и мама не капитан, и морских песен, морских разговоров больше не будет, и отца нет и не будет никогда.

Теперь Саня в тесном своем убежище, в каморке, в каморке один-одинешенек. А за дверью похаживает не песенный, а, пожалуй, самый взаправдашний враг, которого Саня хотя и привел в изумление криком, но полностью отразить, выгнать все ж таки не сумел.

И Саня изнутри каморки подпирает дверь табуретом. Фотографию вместе с рамочкой прячет на постели под подушку, да и сам валится ничком.

А звуки из той, из большой комнаты в каморку проникают и проникают. Особенно явственно раздается за перегородкой сердитое, басовитое бормотание пришельца.

Он ходит там из угла в угол, толстенные половицы покрякивают, и сам он, как испорченный патефон, покрякивает, все гудит одно и то же:

— М-м-да! М-м-да!

Видно, сказать ему после Саниного шума больше нечего, а вот мать теперь говорит и говорит. Похоже, она там заступается за Саню. И в чем-то очень уговаривает дядьку и как бы даже извиняется.

«Нашла перед кем извиняться!» — горестно думает Саня, обнимает подушку крепче и слышит: присунутый к двери табурет по скользкому, крашеному полу поехал-поехал, дверь осторожно скрипнула.

Дверь кто-то приоткрыл, за собой закрыл,— еще миг, и на голову Сани легла знакомая ладонь.

Мать несмело, боком присаживается к Сане.

— Успокаивай своего Мдамова! — дергает плечом Саня.

— Он не Мдамов... Он Бураков...— не убирает ладони мать.

— Бураков-Дураков! — настаивает на своем Саня.

А мать шепчет еще просительнее:

— Так, Санечка, нельзя... Ты ведь его еще не знаешь... Пусть он с тобой не успел поздороваться, не успел побеседовать, но он по-своему человек неплохой.

— По-сво-о-ему...— переговаривает сказанное матерью Саня.— Если «по-своему», то, значит, всегда все должно быть только по его да по его... Он вон и командиром даже каким-то вырядился, а сам, ясно же, никакой не командир. Командиры с портфелями да в калошах не ходят! И над чужими фотокарточками не мдакают, не мычат!

— Ну что ты, Саня, ну что ты... Он ведь не нарочно... И правильно: Бураков не командир. Но он все же начальник. Он заведует у нас на станции сельской льнобазой, его там слушаются многие.

— А я — не «многие»! Я слушаться не буду! — заявляет, опять почти кричит Саня.

Мать вздыхает, больше ничего не говорит. Мать лишь снова касается Саниных волос, головы; не очень решительно встает, медленно уходит, тихо закрывает за собою дверь.

А потом оно так вот и пошло все. Мать да Бураков — постоянно в той, большой комнате, где и кухня, и столовая, и прихожая, а Саня — у себя, с книгами да с кроватью-раскладушкой. За исключением рабочих и учебных дней, конечно.

В рабочие дни Бураков раным-рано уходил на свою льнобазу, мать спешила на телеграфный станционный пункт, где работала телеграфисткой, на дежурство. Правда, при любой спешке мать не забывала глянуть к Сане в каморку, не забывала Саню спросить:

— На уроки не опоздаешь? Сам тут позавтракаешь? Смотри, голодным в школу не уходи.

И очень довольный, что хотя и на время, да Буракова в доме все-таки не слышно, Саня сам собирал себе завтрак, сам замыкал квартиру, припрятывал ключ в условленном месте и бежал в школу.

Бежал он туда охотно, потому что там-то лишь и осталось все его давнее, хорошее. Лишь там забываются на час, на другой домашние печали-горести.

Забываться помогала также весна. Нынче поздняя, но зато очень и очень спорая, она быстро обсушила станционные крыши, позолотила лучами голые привокзальные тополя, изрезала, расплавила ручейками обмяклые сугробы. А с южной стороны между крашеной школьной стеной и между березовой поленницей солнышко образовало удивительно теплый, почти летний закоулок.

По этому закоулку в большую перемену, не очень-

то опасаясь учительских глаз, можно было ходить хоть на ушах, хоть вверх ногами, орать во всю ивановскую, визжать, хохотать во все горло.

И вот здесь, в этом теплом закоулке, в одну из таких шумных перемен с Санею стряслась новая беда.

В игре на бегу Саня задел рукой Пашу Крюкина по лицу. Задел безо всякого умысла, нечаянно, да, должно быть, довольно больно.

Паша охнул, присел, потом сказал:

— Эх ты — бурачонок!

— Отчего это бурачонок?

— А все знают, ты теперь — Бураков! У тебя теперь новый папаша! Он к вам со своим толстым портфелем все ходит и ходит, он у вас живет, стало быть, и ты с ним — бурачонок-Бураков!

— Врешь! Я — Ивлев! — вмиг побелел Саня и уже не понарошку, а совершенно прицельно, изо всей силы дал Паше крепкого тычка.

Паша долго думать не стал, отвесил сдачи.

И тут пошла такая заваруха — ничего не разобрать. В драку влезла чуть ли не половина Саниного класса. Поначалу-то некоторые мальчишки бросились Саню с Пашей растаскивать, но Паша орал и орал: «Бурачонок! Бурачонок!» — и Саня от такого унижения свирепел все больше да больше и хлестал теперь кулаками не только Пашу, а и любого, кто попал под замах.

В ответ ему тумаков выдавали тоже. Выдавали слева, наваривали справа. А он крутился волчком, с ног не падал. Он лишь гнул низко голову, хрипло выдыхал в помощь себе когда-то запомненное, отчаянное: «Гром прибоя! Ярость боя! Гром прибоя! Ярость боя!» Он удары отражал и наступал. Он от бешенства почти ослеп. Он в себя чуть пришел только тогда, когда его руку кто-то крепко перенял. Так прочно перенял, что Саня вырваться больше уже не мог.

Саня вскинул незрячие от гнева глаза: перед ним, а вернее сказать, над ним нависли грозные брови и грозные очки школьного директора. И все Санины бывшие приятели, а теперь, понятно, ненавистные неприятели, вовсю бегут, смываются за школьными дверями под замирающее дренькание вовремя не расслышанного звонка.

Их, приятелей-неприятелей, у поленницы будто не бывало, зато директор — вот он, тут!

Он говорит:

— Ну, Ивлев... Ну, Ивлев... Такого форменного безобразия в школе еще не видывали... Устроил прямо под окнами классов самое настоящее побоище! Забирай, Ивлев, сумку! Ступай, Ивлев, домой! Для объяснения пусть явится мать.

Директор отпускает руку Сани, тут же приказ несколько уточняет:

— Постой! Сумку тебе, герою, вынесу сам.

И вот, волоча сумку как попало, чуть ли не загребая ею весенний на дороге кисель, утирая ладошкой разбитые губы, нос, плетется Саня от школы к дому. На душе — пустота. На душе одно-единственное желание: «Скорей бы, пока мать и Бураков на работе, умыться холодной водой да и, как всегда в тяжкие минуты, рухнуть спать. Скажу, устал, и пусть никто-никто больше ко мне не привязывается... Директор этот тоже хорош! Ни в чем не захотел разобраться».

Железнодорожный дом, в котором проживает Саня, деревянный, длинный, на несколько крылец. Саня поднимается по щелястым ступеням к своей двери, а ключа в условленном месте нету.

«Мать, что ли, со смены заглянула?» — хмурится Саня, вступает сквозь отпертый коридорчик в комнату, а там на полу под вешалкой сверкают красными подкладками те самые ненавистные калоши, синеется на вешалке та самая ненавистная фуражка,— в комнате собственной персоной Бураков!

Он возится около раскрытого чела широкой печки, вытягивает ухватом из темной, теплой глубины супяную кастрюлю. А изогнутые рожки ухвата по гладкому боку кастрюли скользят, а округлая кастрюля вертится на одном месте. Неумелый в этом деле Бураков пыхтит, топчется, загораживает ухватом Сане проход в каморку.

И тем не менее за вознею своей он Саню слышит. Он в половину глаза, мельком, к Сане приглядывается, и, как бы оправдываясь, как бы даже сам над самим собой конфузно пошучивая, тоном, еще ни разу не слыханным, тоном на удивление мирным говорит:

— Видал кухаря-ухаря? Посреди печки с кастрюлей забуксовал!

Саня, после школьной передряги совсем уж потерянный, совсем уж разбитый, так вдруг на эти мягкие нотки, на необычный голос Буракова и потянулся. Он хотел было ответить, даже посоветовать: «Кастрюлю вытаскивать лучше кочережкой... Кастрюля не чугун, кастрюля для ухвата неудобна...» Но тут Бураков добычу свою на печной шесток все-таки выкрутил, спину разогнул, выпрямился, уставил чернущие глаза на Саню в упор.

Он вмиг теперь увидел на Санином лице жутковатые следы недавнего сражения.

— Хэх! Где это ты нахватался таких подарков? По чьей милости?

И Сане в глазах Буракова привиделось в это мгновение совсем и не сочувствие, а, может быть, даже насмешка. В голосе послышалась тоже будто бы легкая ухмылка, и Саня опять встопорщился, отрезал:

— По милости твоей!

— Как?!

— Вот так! — решительно прошагнул мимо печки Саня, а Бураков — изумленные глаза во все лицо, большой, широкоплечий, в щегольском френче и все еще при нелепом кухонном ухвате — развел руками.

Бураков только и успел сказать вослед Сане свое неизменное: «М-м-м-да!», а Саня быстро и чем попало забаррикадировал в каморке дверь.

В тишине, в гордом и горьком одиночестве отсиживаться пришлось все же недолго.

Целиком и с ходу зачислив Саню в неблагонадежные люди и оттого решив, что Саня приказа не выполнит, доносить на себя не станет, директор сам позвонил по телефону на телеграфный пункт, сам как хотел, так матери все и объяснил.

Мать всполошилась. Мать выпросила подмену, примчалась домой, когда Бураков еще даже не успел и начать обедать.

Она крикнула: «Где Саня?» — не дожидаясь ответа, ринулась к каморке, к двери. Баррикадные укрепления с грохотом рухнули, мать влетела в каморку.

— Что творишь? Что выделываешь? Тебя могут исключить из школы!

Но когда мать повернула Саню силком к себе, когда увидела его «боевые украшения», то пришла в еще больший ужас. Она метнулась в комнату, намочила под умывальником полотенце, бросилась опять к Сане, давай полотенцем промакивать, обтирать на лице у Сани кровоточины и синяки.

Лицо защипало. Саня от новой боли невольно заежился, мать крикнула Буракову:

— Подай из шкафчика зеленку или йод!

Бураков встал, принялся рыться, брякать пузырьками на полках висячего шкафчика. Он рылся, брякал там настолько долго, что мать не утерпела:

— Быстрее не можешь? Копаешься, как жук!

Бураков ответил:

— На меня не кричи.

Бураков добавил:

— Чем кричать на меня, лучше как следует воспитывай вон его... А то он и разговаривать с людьми не умеет.

И под этим «он» Бураков подразумевал, конечно, Саню, под «людьми» же Бураков имел в виду не кого иного, как самого себя.

И, раньше всегда во всем согласная с Бураковым, мать вдруг сорвалась:

— Это твоей особе, это тебе, Бураков, подвоспитаться-то давно нелишне! Пришел в дом, а ребенку до сей поры одного доброго слова не сказал!

— Поговори-и-ишь с ним... Ему ска-а-ажешь... А он, ребенок, мигом тебе кличку в ответ: «Мдамов!» Что я — не знаю? Не слышал, что ль?

Бураков тоже завелся. И так и не подав из шкафчика никакого пузырька, нашвырнул на голову фуражку, влез в пальто, вбил ноги в калоши, заместо привычного «М-м-да!» сказал: «Эх-х!» — бухнул за собою наружной дверью.

Что он всем этим желал еще выразить, было не очень ясно, но мать всхлипнула. С тихим, почти беззвучным плачем она разыскала в шкафчике нужный пузырек. С плачем стала делать из ваты и спички тоненькую мазилку. И в другое время разрисовывать себя жгучим, остро пахнущим йодом Саня бы не дался, да мать так расстроилась, по щекам ее бежали такие слезы, что Саня сам всем лицом придвинулся к матери:

— Мажь!

И когда мать принялась исполнять болезненную процедуру, он только сквозь зубы втягивал в себя воздух, только терпеливо пыхтел, а под конец сделал попытку мать утешить:

— Ты не бойся! Из школы меня не исключат. В драку я больше не полезу. Да и не тронет меня никто. Все, кому полагается, свое получили с верхом, с довесочком.

Мать закрыла пузырек, поставила его в изголовье Сани на книжную полку, вздохнула:

— Я, Саня, не о том...

— О чем же? О Буракове?

Мать кивнула, помолчала, обтерла щеки тыльной стороной ладони, вздохнула еще грустней:

— Не знаю, как тебе и растолковать... Ты бы уж с ним маленечко поладил бы, что ли... Он сам-то не умеет... Не получается у него у самого... И ты на него не сердись! Ну, не желаешь звать папой, так назови хоть бы разок дядей Колей... Или на крайний случай Николаем Никитичем... А то ведь ты — никак! А назовешь по имени, тогда и он к тебе повернется по-иному. И мне сразу станет легче... Послушайся, а?

Но Саня тоже вздохнул.

Он вздохнул, оборотил к окошку раскрашенное йодом лицо и, глядя в заоконное, по-весеннему тревожно-синее пространство, матери ничего не ответил.

Да и зачем было отвечать? Саня только вновь и вновь убедился, что встал теперь Бураков между ним, Саней, и между матерью, пожалуй что, навечно. Ведь вот он, Бураков, виновник всех Саниных переживаний, всех бед, включая школьное несчастье, а мать об этом даже малого вопросика задать не догадалась,— ей важнее помириться с Бураковым... Ну, а раз важней, то и пусть будет важней, поэтому и отвечать незачем!

В общем, как в доме все шло, так и дальше пошло. Разница в том, что после неудачного обеда, после буханья дверями Бураков возвратился с базы уже в потемках, пришел намного позже обычного, и потом он и мать разговаривали в большой комнате очень долго. А Саня на этот раз к их нарочито сдержанным голосам не прислушивался.

Саня решил самолично, собственными руками изменить свою жизнь в лучшую сторону. Он задумал, как в отцовские славные времена, переселиться на корабль. Ну, переселиться не совсем, и на корабль не на такой чтобы полностью натуральный, но если взять одну из оставленных отцом книг, если глядеть на самую лучшую там картинку и строить по этой картинке корабельный, на гнутых шпангоутах корпус, мостить палубу, ставить руль, мачты, натягивать на реи паруса, то и выйдет, что ты уже почти на гордом корвете, а то и на фрегате.

Ты строишь, создаешь, мечтаешь, и пускай в руках твоих обыкновенный ножик, узкие пилка да стамеска, пусть в руках детальки все очень самодельные, очень маленькие, а все же слух твой как будто уже улавливает крики буревестников, неистовые взвизги чаек, а в глаза тебе так и плещет морской, бескрайний, вдаль увлекающий простор. Там юркие крабы, разнопестрые рыбки, алые кораллы, жемчужные раковины и, может быть, рассыпанные пиратами в спешке междоусобной схватки-дележа бесценные пиастры, полусказочные монеты. Но тебе, усталому капитану, никакие сокровища теперь не надобны. Тебе дороже покой! Ты строишь на краю синей лагуны одинокую хижину, и никто ничем тебя больше не потревожит — даже Бураков!

Дойдя в мыслях опять до Буракова, Саня отмахивается, но уже почти без досады, почти как от случайной мошки.

Главное внимание Сани приковано к откидной полке, к столику. Там, у самой стены, в глубине — фотография отца. А прямо перед Саней необходимые для кораблестроения чурочки, дощечки, тканевые лоскутки. Хорошо, что отец был запаслив и Саню приучил никаких обрезков после любой работы не выбрасывать.

Оглядев разложенные на столике материалы, Саня понял: красавец фрегат ему не сотворить. Сможет он выстроить лишь нечто похожее на легкую шхуну-бриг, но и она ведь замечательно прекрасна. На ней, кроме фок-мачты, возводится грот-мачта, та самая, о которой когда-то Саня восторженно пел вместе с отцом:

Там, спина к спине у грота,
Отражаем мы врага!

Против врагов и для славных, победных салютов хорошо бы на шхуне поставить даже пушечку. Только вот жаль, как раз для пушечки у Сани в запасах ничего подходящего и нету. Для пушечки необходим обрезок медной трубки, а располагает такими трубками на всей станции один-разъединственный мальчишка — сын паровозного ремонтника, слесаря Крюкина. А имя мальчишки — Паша. Тот Паша, который... Ох, лучше не вспоминать!

Саня работу останавливает. Медная, надраенная до жаркого блеска пушечка так перед ним и сияет. Без этой пушечки шхуна уже немыслима,— Саня задумывается...

И вот ночь — прочь, в окнах — утро. Саня вновь пережидает, когда Бураков с матерью уйдут на работу, самостоятельно собирает себя в школу.

Перед уходом Саня, не лучше Буракова, долго топчется перед зеркалом. Вернее, бегает от зеркала к умывальнику, от умывальника к зеркалу. Он мылом, водой, ладонями пробует хоть как-то да стереть с лица йодистые кляксы. Наконец коричневый цвет переходит в более нормальный, в лимонно-желтоватый, и Саня бежит на уроки.

По школьному коридору, а особенно мимо директорского кабинета он прошмыгнул мышкой. Прошмыгнул в самую последнюю минуту, под последний всплеск колокольчика. Он уселся в классе на свое место. А место — на первой от окна парте, причем бок о бок с Пашей. И тут уж ничего изменить нельзя, никуда не пересесть. Каждое место в классе у каждого ученика постоянное, законное. Тут возможно только одно — не смотреть на Пашу. Да и Паша на Саню не глядит. Зато в затылки им уставились все до одного мальчишки, все до одной девчонки — наверняка ждут нового сражения или хотя бы легкой стычки.

Но входит учительница, урок начался, и никакой стычки между Пашей и Саней не видно. Тем более что учительница приступила первым делом к раздаче тетрадей с очень там важной в разгаре последней учебной четверти домашней работой. Учительница принялась каждого вызывать к столу, и каждому в классе теперь охота узнать, у кого какая отметка.

А вот Саня куда сильней, чем об отметке, заволновался о другом.

Его с Пашей парта хотя и первая, но первая в ряду, отдаленном от учительницы. И как только фамилия Сани прозвучит, так и ему надо вставать. Ему тоже придется шагать к столу, потом возвращаться, и здесь он волей-неволей обернет лицо к ребятам, к классу.

Он покажет свою желто-пегую физиономию, класс непременно охнет, грохнет; возможно, засмеется и Паша Крюкин. Тогда вот и неизвестно, удержится ли Саня от новой, да еще прямо на виду учительницы драчки. И Саня принялся беззвучно нашептывать, приказывать себе: «Держись, не заводись! Исполни то, что обещал вчера матери...»

Но старенькая учительница, добрейшая Марья Ивановна, а попросту Марь-Ванна, то ли почувствовала исходящую от Сани тревожную волну, то ли, безусловно, зная о вчерашнем ЧП и к тому же прекрасно разглядев, какой у Сани разрисованный «портрет», вдруг, будто ненароком, сама отшагнула от стола, сказала громко:

— У Ивлева, как всегда, четверочка... А мог бы и на пятерочку!

И сама, опережая Саню, положила перед ним тетрадь.

У Сани от сердца отвалило. Зато рядом беспокойно заелозил по скамейке Паша. Ведь теперь очередь была его. Но ему-то Марь-Ванна тетрадки не подала, и это пахло неприятностью. А неприятностей с учебой у Паши хватало и без этого.

Марь-Ванна в самом деле как-то уж чересчур медленно, чересчур даже неохотно отделила от общей стопы Пашину тетрадь, зачем-то всю заново перелистала, издали от стола повернулась к Паше:

— С твоей работой, Паша Крюкин, положение сложное. Орфографических ошибок — оё-ёй! Но и плохую отметку, Паша, мне ставить нет желания... Давай ответь устно на один вопрос, тогда, может, вытянешь хотя бы на троечку.

Паша медленно встал, Марь-Ванна вопрос задала:

— Слова «речка» и «печка» пишутся с мягким знаком или без мягкого?

Вопрос на слух был трудный. Паша запереминался. Паша, как это и бывает, когда не знаешь ответа, стал исподтишка, влево-вправо, позыркивать глазами, надеясь, что подмога придет со стороны.

А она не приходила, а Марь-Ванна ждала.

И молчать дальше было невозможно, и неизвестно, как бы Паша ответил, да тут по неизменной привычке выручать соседа не утерпел Саня. В напряженной тишине он вспомнил не обиду на Пашу, а вспомнил, как сам рылся дома в учебнике, искал эти коварные слова и у себя в тетради написал все же верно.

И вот только-только Паша собрался хоть что-нибудь да промямлить, Саня взял да и, как бывало, пихнул его под партою ногой.

Пихнул, быстро пальцем на крышке парты прочеркнул знак минус.

Мгновения оказалось достаточно, Паша сигнал уловил. Паша так и сказал вслух:

— Минус!

— Что — минус? — не сразу поняла Марь-Ванна.

— Ну, значит — без!

— Что — без?

— Слова «речка» и «печка» пишутся без мягкого знака.

Марь-Ванна чуть лукаво глянула на Саню, потом опять на Пашу и засмеялась:

— Ладно... Так и быть, Паша, ставлю тебе не двойку, а тройку. Уверена, ты теперь и «минус» и «без» запомнишь навсегда.

Дальше урок русского языка пошел своим чередом. А затем настала перемена, и тот, кто ждал от Сани с Пашей нового представления-сражения, тот крепко ошибся. Паша Крюкин даже наиболее ярым своим вчерашним помощникам-бойцам сказал:

— Не лезьте, хватит!

И взял Саню за рукав, взял, осторожно глянул исподлобья, но повинительно:

— Зря мы вчера...

Саня в сторону, вверх повел глазами, пожал плечами.

А Паша опять:

— Давай по-старому, давай, как прежде...

Тогда Саня, все еще помалкивая, протянул раскрытую ладонь, а Паша по этой ладони незвонко хлопнул, и обоим стало сразу намного легче. И если честно рассказывать дальше, то все остальные уроки они не учились, а только шептались.

В результате разговор дошел и до медной трубочки.

— Поджигательный пистолет хочешь сделать? — спросил, почти угадал Паша.

— Не совсем... Эта задумка у меня пока вполовине. А вот когда получится целиком, тогда непременно увидишь.

После уроков мальчики забежали к Паше во двор. Паша открыл сарайку, где Крюкин-старший берег целый ворох всякого металла, и Саня был осчастливлен коротеньким, в полпальца обрезком медной трубки.

Дома он не стал терять ни минуты. Супяную кастрюлю не тронул, умял всухомятку ломоть хлеба, принялся достраивать шхуну.

Взял он ножницы, нитки, белый лоскут — выкроились, вознеслись на тонкие реи прямые паруса: фор-брамсель, фор-марсель и фок! Раскроил другой лоскут — получились, как полагается, косые паруса — кливеры, на грот-мачте встали топсель и бизань! Все вышло, как на картинке, оставалось приклепать к палубе, зарядить головками спичек медную пушку.

Наконец хлопоты окончены, кораблю недоставало только имени.

Саня взял толстый карандаш, на крутом борту зачернела суровая, смелая, даже мстительная надпись: «Гром».

Суровая — потому что из корсарской песни. Смелая, мстительная — потому что это был не просто гром, а гневный гром на голову Буракова. Гром на всю испорченную Бураковым Санину жизнь, на все то, что сделало эту жизнь почти одинокой, и теперь впереди лишь ветер, лишь небо, но и свобода, и все океанские дороги с их бесконечностью.

Ну, пускай даже не все! Пускай и не очень океанские. Пусть шхуна пойдет легким ходом по здешним весенним потокам, но Саня побежит рядом, и где-то за станцией, за деревенскими проселками ему и кораблю откроется то самое желанное, что всегда и чудилось волшебным намеком в давних разговорах, в давних песнях отца.

Саня прижал корабль к груди, сказал фотографии, отцу на ней: «Ну, я пошел!» — и торопливо распахнул дверь.

А день на исходе апреля длинен, и до вечера было далеко. Разогретые солнечным воздухом сугробы таяли даже в самых тенистых закоулках, от этого ручьев сверкало там и тут множество, да все мелкие, узкие.

Кораблю требовался фарватер более подходящий. Такое место, куда сбегались вешние воды, было в глубоком, длинном овраге, который почти колесом огибал снежное, в черных проталинах поле. За полем — коричневый кустарник, за кустарником — сосны, за соснами — холодная, синяя полоса уже вскрытой реки.

А между всем этим пространством и Саней горбилась темными, обталыми крышами сараев та самая льнобаза, где работал Бураков.

К льнобазе идти, конечно, не желалось бы. И все же, смекнув, что там в общем-то никому до него никакого дела нет, Саня припустил к оврагу по закрайку базы. Припустил прямо по мокрой снеговой каше, благо сапоги были почти еще новые, крепкие. Их Сане подарила мать в преддверии весны и ко дню рождения, и Саня теперь, может, в первый раз за целый месяц, подумал о матери благодарно.

Перед тем как спуститься к воде, к оврагу, Саня на всякий случай оглянулся еще раз. От оврага ничем не огороженное подворье базы просматривалось намного четче. Там у самого длинного сарая, у распахнутых на обе створки ворот сгрудились санные подводы. Возчики выносят на заплечьях из сарая тяжелые кули — подводы нагружают. В тени, во глубине ворот мелькает синяя фуражка Буракова.

— Отпускает льносемена... К новой посевной...— правильно определил полусельский житель Саня. И, окончательно теперь уверенный, что за ним никто не подсматривает, что Бураков ему не помеха, Саня слез под крутоватый берег.

А когда присел у самого приплеска на корточки, когда дрожащими руками собрался опустить шхуну на воду, то вдруг сообразил: медная пушка — почти ни к чему. Зря он секретничал из-за нее с Пашей, зря крал для нее спички — нешуточный выстрел могут на базе услыхать, и вот тогда и выйдет помеха, и опять — скандал!

— Ничего...— утешил себя Саня.— Отсалютую в другой раз... Главное — вперед! Главное — на простор, на волю!

Вольный простор перед Саней и перед маленькой шхуной открывается — лучше не найти нигде. Овраг не широк, но длина его чуть ли не в полкилометра. Устье оврага вступает в реку, но сначала там клинится пологий с бронзово-ярким сосняком мыс. Над соснами легкие тучки, и если плыть к этому оплеснутому небесной голубизной мысу, то и будет казаться — перед тобою неведомая, никем еще не открытая земля.

Итак, чудный миг настал, итак, в путь!

Напористо, гордо, на всех полных парусах шхуна идет сначала круто от берега. Затем Саня тянет прикрепленную к борту длинную нитку, шхуна курс меняет, бежит вдоль береговых откосов. Течение воды в овраге кораблику попутно. Ветерок попутен тоже. Белые надутые паруса славно выгибаются, и Сане, самому наполненному, как парус, восторгом, остается только спешить и спешить с нитяной катушкой в руках.

Таким манером, то тише, то быстрей, Саня топочет по берегу, по мокроте, по песчаному урезу. Берег изрыт бегущими с поля ручьями. Саня, не упуская из виду кораблика, пересекает ручьи, почти не глядя, вброд. Сане — не до них. Душа Сани целиком не на земле, не на берегу; Саня весь там — в парении парусов.

А на пути все ближе да ближе поперечная заводь с крутым обрывом. Саня заносит ногу слепо над пустотой, не успевает удержаться, летит боком вниз, над ним с шумом смыкается вода.

Саня воду глотает, задыхается в страшной, глубинной тьме, машет неистово руками.

Над лицом — в пене, в брызгах — опять дневной свет.

А катушка из горсти исчезла, а на откатной от Сани волне качается, свободно уходит красавица шхуна.

— О-ой! — кричит Саня, барахтается изо всех сил. Он рвется вверх, выше, да под ногами, под грузными сапогами ни малейшей опоры.

— О-ой! — голосит он вновь.

Толстое пальто поднялось вокруг пузырем, на плаву держит Саню только оно. Руками же ухватиться совершенно не за что. Обрыв крут, песчан, сыпуч. За обрыв цапаешься, песок ползет, падает в заводь пласт за пластом. Вода в заводи желта, мутна, пахнет донной стужей — еще минута, и прощай, белый свет, насовсем!

Но, должно быть, вот этот зыбкий оползень и удержал Саню от нового нырка. Взъем, изрытый хваткими от ужаса руками, стал чуть положе. Саня кое-как — вьюном, змейкой — выгребся из ледяной воды, укрепился с краю обрыва на четвереньках. Саню трясло, Саню колотило. С одежды лилось в три потока. А на льнобазе у сараев тревожный шум:

— Мальчишка тонет! Мальчишка!

И бегут оттуда к Сане мужики. Бежит вместе с мужиками Бураков.

Кто и что из них первым оттуда увидел — неизвестно. Может, просто услыхали Санин жалобный крик, и вот бегут!

И тогда Саня покачался, покачался на шатких четвереньках, перевалился на пятки, с трудом встал да и, чавкая сапогами, неловко побежал сам.

Только не от них, не от Буракова с мужиками, побежал и не к ним навстречу побежал, а затрусил опять вдоль берега, на ходу всхлипывая:

— Лишь бы успеть! Лишь бы не опоздать!

Рядом раздалось: «Стоп!» — наперехват заскочил Бураков. Он широко, словно курицу ловит, растопырил руки — Саня влетел в эту ловушку.

— Пусти! Отстань! — трепыхнулся Саня, да Бураков держит, Бураков не пускает. Он тянет Саню

ГРОМ

куда-то совсем в другую сторону, мужики помогают Буракову.

— Давай, давай! На мальце сухой нитки нет.

Тогда Саня завырывался из последних сил, закричал навзрыд:

— «Гром» уходит! «Гром» в реку уплывает! Да отвяжитесь вы все от меня!

— Гром? Какой гром? Рехнулся ты, что ли? — ослабил хватку Бураков, обернул свой взгляд туда, куда так стремился Саня.

Там на белых-белых, на летучих, как легкие крылышки, парусах уходила к речному мысу, к невозвратному простору маленькая шхуна.

— Пропадет... Эх, вы! — заплакал Саня бессильно.

И ото всех этих налетающих друг за другом потрясений в голове у него помутилось, вид у него стал такой, что Бураков в замешательстве бормотнул: «М-да!» — сказал мужикам-помощникам: «Тащите парня в тепло!» — да и большими прыжками поскакал вдруг сам повдоль оврага.

Тяжеловатый Бураков, работая локтями, как паровик, помчался по берегу, по грязным проталинам, по зернистому снегу.

В одном месте, в хляби размяклого сугроба, он увяз до колен. Стал выдираться, потерял обе калоши. Быстро обернулся, поискал — одну нашел, другую нет. И так, размахивая зажатой в руке, единственной, с яркою подкладкой калошей, мелькая ею, словно красным сигналом, он устремлялся все дальше и дальше, все к речному мысу да к мысу.

А Саню опять ударила ознобная волна; его опять будто накрыло тьмой, холодом; Саня больше ничего не видел, ничего не слышал...

В полубреду, в полубеспамятстве прошли дни, недели и еще большее время. Оно тянулось, как мучительный кошмар, в котором звучали чужие голоса, падали, кружились чужие стены, мелькали белые халаты. Саню как будто бы даже куда-то увозили, откуда-то привозили, и нет-нет да во всю эту тяжкую путаницу врывался чей-то плач.

Даже старого станционного фельдшера Абрама Васильевича, который в конце концов и отвел от Сани неотвратимую было беду, Саня помнит плохо. А помнит он лишь звучание имени фельдшера, просительно, робко произносимого матерью; помнит прохладное прикасание слуховой трубки к груди, жгучие укусы шприца, запах камфары, и затем — опять и опять все как во сне.

Вполне осознанно, ясно очнулся Саня, когда уже за окном, за открытой настежь форточкой, глуша отдаленные вскрики паровозов, шумели по-летнему тополиные листья. Очнулся почему-то не в больнице и не на раскладушке в своей тесной каморке, а на большой кровати в большой комнате матери. И Саня удивился этому шуму листьев, этой комнате, а еще сильнее удивился, что день в полном солнечном разгаре, а мать — дома.

— Ты почему не на работе? — спросил отчетливо Саня.

Мать вздрогнула, тут же обрадовалась:

— Тебя сторожу!

— Нечего меня сторожить. Видишь, я — здесь... Только вот отчего-то лето, и кровать, и комната не мои. Открой дверь ко мне в комнату.

И мать готовно распахнула дверь в каморку. Туда через оконные стекла тоже заглядывали по-летнему пестрые тополиные тени. И там, прямо за проемом двери, на книжной полке, на откидной столешнице стояла белопарусная шхуна.

— Цела?! Бураков спас? — встрепенулся, даже привстал в постели Саня.

А мать закивала:

— Бураков, Бураков...

И тогда Саня сказал:

— Он, Бураков-то, и в самом деле — ничего... Пускай если так, то с нами и живет.

Но мать тут странно переменилась, переменился и ее голос:

— Будет... Будет жить, если дождемся.

— Как так?

— Война, Саня... Пока ты, Саня, болел, грянула большая война. Бураков ушел на нее почти сразу.

И опять у Сани в голове все смешалось, и, ничуть еще не понимая, что такое война, а лишь стремясь утешить мать, он сказал:

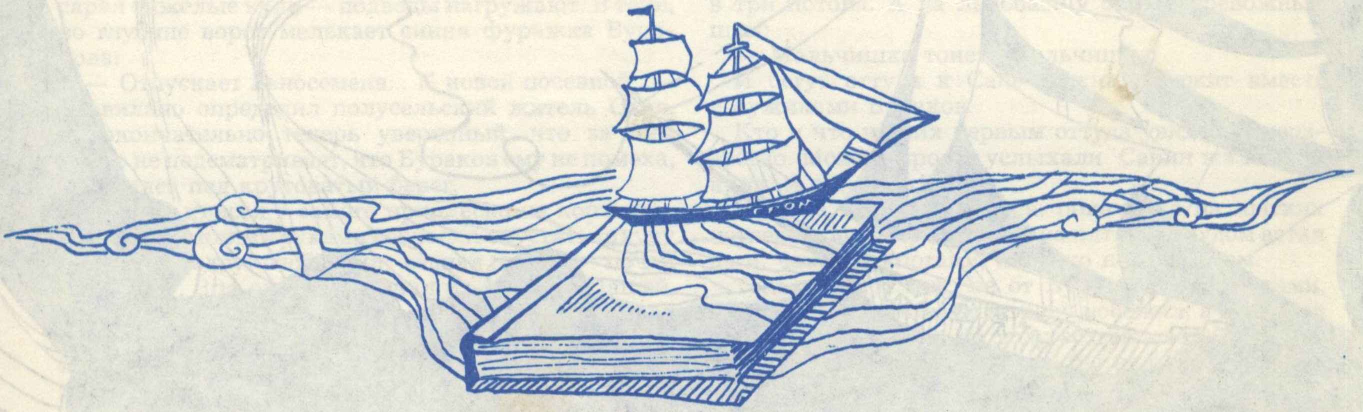
— Ну что ж... Станем дожидаться.

Мать согласно поспешно кивнула:

— Станем... Ты только сам больше не болей, вставай помаленьку на ноги.

И после этого разговора еще прошло немало времени, и Саня на ноги встал, и он, и мать все ждали да ждали от Буракова хотя бы коротенького письмавести.

Ждали упорно, потому что не ведали: Бураков под городком Лугой давно пал в бою за такую же совсем маленькую железнодорожную станцию, как это вот тихое, мало кому известное Кукушкино.

Лев ЯКОВЛЕВ

Ходит парень по дорожке
И играет на гармошке,
Бровью водит,
Чубом машет,
Всю деревню будоражит!

РАСКРАСКА

Рисунки Э. ДЕСЯТНИК.

Жанна ДАВИТЬЯНЦ

Она тиха, нетороплива
И безобидна, как овца,
Хотя доспехов не снимает
Всю жизнь, до самого конца.

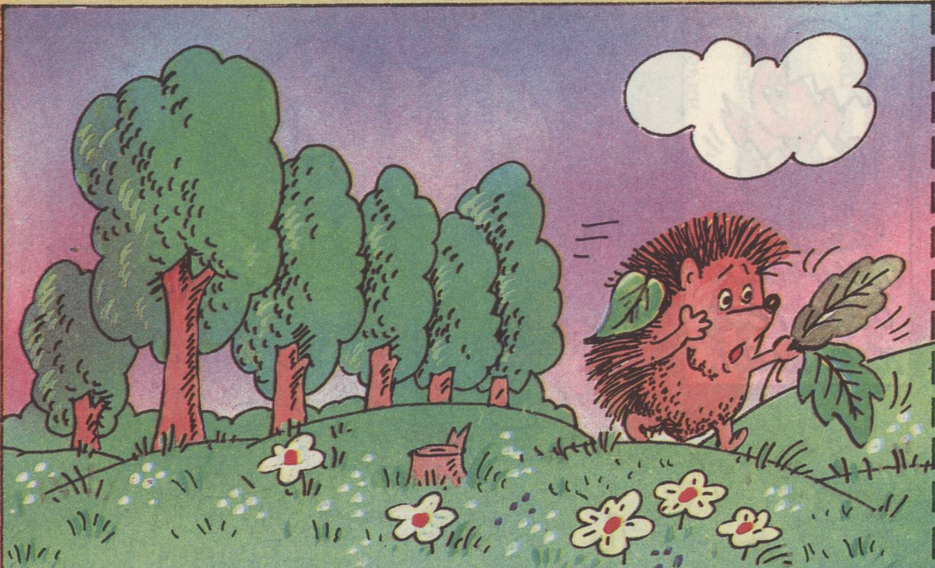
(Черепаха.)

Пушистое, белое облачко
На грядке капустой хрустит.
Скорее хватай его за уши,
А то в небеса улетит.

(Кролик.)

Она всегда сбегает,
А фокус очень прост:
Ей в этом помогает
Ужасно хитрый хвост.

(Ящерица.)

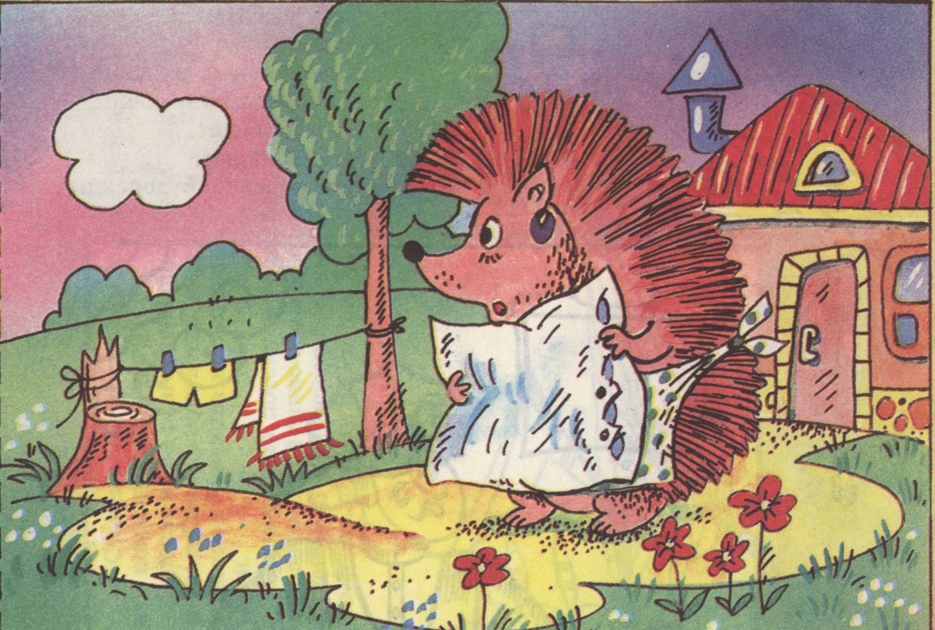
Андрей УСАЧЕВ

КАК ЕЖИК НАШЕЛ ДОРОГУ ДОМОЙ

Мама Ежиха, затеяв уборку,
Стала труху из перины трясти
И попросила Ежика в норку
Для новой перины листвы принести.

Ежик клубком по листве покатился...
И в незнакомом лесу очутился!

Ежику страшно. Иголки дрожат.
И полетел со спины листопад:
Вихрем летели из «новой перины»
Листья березы
и
листья осины,
Кисти рябины,
ладошка кленовая,
Дуба листочек
да шишка сосновая!

Но не напрасно Ежик дрожал.
Ежик тем временем соображал:
«Первым березовый лист опустился...
Значит, я рядом с березой катился!..»

Маленький Ежик уже не дрожит.
Он уже к ближним березкам бежит,
Мимо березок —
к роще осиновой,
Мимо осинок —
к роще рябиновой.

Клены качают верхушками справа.
Вот показалась за ними дубрава.
Вот уже близко сосна на пригорке.
Вот и добрался Ежик до норки!

Мама глядит удивленно на сына.
Мама спросила: «А где же перина?»
Ежик смутился: «Перина... в лесу...
Можно, я завтра ее принесу?»

«ФАКТ»

Лето пришло. А мы хотим начать разговор на темы семейные.

Почитайте этот выпуск «ПАФ»а где-нибудь в тишине летнего сада, на скамейке в парке — подумайте. Что такое, на ваш взгляд, счастливая семья? Какие проблемы мешают вам и вашим родителям «сосуществовать»? Какой бы вы хотели видеть вашу будущую семью?

Если будет желание, пошлите в «ПАФ» ваши размышления.

Разговор на темы семейные будем продолжать в следующих выпусках.

ПОСЛУШАЙТЕ!

У меня с матерью конфликт. Я уже боюсь говорить с ней о чем-либо. А она всегда начинает: мол, заработаешь и купишь, что захочешь. Вот, например, в классе у всех девочек есть шубы, и им не говорят: «Заработай и купишь». Вы подумаете: у матери нет возможности купить мне шубу. Как раз есть! Она покупает себе все, что захочет. Она молчит, когда отец дома, но, стоит ему уехать в командировку, она опять начинает свое: «Вот устраивайся на работу и покупай все, что захочешь».

Я хотела остаться у бабушки после каникул: она живет в другом городе, но мать сказала: «Ты мне нужна». И пришлось возвращаться домой. Но я не хочу жить с матерью!!!...

З.С., БССР.

Я и мои родители — большие друзья. Всегда и везде мы вместе. В театр, в лес, на экскурсии ездим в полном семейном составе: мои папа и мама, старший брат и я.

Больше всего мои родители любят дружить с людьми. Когда к нам приходят гости, всегда бывают интересные разговоры, папа играет на гитаре и поет, а мама такие пироги печет — пальчики оближешь.

Когда я вырасту, то у меня тоже будет большая семья. И я с радостью буду принимать гостей. А дружить стану только с добрыми, хорошими людьми.

Настя Сергеева, 12 лет, г. Москва.

Моя жизнь стала невыносимой. Моя мать совершенно не хочет меня понять. Иногда сидит и говорит: «Расскажи что-нибудь». С каким трудом я подбираю тему для разговора! О сексе и о любви она слышать не хочет. Мне нравится пацан, а я ему нет. Я не знаю, как поступить в этой ситуации. Заговорить об этом с матерью? Так она уши затыкает. А подруге всю душу не раскроешь. Еще хорошо, меня отец понимает. Но отцу я не могу — о любви.

Света, г. Гомель.

Мой папа — веселый человек. У него есть такая утренняя шутка. Папа подходит к моей кровати и спрашивает: «Как живете, караси?» А я спросонья отвечаю: «Ничего себе. Мерси». И сразу настроение у меня повышается, я с удовольствием встаю и все дела начинаю делать.

Коля Бородин, г. Тула.

ДУМАЮ О МИРЕ И О СЕБЕ

Дружба бескорыстна

Галя Василенко из Москвы думает о мире и о себе вместе со своей бабушкой. Здорово, правда! Прислушаемся же к их неторопливой беседе...

Галя. Бабушка, я знаю, что в детстве ты дружила со многими ребятами. Какие сейчас у тебя с ними отношения?

Бабушка. На всю жизнь запомнились мои школьные друзья, хотя мы никогда не виделись уже после выпускного вечера. Лишь с одним из них — Колей Зубцовым — встретились несколько лет назад. Передо мной стоял стройный полковник со знакомыми темными глазами. Вспомнили военные годы, когда мы, детишки, выходили всем классом по выходным в лес, заготавливали дрова для школы или убирали картошку и капусту в совхозе. Никто не отлынивал.

Галя. Бабушка, а были ли у тебя друзья, которым ты обязана своей жизнью?

Бабушка. Да. Знаешь, был момент, когда показалось: жизнь кончилась. Мне было 33 года. Я осталась с двумя маленькими детьми без крова, без работы. Бросила все и приехала, чтобы быть рядом со смертельно больным твоим дедушкой.

И вот в это время рядом оказались мои верные студенческие друзья. Именно верные. Я очень ценю в человеке надежность. Мои друзья помогли мне выстоять: найти работу, получить квартиру, отремонтировать ее, а новоселье справляли стоя, так как не на что было сесть.

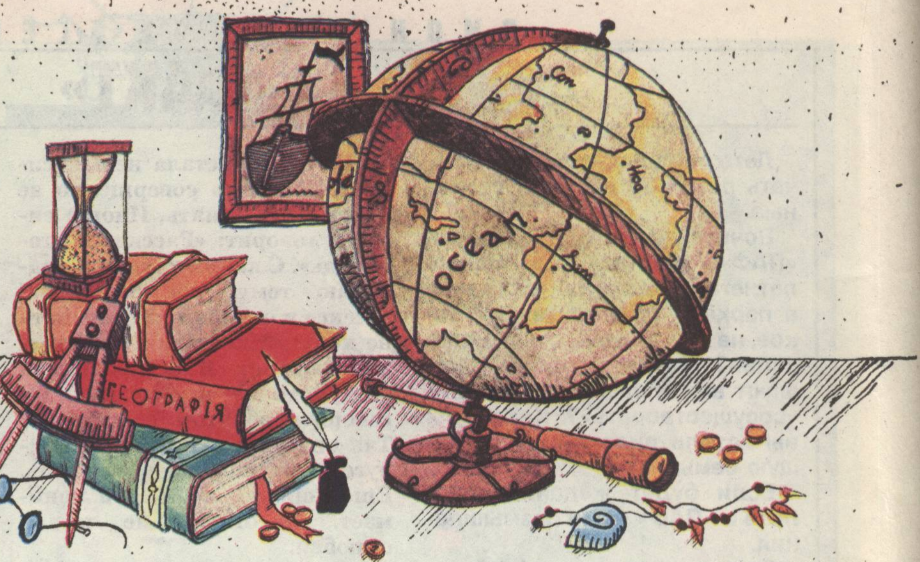
Дружить надо уметь. Когда дружишь — отдаешь другу все, не думая, что получишь взамен. Это закон непреложный. Дружба бескорыстна.

Недавно я получила в подарок две книги от своих друзей, написанные ими. Меня очень обрадовало одно слово в обоих посвящениях: один написал «верному другу», другой — «за верность». Это для меня лучшая награда.

Рис. О. Зябликовой.

ИТОГИ КОНКУРСА «СОВРЕМЕННАЯ КАРТА»

Дорогие ребята!

В конкурсе «Современная карта», объявленном в № 8 за прошлый год, участвовало не более двухсот человек. «Мало»,— скажете вы. Но зато какие работы мы получили! Неспешно выполненные, красиво оформленные.

МОЛОДЦЫ Люда ВИННИЦКАЯ из города Новочеркасска Ростовской области, Света ШИМАЛИНА из города Свободный Амурской области, Валера КОЧКИН из села Березовка Челябинской области, Андрей ТИХОНОВ из города Хабаровска, Анна ПЛУЖНОВА из города Устюжина Вологодской области! Работы этих ребят удивительны, а за знания географии, истории, за умение рисовать редакция каждому бы из них поставила пять с плюсом.

Победителя определить было очень сложно. Но все же мы с этой задачей справились. АЛЕША ОРЛОВ, УЧЕНИК 7 «Б» класса школы № 1206 города Москвы, ПОЗДРАВЛЯЕМ ТЕБЯ!

Вот письмо, которое прислал Алеша.

«Я решил принять участие в конкурсе «Современная карта», объявленном в вашем журнале. Выполняя это задание, я очень многое узнал и многому научился. Времени ушло на всю работу прилично, но я ничуть не жалею. Когда я рисовал карту, то сначала скопировал политическую карту мира. Но она получилась очень узкой и на ней трудно было разместить все названия. Я понял, что старинная карта составлена по другой системе. Тогда я склеил обе части старинной карты и с помощью стекла и лампы скопировал очертания материков, островов, места расположения городов, а также красивые буквы с названиями морей, океанов и заливов. Потом я уточнил береговые линии материков и островов, пользуясь географическим атласом.

Затем выполнил самую трудную работу. Чтобы установить современные названия, пришлось использовать много книг и карт.

Когда моя карта была готова, я решил ее украсить рисунками. Каждый рисунок связан с каким-нибудь замечательным рекордом. Для этого я воспользовался «Книгой рекордов Гиннесса».

Затем аккуратно обвел все тушью и раскрасил фломастерами и карандашами. Описание стран я сделал в приложении.

Еще хочу добавить, что, читая книги о географических открытиях, я сделал вывод: старинная карта могла быть составлена по материалам второй половины девятнадцатого века. Хотя бы потому, что территория Квинсленд получила свое название после первой экспедиции немецкого путешественника Людвига Лейхгардта (материалы его экспедиции опубликованы в 1847 году).

Книги, которые мне помогли, я указал в приложении. А еще спасибо папе: он научил с помощью стекла переводить рисунки, советовал, какую литературу читать, и принес свой военный словарь (папа — офицер).

До свидания, дорогой журнал «Пионер».

Ученик 7-го класса Алеша Орлов.

А вот выдержка из списка литературы, которую победитель конкурса «Современная карта» использовал в работе: Жорж Блон «Великий час океанов. Индийский океан»; «Страны и народы. Зарубежная Азия. Юго-Восточная Азия»; «Военный энциклопедический словарь»; И. П. Магидович, В. И. Магидович «Очерки по истории географических открытий» (в 5 томах); «Книга рекордов Гиннесса»; «Жизнь животных» (в 7 томах); «Мир и человек»; Географический атлас; Политическая карта мира; газеты.

Познакомьтесь с Алешиной картой. Это настоящий подарок журналу.

От редакции

ДЛЯ ТЕХ, КТО ИГРАЕТ В «ЗАХВАТ КОЛОНИЙ»

В №8 за прошлый год мы опубликовали вертушку, без которой в «Захват колоний» не сыграть. Но, увы, забыли раскрасить ее. Редакция просит прощения за то, что лишила вас возможности поиграть, а также и за то, что правильную, раскрашенную вертушку мы публикуем так поздно. Но лучше исправиться поздно, чем никогда. Играйте на здоровье!

Рисунок О. ЗЯБЛИКОВОЙ.

Северный тропик
Южный тропик
Индостан
Индокитай
Китай
Бомбей
Мармаган
Калькутта
Мадрас
Коломбо
м. Кумари
о. Шри-Ланка
Азиатский слон
Индийский тигр
Водяной буйвол
Бамбук
Королевская кобра
Ржаво-пятнистая кошка
Бенгальский залив
Андаманские острова
Никобарские острова
Лаккадивские острова
Мальдивские острова
Бирма
Рангун
м. Пуриян
Лунная крыса
Таиланд
Бангкок
Летучая мышь бамбели
Камбоджа
Хошимин
м. Камау
Сиамский залив
Малакка
Малаккский пролив
Сингапур
Суматра
Вулкан Тоба
Паданг
острова Ментавай
м. Джамбуайр
Гуанчжоу
(Кантон)
Сянган (Гонконг)
Гигантская саламандра
Дерево гинкго
Хайкоу
о. Хайнань
о. Тайвань
Тайань
о. Лусон
Манила
Филиппинские острова
о. Палаван
море Сулу
о. Минданао
Южно-Китайское море
Бандар-Сери-Бегаван
Калимантан
Сетчатый питон
Банджармасин
море Сулавеси
Тихоокеанская кожистая черепаха
Тернате
Хальмахера
Яванское море
Джакарта
о. Ява
о. Бали
Уджунгпанданг
Макасарский пролив
о. Сулавеси
о. Серам
море Банда
Комодосский варан
о. Флорес
о. Сумбава
о. Сумба
о. Тимор
Купанг
Малые Зондские острова
Арафурское море
Малайский архипелаг
Маноквари
Новая Гвинея
Гора Карстенз
Гребнистый речной (морской) крокодил
Архипелаг Бисмарка
Летучая лисица Бисмарка
Рабаул
Порт Морсби
Торресов пролив
м. Йорк
Морская змея
Коралловое море
Тайпан
Таунсвилл
Тихий океан
Каролинские острова
Марианские острова
Марианская впадина
Карликовая акула
Индийский океан
Муссонное течение
Южное пассатное течение
Китовая акула
М. звезда, терновый венец
Кокосовые острова
Карликовый бычок
Синий (Голубой) кит
Камень-рыба
Дарвин
м. Толбот
залив Карпентария
Северная территория
Квинсленд
Западная Австралия
Австралия
Брум
Рыжий кенгуру
м. Северо-Западный
Гора Аугустус
Страусиное яйцо
N
S
W

Владимир КОЖЕМЯКИН

Весенний кол

Кружили стрелки
На часах,
Плясали зайчики
В глазах,
Машины мчались,
Люди шли,
Кусты весенние
В пыли
Цвели,
Брел по двору
Барбос,
Держал он
Против ветра нос,
А очень мудрый
Древний кот
Смотрел,
Куда Барбос идет.
А я стоял,
Домой не шел,
Все потому,
Что жирный кол
Хранил
Мой старенький дневник.
Кол неожиданно возник,
Когда я думал
О весне,
Пересчитав
Ворон в окне.

Улыбки

Улыбнулось солнышко с утра,
Кто-то крикнул на дворе «ура!».
Мама с папой улыбнулись мне,
Улыбнулась кошка на окне,
И в большом аквариуме
Рыбки
Не скрывают
Добрые улыбки.

Целый день
Решил на всех я дуться,
Но теперь
Нельзя не улыбнуться!

Воздушный змей

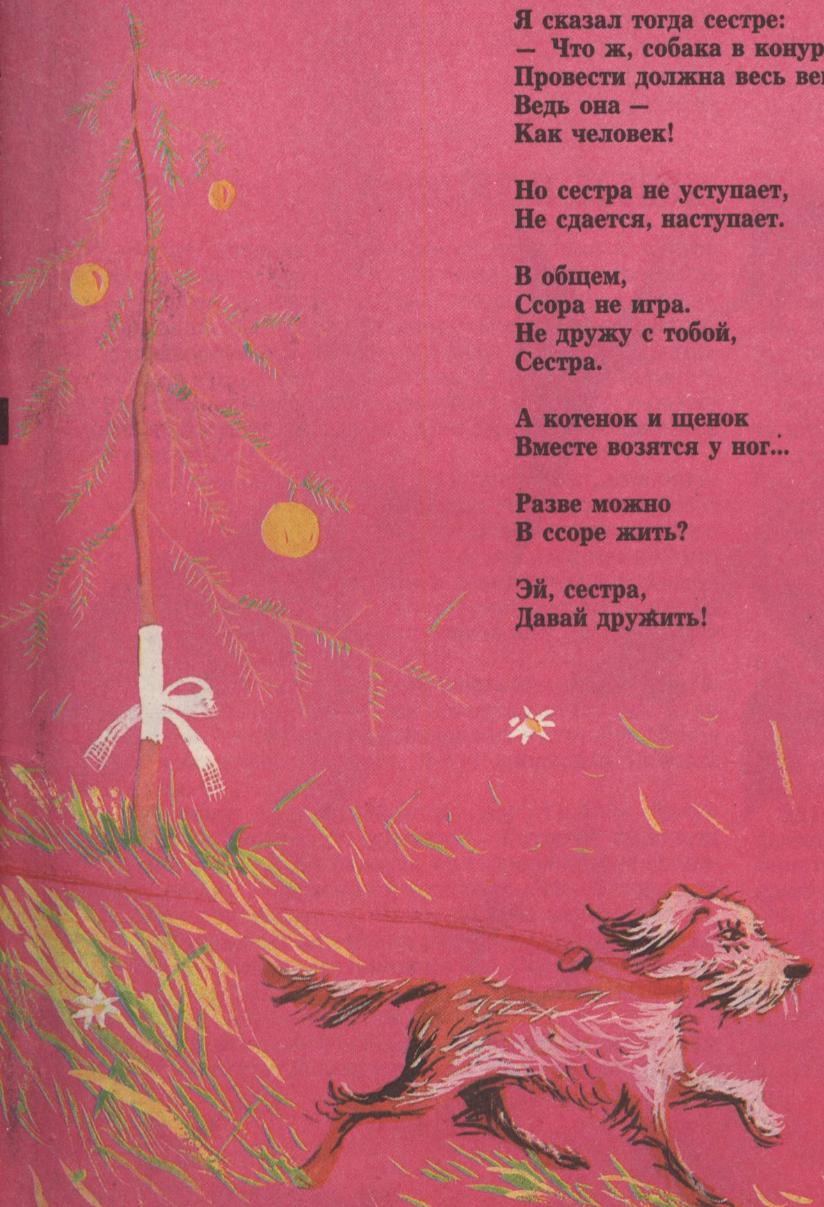
Мы с Петькой запускали змея
С хвостом
Из старого мочала,
А тут вдруг ветерок повеял,
И змея нашего
Помчало!..
Вот он исчез,
И только
Резко
В моей руке
Дрожала леска:
Как будто в небо голубое
Змей приглашал меня с собою.

Елка

Прошел Новый год,
И я первый заметил:
Под елкой
Иголки
Лежат на паркете.
С сестрой из-под елки
Мы вымели сор,
Но снова
В иголках
И пол, и ковер.
Что делать, скажите:
Мести и мести?
Придется нам елку
Из дома нести.
Мы с елочки сняли
Нарядный убор
И вынесли деревце
Прямо во двор.
Как жаль,
Что нельзя нашу елку
спасти —
Вернуть ее в лес
И сказать ей:
— Расти!

Ссора

Принесла домой сестренка
Черно-пегого котенка,
Позавидовав слегка,
Я принес домой щенка.
Говорит сестра:
— Собаки —
Грызуны и забияки.
Ну а кошки —
Это лапки,
Не грызут в прихожей тапки!

Я сказал тогда сестре:
— Что ж, собака в конуре
Провести должна весь век?
Ведь она —
Как человек!

Но сестра не уступает,
Не сдается, наступает.

В общем,
Ссора не игра.
Не дружу с тобой,
Сестра.

А котенок и щенок
Вместе возятся у ног...

Разве можно
В ссоре жить?

Эй, сестра,
Давай дружить!

Рассказ Саши о любви к Оле

Я влюбился,
И это со мной в первый раз,
И с волненьем теперь
Захожу я в свой класс,
Быстрый взгляд устремляю
Туда, где ОНА,
Как принцесса, сидит
У второго окна.
ОНА смотрит в учебник,
Листает тетрадь...
Как мне к НЕЙ подойти,
Как решиться сказать?
Королева
Моих воздыханий и грез —
Я бы даже
Портфель ЕЙ до дома донес.
Тяжело быть влюбленным,
А мне-то вдвойне:
Прочитал я сегодня
На школьной стене:
«Эс» плюс «о»
И, конечно,
Равняется «эл».
Не иначе
За мной
Кто-нибудь подглядел.
Что же делать?
Мне слишком любовь дорога!
Надо быть осторожным,
Как в стане врага,
Стану невозмутимым,
Почти как стена.
О любви не узнают
Ни класс,
Ни ОНА.

День рождения

Сегодня
День рожденья мой,
И папа с мамой
К нам домой
Собрали всех своих друзей.
Чтоб сыну было веселей?

«Как ваш сынишка за год
вырос!» —
С улыбкой говорят они.
А я стою
В вещах на вырост:
Пиджак,
Огромные штаны...

В чужое будто я одет.
И до гостей мне дела нет.

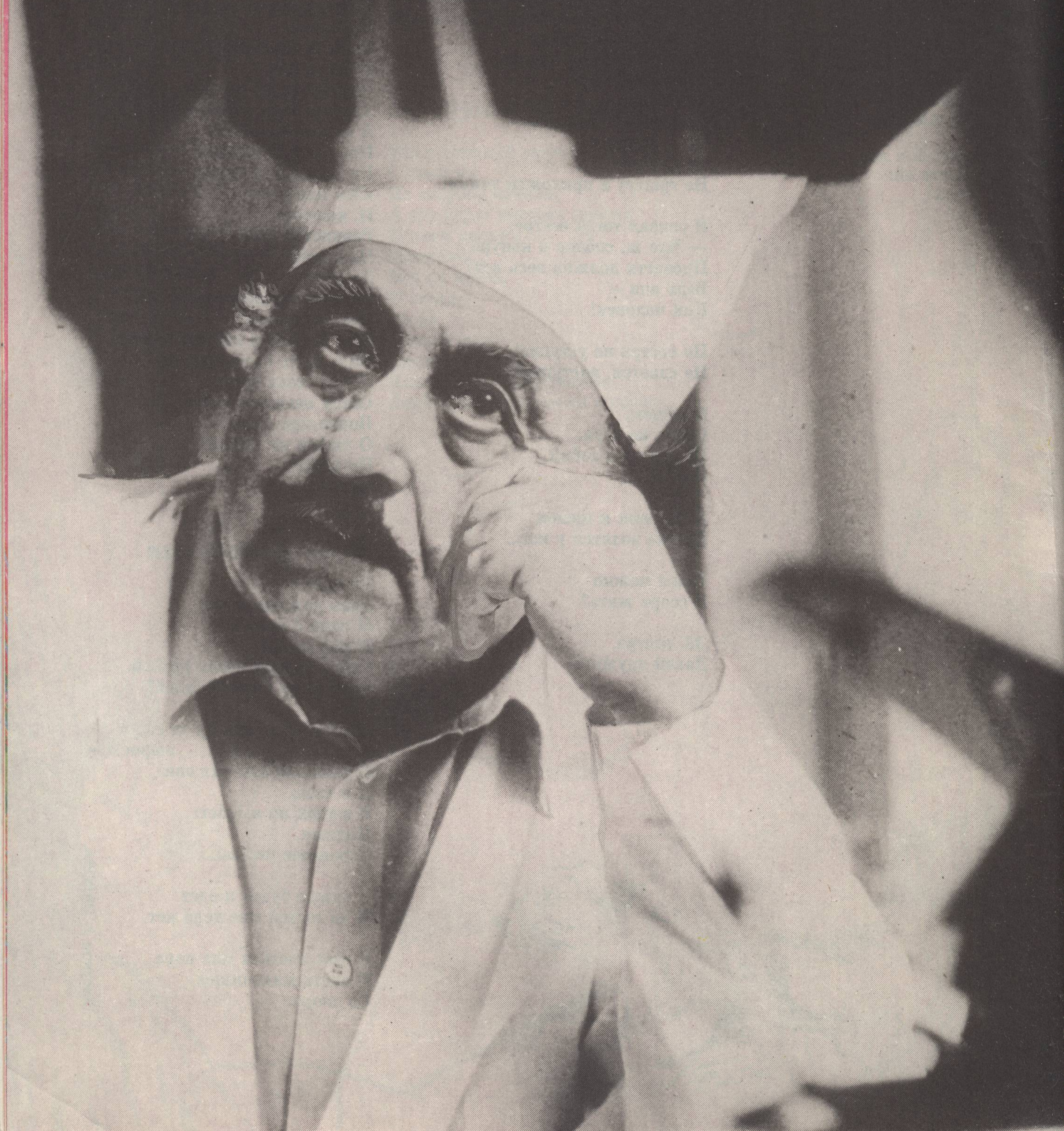
В свое одеться мне пора
И звать мальчишек
Со двора.

Рисунок А. ОРЛОВА.

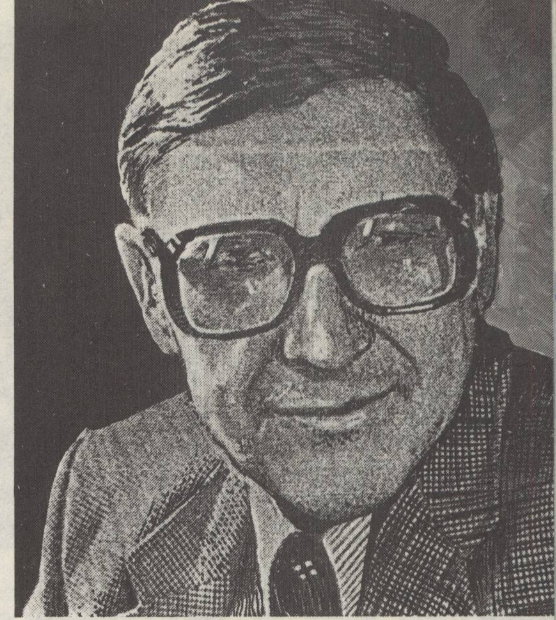
Евгений ВЕЛТИСТОВ

БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

(ПОВЕСТЬ О ДОКТОРЕ ИЛИЗАРОВЕ)

Это был очень высокий человек. Про таких в моем детстве говорили: «Дядя, достань воробушка!» Он как бы оправдывал свою фамилию Велтистов, происходящую, возможно, от старорусского «велет» — великан. Он родился в Москве, в семье военного инженера, в 1934 году. Шла война, великая война. Во второй год великой войны он пошел в школу. В 265-ю, на Домниковке. Книг было мало. Читать хотелось очень сильно. Когда спросили, кем ты станешь, ответил: «Продавцом детских книжек. Чтобы прочитать все». Потом он передумал. Решил стать журналистом. Это было твердое решение. Окончил факультет журналистики. Стал работать — сперва в газете, потом — редактором отдела в популярном журнале «Огонек». Ведал фельетонами и всякой всячиной, что печатались на последних страницах. В многоэтажном доме редакция занимала три этажа. И когда в праздничные дни вывешивали веселую стенгазету, его изображали так: голова на третьем этаже, туловище — на втором, а бегущие ноги — на первом.

Он также был редактором «Кругозора», журнала с пластинками. А в двадцать шесть лет написал первую повесть для детей — «Приключения на дне моря». Потом вышли другие: «Тяпа, Борька и ракета», «Глоток Солнца», «Гум-гам», «Излучать свет», «Миллион и один день каникул», «Ноктюрн пустоты», «Классные и внеклассные приключения необыкновенных первоклассников», «Железный рыцарь на Луне».

Настоящую известность и любовь юных читателей Евгению Серафимовичу Велтистову принесли четыре повести, в центре которых чудесный робот в обличье школьника, верный товарищ детворы второй половины XX века: «Электроник — мальчик из чемодана», «Рэсси — неуловимый друг», «Победитель невозможного» и «Новые приключения Электроника». В 1982 году за сценарий многосерийного телефильма «Приключения Электроника» ему было присуждено звание лауреата Государственной премии СССР.

Это был очень трудолюбивый человек. Он, несмотря на писательский успех, дня не прожил без того, что мы называем «службой»; никто не знал, когда, собственно, он сочиняет: в отпуске? по ночам?

Это был очень сдержанный человек. За сдержанностью прятались его легкоранимая натура, его непосредственность, детскость. Его редкое умение находить интересных людей. Мало кто знает, как он разыскивал нуждавшуюся старушку Кудашеву, автора знаменитой песенки «В лесу родилась елочка». Как возил Станислава Лема на атомный реактор в Дубне, куда и близко не подпускали иностранцев. А однажды отправился в город Курган — познакомиться с легендарным хирургом Илизаровым. И написал о нем повесть, которую назвал просто: «Быть человеком». Эта повесть оказалась последней: когда он умер, она осталась лежать — аккуратно перепечатанная — на столе, рядом с фотографией смеющегося в усы доктора в окружении детворы.

Владимир ПРИХОДЬКО

ПРИТЧА О САДОВНИКЕ И ДЕРЕВЕ

После случайного и сложного перелома я долгое время чувствовал себя отвратительно, как говорится, не в своей тарелке — изгоем среди здоровых людей. Полгода ковылял на костылях с гипсовой ногой, потом хромал, опираясь на трость, глядя на выбоины в тротуаре и считая ступени лестниц. А главное, я чувствовал себя чужим в этом мире легко шагающих и беззаботно бегущих прохожих. Они были обыкновенные и счастливые, я — нет.

И тогда я решил лететь в Курган: может, мне повезет и я буду лечиться у доктора Илизарова; к нему, как известно, выстраиваются годовые очереди калек из разных городов и из разных стран. И потом я хотел посмотреть, что происходит в знаменитой курганской клинике, собрать материал и, возможно, написать со временем книгу. Позвонил Илизарову, договорился о встрече.

Встреча состоялась спустя шесть или семь месяцев. Илизаров был то в срочных поездках по стране, то за рубежом, то на важных совещаниях в столице. Время его, как я потом узнал, было расписано надолго вперед.

В начале марта 1988 года наш «ТУ-154» приземлился в Курганском аэропорту. Когда из самолета вышли обычные пассажиры, на ступенях трапа появились люди с костылями и тростями. Чем-то они напоминали раненых птиц. Но не печальных, сумрачных, а возбужденных сибирским морозцем, ярким солнцем и своей близкодостижимой целью. Ловко проскакали они по бетону аэродрома к ожидавшим их машинам и уехали. А я — вслед за ними.

В узорчатую решетку чугунных ворот, открывающих вход в институт Илизарова, вплетена эмблема: молодое сломанное деревце тянется вверх, поддерживаемое людскими ладонями. Воскресло в памяти искусство египтян, которые накладывали повязку из пальмовых листьев как на покалеченного человека, так и на искривленную яблоню. Только на этих воротах эмблема была более человеческая и современная, чем классическая яблоня, привязанная к подпорке. Видимо, работал над ней художник, излечившийся в институте.

Вспомнилась легенда, популярная у всех поколений «костоправов».

...Некий король объезжал свои богатые владения. Как вдруг увидел одинокий дом посреди голого поля.

«Что за пустошь? Что за унылый дом?» — спросил удивленный король.

Ему рассказали об изгоях, которые жили в этом доме. У одних переломаны мельницей жизни кости. Другие родились уродами. Третьи случайно стали калеками. А ошибки природы и судьбы старались исправить добрые люди — доктора.

«Эти люди,— произнес король,— напоминают мне садовников, выхаживающих больное дерево...»

В легенде, как и положено, дерево вырастает большим и стройным.

А здесь?

Здание института — как гигантский корабль, дрейфующий в белых снегах. Сверкают просторные иллюминаторы-окна. На палубах-лоджиях загорает команда в халатах и пижамах. Лифт мчит от мраморной палубы в капитанскую каюту.

...Я узнал его по портретам. Чем-то похож на Чарли Чаплина в белом халате и высоком колпаке. Из-под колпака торчат вихры бунтующих, но уже седеющих волос. Черная щеточка усов воинственно взъерошена. Взгляд выпуклых темных глаз внимателен и чуть печален.

Илизаров сразу приметил мою чужую, деревенеющую на ходу ногу.

— Перелом? — привычно спросил он.— Болит?

— Болит,— признался я.

— Можете показать? — деликатно попросил он.

Никто за всю болезнь не нянчил мою ногу так, как этот доктор. Ощупывал стопу, голень, лодыжку сантиметр за сантиметром, расспрашивая о подробностях, которых я не знал; кончиками пальцев ловил пульсацию сосудов, прислушивался чутким ухом к тайному ходу крови, что-то глухо бормотал про себя, пока я вставал, делал несколько шагов и садился.

Доктор попросил помощника проверить его, поставить свой диагноз. И пока помощник проделывал со мной такую же процедуру, Илизаров сидел задумчиво-неподвижно за своим письменным столом, а потом принялся что-то чертить на первом попавшемся листе. Обменялся быстрыми репликами с помощником.

— Если наш диагноз подтвердят приборы, вы можете лечиться у нас,— предложил он.

— Но у меня есть и другая цель...

— Какая именно? — резко произнес Илизаров.

Я напомнил.

— Вам,— сказал доктор,— как и мне, важно иметь свой рентгеновский снимок — свой взгляд на проблему изнутри. Только тогда получится книга...

Он неожиданно улыбнулся, и глаза его из печальных превратились в лукавые и мудрые.

Я слышал о том, что Гавриил Абрамович любит разного рода фокусы, но такого не ожидал: я оказался на единственной тогда свободной койке — в детском отделении больницы.

КАК СТАТЬ ДОКТОРОМ

На границе между Азербайджаном и Дагестаном живет небольшой горный народ таты. В горах затерялся аул Кусары. Здесь, на родине отца — красного конника армии Буденного Абрама Аверкиевича Илизарова,— провел детство его сын Гавриил.

Большая татская семья, в которой было четверо сыновей и две дочери, боролась с нуждой. Маленький участок земли на склоне горы почти сплошь завален камнями. Всем семейством выбрасывали эти камни и в подолах рубах носили землю. Но камни будто вновь прорастали на поле, и урожай получался скудный. Выручала детей единственная молочная кормилица — коза.

Гавриил как старший был определен в пастушки. Летом ходил подпаском при чужом стаде, весной корчевал пни и кусты, убирал с поля камни, а осенью собирал сучья для домашнего очага и на продажу. Уставал так, что не чувствовал ни ног, ни голода — лишь бы добраться до лежанки в крохотной комнате.

— Дела в семье пошли веселее, когда в Кусарах объявили о создании колхоза,— вспоминает Гавриил Абрамович.— Мои родители вступили в колхоз одними из первых. Мы теперь ели хлеб каждый день. Помню, на день рождения мне подарили первые в моей жизни ботинки...

Но случилось несчастье: умер отец. Все заботы легли на плечи матери Галины Авраамовны и старшего — Гавриила. Он по-прежнему пас скот. Жили в ауле на редкость дружно — таты, лезгины, азербайджанцы, русские...

К дверям школы Гавриил подошел только в одиннадцать лет. Подросток, не видевший до сих пор ни одного учебника, не умел читать и писать, но довольно сносно знал таблицу умножения. Из-за роста он неловко чувствовал бы себя среди первоклассников, и родители упросили учителей посадить его в четвертый класс.

Была у него и своя потаенная мечта, о которой пока никому не говорил: стать медиком, врачом!

Однажды летом мальчик оказался в каком-то саду. Вместе со сверстниками он «атаковал» грушевое дерево. Злого умысла тут не было. Правили набегом чувство голода и протест против ежедневного супа-затирухи из отрубей.

Зеленые груши ночью вызвали у Гавриила жар, он тяжело заболел. Приходя в сознание, видел испуганные лица родных. Спас больного фельдшер. Он заставил мальчика выпить бессчетное количество чашек кипяченой воды, дал таблетки, сделал укол. К утру Гавриил почувствовал себя лучше. Он лежал на циновке и думал о свершившемся чуде: только что Бог хотел его призвать к себе и вдруг оказался бессильным перед фельдшером.

Фамилии его Илизаров не помнит, но будет бесконечно благодарен человеку, определившему цель всей его жизни. Фельдшер, сменивший в ауле знахаря, был образованным, авторитетным человеком. Подношений от больных или родственников не брал. Горцы его уважали.

В школе нашего «новобранца» определили в четвертый класс, когда уже шла последняя четверть учебного года.

Ему нравилось все — математика, естествознание, география, литература, история, языки, астрономия. Вот такая удивительная «всеядность»! На уроках он не глазел по сторонам, берег время, накапливая знания. Сдал за четвертый, на следующий год — за пятый и шестой классы. В пятнадцать лет окончил неполную среднюю школу. Все оценки — отличные. В тихом городке Буйнакске на рабочем факультете одолел программу девятого и десятого классов за один год. Тоже на «отлично». Теперь не было смысла скрывать свою мечту, и семья была согласна.

В 1939 году Гавриила Илизарова без приемных экзаменов приняли в крымский мединститут; было ему семнадцать лет.

Увлекали его разные фокусы и даже гипноз. На одном из концертов он внимательно наблюдал из-за кулис за действием приезжего гипнотизера. По тихому приказу невзрачного на вид человечка зрители засыпали и просыпались, отбивались от пчел, спасались от несуществующего пожара. Гавриил нашел пособия по гипнозу, изучил их от корки до корки и вскоре гипнотизировал не только сестренок, но и своих знакомых и друзей в ауле. Правда, он заметил, что многие взрослые поглядывают на него, как на шарлатана и колдуна. И решил приберечь свой «дар» для тех, кто верил ему,— для детей и животных. Не поддавалась гипнозу только домашняя коза. Как ни просил ее гипнотизер давать побольше молока, она упрямо выделяла семейству три литра в день. И ни капли больше.

...Много лет спустя в курганской клинике лежал очень печальный мальчик — девятилетний Роберто из Италии. Он перестал расти и осознавал всю нелепость своего существования. Илизарова встретил настораживающий взгляд маленького больного.

Строгий доктор в белом колпаке неожиданно подмигнул Роберто, взял с тумбочки салфетку, скатал ее в белый шар, на миг накрыл ладонями и... достал из салфетки большое красное яблоко. Разрезал скальпелем плод, половину протянул Роберто, а другую, смешно шевеля усами, съел сам. Роберто засмеялся. Мальчик не знал русского языка, профессор — итальянского, но объяснение состоялось. Роберто стал лечиться, расти и выписался здоровым.

Мне доктор Илизаров тоже демонстрировал забавные фокусы, и я смеялся, наверное, не менее заразительно, чем Роберто. Ведь я «пациент» детского отделения! Мне, правда, не надо ни удлиняться, ни укорачиваться; я вполне доволен своим почти двухметровым ростом; я лечу свои ноги. А еще я доволен тем, что в открытую дверь то и дело заглядывают забавные мордашки, летит детский смех.

— Скажите, Гавриил Абрамович, это правда, что в новый институт, пока он строился, первым переехало детское отделение? — спросил я.

— Да, дети — прежде всего!

Я уже привык к этому большому и уютному дому с очень непривычным названием: «КНИИЭКОТ».

«КНИИ» значит: Курганский научно-исследовательский институт.

«Э» — экспериментальный.

А «КОТ» — это не сибирский, не персидский, не чеширский знаменитые коты, как представляют себе некоторые маленькие пациенты. «КОТ» расшифровывается на врачебном языке так: клинической ортопедии и травмотологии. В переводе с греческого «травма» — это «рана», «логия» — «учение», а «орто» в прямом смысле слова — «правильный», «прямой». Две отрасли хирургии составляют единое целое: науку о том, как раненого, искалеченного жизнью или травмированного природой человека восстановить, сделать здоровым.

«КНИИЭКОТ» был заветной мечтой доктора Илизарова. К осуществлению этой мечты он шел долгие годы, пробиваясь через косность и недоверие. Уникальный институт был образован решением правительства РСФСР в 1971 году.

Здание института одним взглядом можно охватить лишь с высоты птичьего полета. Его силуэт и интерьеры мелькали в газетах, журналах, на телеэкране. Я брожу по разным этажам, черчу схемы, запоминаю, где что есть. Сверху институт напоминает серебристую звезду из металла, стекла и бетона. Или, точнее, звезду-корабль.

Каждый луч этой звезды — отделение для больных. Просторный коридор, уютные холлы, палаты с лоджиями, телевизорами, холодильниками — все это особый замкнутый мир для тех, кто учится заново ходить, двигаться. Кабинеты врачей, перевязочные, учебные классы — рядом, в соседнем боковом коридоре. В центральной зоне многоугольника — клинические лаборатории с новейшими приборами и механизмами. Внизу, в районе фонтана и вечнозеленого сада,— гимнастические залы, похожие на балетные классы, бассейны, конференц-зал, а на верхнем этаже — операционные блоки со стеклянными куполами. Удобно и для больных, и для врачей. Любая «скорая помощь», если потребуется, явится в палату за минуту, не мешая другим. В институте сразу лечится 800 больных.

Недаром больные назвали главный корпус «кораблем выздоравливающих»!

Мои координаты на корабле, блок «Г», 3-й этаж, отделение управления ростом детей.

На том же этаже, но в противоположном луче,— отделение управления ростом взрослых.

Вроде бы схожее название. Но разница — существенная.

В этом я вскоре убедился.

СУББОТА ДЕЖУРНОГО ВРАЧА

В субботу на рассвете брожу по пустынному коридору, вспоминаю рассказ американского фантаста Рэя Брэдбери. Это рассказ о мальчике, который уходит из семьи, приютившей его несколько лет назад. Он покидает приемных родителей, чтобы уехать как можно дальше, где его не знают, и войти в новый дом, где живут одинокие люди. Они его приютят и полюбят, он это предвидит, но и там повторится то же самое. Пройдет время, и соседи начнут на него странно поглядывать и перешептываться. Постареют родители, а он останется таким, как и был. Вырастут сверстники и перестанут принимать малютку Билла в свои новые игры. И вот настанет день, когда вечный

мальчик, вынужденный скитаться по жизни, снова возьмет чемодан и отправится на вокзал...

Наш коридор блестит чистотой, политы цветы. На кожаных скамьях чинно усажены мягкие игрушки. У «черной» лестницы ведра со вчерашним мусором — обертками от конфет и жвачек. Вдоль стены выстроились в ряд, как ночные троллейбусы в городе, каталки. Палаты сонные, тишайшие, субботние.

Но вскоре зазвучат голоса, дрогнут и тронутся в путь каталки, в коридор выйдут те, кто может и должен ходить. Признаться, я несколько растерялся, когда увидел впервые моих маленьких соседей. Почти все они носили аппараты Илизарова — кто на руке, кто на ноге, а кто и на обоих руках или ногах. Двигались они несколько неуклюже, но уверенно. Я, вглядываясь в лица и фигуры, узнавал старых знакомых. Вот хрупкая Раймонда с большим голубым бантом, ее поддерживает за талию медсестра. Толстяк Карлсон, мой любимый герой,— добродушный хитрющий толстяк; только это не «мужчина в полном расцвете сил», а, судя по косичкам, девочка в джинсовой форме... Мужичок с ноготок топает навстречу, прямо вскинув голову... Малыш в шлеме, нарукавниках, наколенниках — то ли средневековый рыцарь, то ли хоккеист... А потом я открыл подлинные их имена: Нина из Кургана, Люба из Харькова, Дима из Донецка, Алибек из Целинограда... У комнаты игр, открытую дверь которой в ожидании маленького концерта сторожит внушительный игрушечный тигр, встретил высокого человека в белом халате — Костю Новикова.

— Вы что так рано? — шепотом спросил я.

— Дежурю,— шепотом отозвался наш молодой завотделением.— Приходите после осмотра чай пить.

Константин Игоревич шесть лет назад окончил Омский мединститут, с великой охотой принял предложение работать у Илизарова, стал его соратником. Пока он осматривал лежачих детей, я побывал в классной комнате на уроке русского языка.

На столах учебники, тетради, шариковые ручки. В четвертом классе занимаются семь девочек и мальчиков, остальные десять учеников — лежачие, проходят предметы с учителем в палате. А всего в этой школе 196 учеников — от первого до десятого класса.

Учительница просит разобрать предложение: «В холодную скучную осень сидит белочка в дупле старой сосны». Подняли руки две девочки. Слово дали Полине, которая строго, упрямо держала над головой руку в целлофановом пакете. Полина отвечает правильно, но иногда сбивается. А ее подруга Вика так извелась с протянутой рукой, что даже привстала с места, оперлась на больную ногу, совсем не замечая этого. И Вика дополняет Полину и косит сердито на Любу-Карлсона, которую почему-то сотрясают приступы внезапного смеха.

Потом они пишут короткий диктант о двух братьях, которые пошли кататься на лыжах. Задумчивый Саша делает в тетради ошибку на уровне первого класса, недовольно фыркает, поспешно исправляет описку левой рукой.

Входит девочка на костылях, с целлофановым пакетом, в котором учебников на пять уроков вперед.

— Извините, я была на процедурах.— Девочка садится, ставит костыли возле стула.— Вы уже писали диктант?

— Да, Таня, писали. Ты не расстраивайся,— отвечает учительница.— Возьми тетрадь и разбери полные и краткие прилагательные.

Таня аккуратно и быстро пишет: «Красив ситец, да линюч», «Стар гриб, да корень свеж», «Добрый совет ко времени хорош...» Разобрать прилагательные ей на этом уроке не удалось, потому что открылась дверь, просунулась чья-то лохматая голова и прохрипела: «Эй, чего сидите? Звонок был!..»

...За чаем познакомился с мамой Иры Агишевой, девочки из палаты, которая как раз напротив меня. Лидия Александровна — психолог. У них с Константином Игоревичем, видимо, давняя дискуссия о том, как лечить карликов.

— Давайте посмотрим, стимул у больного какой? — помешивая ложечкой в стакане, рассуждает Константин Игоревич.— Больному важно в ванной дотянуться до полки, взять зубную щетку, заглянуть в зеркало...

Лидия Александровна вздохнула, мягко ответила:

— Расскажу про Ирину. Мы узнали о ее заболевании через три месяца после рождения. Бросились к врачам. Все бесполезно. Решили сохранить микросреду, товарищеский коллектив. Дочь ходила в детский сад, потом с теми же ребятами — в школу. К одиннадцати годам она уже выглядела карликом среди своих друзей. Состояние ее можно понять — замкнутость, одиночество, агрессивность.

— Насколько помню,— задумчиво произнес врач,— вы ее в прошлый раз привезли обманным путем?

— Да,— подтвердила мама,— она никак не хотела. Но вскоре почувствовала себя своей среди своих. Заразилась всеобщим настроением, подсчетом: кто на сколько подрос. В результате операции на голени Ира выросла на восемнадцать сантиметров. Наполовину преодолела в себе карлика...

— Но это только одна треть полного цикла,— напомнил доктор.

И пояснил, что в среднем лечение таких больных занимает обычно четыре—шесть месяцев. Сейчас у Иры идет наращивание бедерных костей. А в следующий приезд будут удлиняться руки. Так оно и должно быть. Но очередь на лечение постепенно увеличивается. Новому больному называются почти нереальные сроки — через 15—20 лет. А он ведь планирует свою жизнь на ближайшие годы: как ему окончить школу, поступить в институт... Как тут быть? Выход, видимо, в том, чтобы лечить большинство больных на месте.

— И вот Ира по приезде из Кургана в Москву попадает в новую школу,— продолжает Лидия Александровна.— Первая ее реакция: не говори никому, что я была там... Ей казалось, что она совсем уже другая, а мы видели, что девочка не совсем вписывается в новую сферу, но ничего не говорили про это. Она уже сама садилась в автобус, гуляла, чистила зубы. Приехала из Кургана подружка Светка. Это, поймите, счастье — посмотреть старые фотографии, перелистать письма, вспомнить. То и дело Ира спрашивала меня: «А когда поедем снова?»

...В кабинет Новикова ввозят на каталке девушку. Это Милена Серра пятнадцати лет; она из Италии. Отец ее корабельный кок, мать, как говорится, домашняя хозяйка, а вообще-то сиделка при единственной дочери, она и привезла Милену на осмотр. В шесть лет у девочки замедлился рост. Местные врачи пустили в ход сильнодействующие лекарства, рост вообще прекратился. Из журнала мать узнала о докторе Илизарове и повезла дочь в Курган. Сейчас Милена заканчивает лечение. Она выше матери, выросла на двадцать один сантиметр.

— Милена, зачем тебе это? — не унимался в своих исканиях истины доктор Новиков.

— Хочу жить, как все.— Милена улыбнулась и стала еще симпатичнее.— Для начала поступлю в колледж.— Она прекрасно научилась говорить по-русски.

— А если ты встретишь такую девочку, какой ты когда-то была, что ты ей скажешь?

— Лечись у доктора Илизарова.

Спустя час мы встретили Милену в коридоре. Она шла на костылях (первый день после последней операции), но довольно спокойно, с улыбкой, обращенной ко всем, кто шел ей навстречу.

— Пожалуй, это не лечение, а возвращение к жизни,— задумчиво произнес Константин Игоревич, когда Милену увезли из его кабинета.

— Лечить надо всех,— подтвердила мама-психолог.— Вообще-то я пришла сказать: Ире больно...

Идем к Ире в палату. Ира лежит с закрытыми глазами; по щеке сползает слезинка. Врач мягко успокаивает ее, объясняет, что после вчерашней операции надо сделать несколько шагов. Девочка замирает, напрягается, собирается с силами.

Через две минуты Ира с помощью мамы и доктора встает на костыли. Аппарат у нее на правом бедре, которое растет уже сутки; потом начнет догонять его в росте и левое. Ира делает несколько осторожных шагов вдоль койки и обратно; косички ее медленно покачиваются в такт движениям. Ложится, вздыхает, прислушиваясь к себе, и улыбается — она победила страх и боль.

Пришла очередь ее соседки. Толстая Оксана хнычет, привычно причитает: «Ой, мама, мама». Но сердобольная мама удалена на время в коридор. Оксану поднимают доктор и мать Иры, ставят возле стула: держись! И Оксана сквозь поток слез осторожно следит, как ее левая нога с аппаратом делает маленький шажок вперед, а затем правая.

— Оксана, успокойся,— уговаривают ее девочки.— Видишь, как хорошо, как ладно...

И Оксана, водворившись на привычной постели, успокаивается. Она должна полежать и осмыслить, как сумела без помощи мамы сделать два шага.

А мама еще ничего не знает. Позже Оксана, конечно, возьмет реванш, обвинив мать в невнимании к ее персоне и бессердечии.

Мать погладит ее по голове, по больным ногам. И Оксана выпьет стакан сока и лениво пожует что-нибудь.

Мам в этом отделении много, почти у каждого ребенка. Они помогают санитаркам, приносят соленья и варенья, делают уроки вместе с детьми. Некоторые, оторванные надолго от дома, поступают на временную работу здесь же, в институте.

Константин Игоревич пощипал кончики рыжеватых усиков.

— Без родителей детям было бы тяжелее.— Он взглянул на Ирину маму, и та чуть заметно кивнула в ответ.— Надо кому-то поплакаться. На кого-то поворчать. Просто подремать рядом.

А на главной улице отделения, в коридоре, большое движение. Девочки выходят из палат, спешат к подругам, радуются так, будто не виделись сто лет, шепчутся о своем. Мальчики ходят, прихрамывая, вперед и назад, делятся новостями.

Санитарка Валя-хромоножка, изгибаясь всем телом, словно ящерица, проникает тряпкой и щеткой в самые непроходимые щели и узкие углы. Малышня старается ей помочь, наперебой кричит: «Ну, кто же так трет? Давай, Валя, тряпку! Давай покажу...» У Валентины вывих бедра с рождения. Она детдомовка, приехала сюда из Белоруссии. Мне объяснила, что курганских, если они работают в институте, берут на лечение через три года. Да, это не через десять или пятнадцать лет. Счастливого излечения, Валентина!

Я заметил, что в этом сложном потоке пешеходов никто не толкнет другого, не коснется ноющего плеча, не наступит на больную ногу, даже если поспешит за убежавшим мячом...

А вот и высокий Константин Игоревич с двумя пацанами. Идет с сыновьями прогуляться. Потом они вместе со всем отделением будут смотреть спектакль областного театра кукол «Гулливер» — «Али-Баба и сорок разбойников». Вот где смеху-то было, веселья! Спасибо тебе, «Гулливер»!

— Что сегодня в вечерней программе детского отделения? — спросил я доктора.

— Что-нибудь веселое,— серьезно ответил он.— Увидите сами.

И я увидел...

Подвижные игры... Футбол с воздушным шаром, который ловко подкидывали одетые в аппараты ноги мальчишек.

Авторалли под одобрительные крики трибун. Гонка по коридору.

Туристские песни под гитару.

Клуб анекдотчиков.

Рок-н-ролл, грохочущий на магнитофонах в палатах.

Не считая, конечно, вечерних телепрограмм.

Верно говорят об Илизаровской клинике: веселая больница. Что ж, грамм веселья полезнее для здоровья, чем тонна скуки. Это проверено всеми медиками мира.

Перед отходом ко сну из палаты в палату летят стрелы реплик. Зачинщики, конечно, девчонки: они придумывают что-нибудь задиристое. Мальчишки, получив неожиданный вопрос, вырабатывают решение, запускают свою «стрелу», вызывая бурную реакцию подружек. И все хохочут.

Постепенно палаты стихают, отходят ко сну. Какой-то мужичок с ноготок протопал по гулкому коридору, пробасил в открытую дверь:

— Эй ты, давай спи!

И тоненький голос тотчас отозвался:

— Спокойной ночи! До завтра, прощай!

— Не скучай!..

«РЕБЯТА, ВОТ И Я!»

Ирина Зайцева, студентка юридического факультета Ульяновского государственного университета, лечится во взрослом отделении. Как и ее маленькая подружка Ира, она перенесла в детстве ту же болезнь. Но не смогла сразу попасть к Илизарову, лечилась у себя. А когда оказалась в курганском институте, поняла: у взрослых кости и ткани менее податливы для операций, чем у детей, взрослым труднее, надо больше терпеть.

Класс у Ирины Зайцевой был на редкость дружным и заботливым. Ее оберегали от дразнил, мальчишки в турпоходах переносили ее на руках через встретившиеся ручьи, и все, кто мог, приходили к ней в дом на музыкально-литературные вечера. Иру интересовала история государства и права. Особенно эпоха Петра.

Три года назад после неудачной операции в местной больнице девушка пережила душевный кризис. В отчаянии написала она письмо Илизарову: «Я не могу больше смотреть на мир снизу вверх. Я хочу видеть мир на уровне своих глаз!» Илизарову доложили, что студентка стоит в очереди в КНИИЭКОТ двенадцать лет. Он принял решение мгновенно.

Позже, когда Ирина пройдет первую стадию лечения — нарастит голени, станет на двадцать сантиметров выше, чем была, он вспомнит ее письмо. На встрече с иностранными делегациями одна из больных — Зайцева — вдруг откинула костыли и начала вальсировать на сцене. Гавриил Абрамович процитировал по памяти: «Я хочу видеть мир на уровне своих глаз». Гости аплодировали Зайцевой и Илизарову. Их общему успеху.

Сейчас у Ирины второй этап лечения: аппараты

ставятся на бедра. Да, она чисто по-человечески права: лучше потерпеть, отлежаться, поправиться, чем слышать на улице громкий шепот и смех за спиной или реплику выскочившего из-за угла мальчишки: «Эй, тетенька-коротышка!..» Откуда они такие — бессердечные?

Я видел в пустом утреннем коридоре крохотный стульчик, гораздо миниатюрнее, чем рабочее кресло Льва Толстого, стульчик для маленького ребенка. Еще недавно в нем сидел взрослый мужчина. Он передвигался на трехколесном велосипеде, пока не начал расти. Разве он был виноват в своей трагедии, своей внутренней боли? Карлик превратился здесь в нормального здорового человека, уехал домой. Попробуй кто-нибудь крикнуть ему на улице: «Эй!..»

— Я однажды задумала пойти учиться в педагогический,— вспоминает Ирина.— Собрать бы всех кричащих вслед мальчишек, показать им моих домашних животных, мою карликовую болонку Зайку, объяснить, что дело не в том, как ты выглядишь, а в том, какой ты. Ведь все мы, лежащие здесь, прошли особую школу жизни.

По вечерам в отделении все собираются у телевизоров, смотреть, скажем, многосерийный научный фильм о жизни на Земле. Морские беспозвоночные имели возможность строить многообразные раковины миллионы лет. Нам, позвоночным, выделено на эволюцию гораздо меньше времени, а на исправление ошибок природы — совсем чуть-чуть. «Эй, позвоночный,— слышен чей-то голос из угла,— торопись, двигайся!»

Когда-то молодой врач Илизаров прочитал в статье известного американского хирурга такое заключение: «Очевидно, что операция удлинения бедра является серьезнейшим вмешательством, чреватым тяжелыми осложнениями». Но вот Ирина Зайцева, как и другие больные, каждую неделю радостно подытоживает: бедро выросло на несколько миллиметров. Подопечные Илизарова готовы поспорить с любым авторитетом.

Спрашиваю Ирину, переписывается ли она с бывшими одноклассниками. Нет, не пишет, не звонит. Зачем? Жаловаться или делать вид, что все хорошо,— не в ее характере.

— Когда все будет позади,— говорит Ира,— я позвоню им из дома, скажу: «Ребята, вот и я... Приходите!» И они придут...

Она признается в своих мечтах. Хочется войти в бассейн и ощутить себя стройным пловцом. Сесть на мотоцикл и промчаться на полной скорости. Танцевать до рассвета.

— Знаете,— говорит на прощание Ирина,— когда свободно двигаешься, то начисто забываешь, что была когда-то совсем другим человеком.

Возвращаясь по пустынному вечернему коридору, невольно вслушиваюсь в два голоса, текущих из темноты:

— Сестра-хозяйка сказала: завтра можно прямо отсюда в аэропорт, на самолет.

— Какое счастье, ты уже дома!

— Посмотрим. Узнаешь об этом, когда меня здесь не будет.

— Что он тебе сделал?

— Стопу и голень.

— Тебе надо отдохнуть. Особенно летом.

— Не хотелось бы сюда возвращаться.

— Тебе надо, ты мужчина.

— А тебе? Сколько тебе еще операций?

— Я даже не представляю.

— Тебе обязательно надо. Ты очень красивая.

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

АДРЕСНОЕ БЮРО

357600, Ставропольский край, г. Ессентуки-34, ул. Предгорная, д. 10, кв. 68. Марина МОРОЗОВА.

«Мне 13 лет. Люблю фотографировать. Я только начинающий фотограф и хочу, чтоб ребята поделились опытом».

241047, г. Брянск, ул. Тельмана, д. 66, корп. 3, кв. 56. Светлана ХУДИНА.

«Мне 12 лет. Собираю переводилки, открытки и календарики».

347937, Ростовская обл., г. Таганрог, ул. Щорса, д. 8, кв. 15. Галя НИКОЛАЕВА и Люда ЛОБАЧЕВА.

«Нам по 13 лет. Собираем календарики и вкладыши. Мечтаем иметь друзей из разных городов».

486035, г. Чимкент, 17-й микрорайон, д. 8 «А», кв. 4. Ольга ЧИГВИНЦЕВА.

«Мне 12 лет. Собираю открытки, календарики и значки. Хочу найти друзей по переписке».

324056, г. Кривой Рог, ул. Пикассо, д. 22, кв. 77. Таня БОНДАРЧУК.

«Мне 9 лет. Люблю читать, слушать музыку, развожу хомячков».

332608, Запорожская обл., г. Энергодар, ул. Комсомольская, д. 79, кв. 19. Оксана ГОВОРЧЕНКО.

«Мне 12 лет. Увлекаюсь рисованием, чтением. Собираю марки, открытки и кулинарные рецепты».

457005, Челябинская обл., Увельский р-н, п. Нагорный, ул. Школьная, д. 2 «А», кв. 9. Лена КАРКАРИНА.

«Мне 12 лет. Занимаюсь спортом. Увлекаюсь лыжами. Коплю картинки и календарики с изображением певцов».

302030, г. Орел, ул. Ем. Пугачева, д. 31, кв. 3. Дмитрий ГРЕБЕНЬКОВ.

«Мне 14 лет. Занимаюсь спортом, люблю музыку. Собираю вкладыши от жвачки».

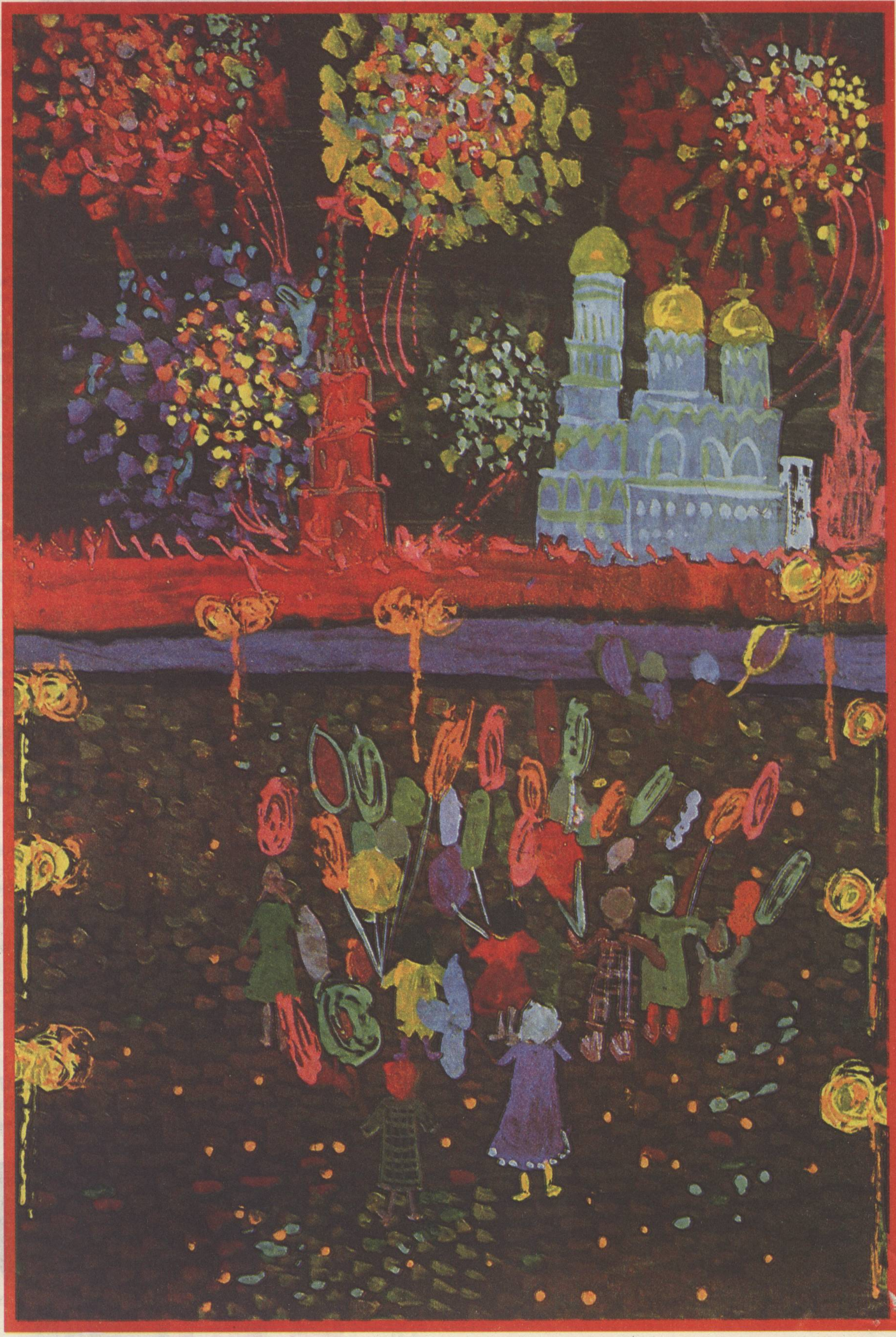
184200, Мурманская обл., г. Апатиты, ул. Космонавтов, д. 32, кв. 83. Оля КЛЮСОВА.

«Мне 14 лет. Занимаюсь музыкой, люблю рисовать. Собираю наклейки, маленькие открытки и марки (цветы)».

357310, Ставропольский край, г. Минводы, ул. XX Партсъезда, д. 12, кв. 169. Вика БРИЛЕНКО.

«Мне 13 лет. Собираю календарики и многое другое. Очень хочу найти друзей по переписке».

«САЛЮТ НАД КРЕМЛЕМ».
Рисунок Светы Хлобыстовой, 10 лет.

Все любят сказки... Кто-то любит их читать. Кто-то любит их рассказывать малышам. Кто-то пробует их сочинять. А вот Олеся Милованова в сказку превращает все, что попадается ей на глаза. Не только красивые, нарядные, но даже самые прозаичные, скучные на вид предметы в ее стихах становятся живыми: они бегают, разговаривают, спорят...

Олесе исполнилось 12 лет. Ровно полжизни — 6 лет — она пишет стихи. Живет Олеся в городе Кемерово, учится в школе № 62.

Кружевная сказка

Кружевные кони
С кружевною гривой
Бегали, резвились
С ветерком игривым.

Кружевные волки
С кружевным зайчишкой
Собирали с елки
Кружевные шишки.

Кружевною палкой
Кружевных баранов
Кружевной мальчишка
Выгнал утром рано.

В кружевную сказку
Из рук мастерицы
Выбегали звери,
Вылетали птицы.

Раз поругалась
Одна поварешка
С миниатюрной
Кофейною ложкой.

Ложка кричит:
«Я из золота сшита!
То есть не сшита,
А сплавлена!»

А поварешка:
«И я из металла!
Богом и я
Не оставлена!»

«Чем же хозяин
Кофе мешает?»
«Чем же хозяин
Суп разливает?!»

Кто же милее?
Кто же важнее?

Спор

Кто же хозяину
В доме нужнее?

Кофейник вмешался
И строго спросил:
«А в чем же хозяин
Кофе варил?

Я понимаю
Ваши сомненья,
Только я знаю,
Что сам всех важнее!»

Так до сих пор
(Да, до сих пор!)
Не разрешили
Посудины спор:

Ложка звенит,
Поварешка гремит,
Кофейник на печке
Сердито шумит.

Лене Масловой тоже 12 лет, и стихов у нее тоже немало — есть даже описание Троянской войны! Живет Лена в Ростове-на-Дону, а в какой школе учится — об этом она, к сожалению, не написала.

Зимой и летом

Зимой снега, сосульки, лед
И ледяные горки,
А летом — все наоборот
И в зелени пригорки.

Зимой хочу цветов нарвать
И повязать косынку,
А летом хочется поймать
Летящую снежинку!

* * *

Друг за другом облака
Тихо по небу плывут.
Дождь прольется на луга —
Все деревья оживут.

Встрепенутся тут же
И цветы, и травы,
Запестреют лужи,
Заблестят дубравы.

На поляне рядом с Царицынским дворцом резвилось стадо жирафов. Жирафы играли в бадминтон, перекидывались тарелками так, что те улетали в поднебесье и долго не возвращались, танцевали и даже пели песни. Потом полакомились мороженым, основательно подкрепились картошкой с огурцами и запили все это несколькими литрами лимонада.

«Какие-то странные жирафы,— заметите вы. — Не напутано ли что-нибудь в тексте?»

Признаемся честно — напутано. Слово «жираф» всюду надо было заключить в кавычки. Но все остальное — чистая правда. Итак... «Жирафы» ели мороженое, играли в «ручеек», катались на лошадях и играли на банджо.

Кавычки не помогли?

Тогда напомним, что в октябре 1989 года «Пионер» впервые написал об американском проекте «Жирафы», который придумали и осуществляют вот уже почти десять лет Энн Мэдлок и Джон Грэхем. Девиз жирафов — «Вытяни шею!» То есть проект «Жирафы» отмечает и поощряет тех, кто занимается какой-то благородной деятельностью, не приносящей никакого дохода и связанной с риском потерять вложенные деньги, потратить собственное время... Сегодня в Америке около 370 «жирафов». Из них — примерно 40 совсем юных, но отважных «жирафов».

Энн Мэдлок и Джон Грэхем решили открыть советское отделение проекта «Жирафы». Одной из первых совместных акций стали приезд к нам в страну юных американских «жирафов» и их встреча с советскими сверстниками.

Советских «жирафов» было найти трудно. Порою казалось, что не юные «жирафчики», а юные старички, опасающиеся непривычных идей, бродят по школьным коридорам... Тем не менее решено было пригласить тех, кто еще не стал настоящим жирафом, но уже тянет шею. На пикнике в Царицыне хозяевами стали ребята из подмосковного Климовска, которые регулярно ходят в детский дом и дом престарелых, читают там вслух, показывают спектакли...

В СССР смогли приехать 29 американцев в возрасте от девяти до девятнадцати лет. Их поездку оплачивали спонсоры — компания по производству мороженого «Бен & Джерри», и поэтому замечательным условием пикника было собственноручное приготовление мороженого по рецепту и из продуктов «Б & Д». Пока крутили ручку специального жернова, разбивающего лед, все перезнакомились. И американские «жирафы» как о само собой разумеющемся рассказали о своих делах.

Девятилетняя Эрика Хансен из города Флагстаф (штат Аризона) тихо-тихо говорила, что она взяла обязательство, не перед кем-нибудь из старших, а только перед собой, каждый месяц зарабатывать 20 долларов, чтобы перечислять их на счет фонда помощи детям Эк-

«ЖИРАФ-Ф-НОСТЬ»

вадора. Эти 20 долларов Эрика зарабатывает, собирая и сдавая бутылки, выгуливая соседских собак и выполняя любую доступную ей работу.

Двенадцатилетний Джеймс Эйл из Флориды добился, что мэр его родного города принял решение вместо свалки сделать детскую площадку. Джеймс с друзьями помогали строителям планировать и строить ее.

Семнадцатилетний Эдвин Сантос из Нью-Йорка девять (!) лет добивался того, чтобы в одном из районов города появился парк. Эдвин обивал пороги начальников, вместе с друзьями сажал деревья и цветы...

Линда Ворсоу, когда ей было двенадцать, решила организовать группу ребят в своем Сан-Бернардино (Калифорния) для борьбы с преступностью. Сейчас, спустя пять лет, это организация из трех тысяч человек, которая называется «Дети — против преступлений». Главная цель — предотвращать преступления против детей.

Двенадцатилетняя Донни Сэхер из Солт-Лейк Сити (штат Юта) — лидер пятиклассников своей школы, которые решили уничтожить свалку, куда сбрасывали токсичные отходы, и добились этого.

Американские жирафы далеко не пай-мальчики и пай-девочки. Среди них есть и бывшие наркоманы, и бывшие распространители наркотиков, и бывший продавец оружия из Джорджии. Но... бывшие. И теперь они помогают другим не стать такими, какими были они сами когда-то. Они считают, что на чужих ошибках можно учиться.

Когда солнце стало клониться к западу, что означало возвращение в гостиницу, все пошли к автобусам. У царицынского пруда выяснилось: исчез девятилетний Тедди Эндрюс. Окрестности царских развалин огласились призывными криками «Тедди!». Но он не появлялся. На розыски Тедди ушла группа советских добровольцев и американка Мэри Харрис. В результате потерялась Мэри, и на ее поиски отправилась Натали Хилл. Загадочный царицынский лес стал напоминать Бермудский треугольник, но все окончилось благополучно. Тедди, оказывается, давным-давно был в гостинице — свернув не в ту сторону, он вышел к метро. Серьезная домашняя подготовка помогла ему: узнав о поездке в СССР, Тедди начал учить русский язык, и в данном случае те русские слова, которые он успел выучить, очень пригодились ему. Натали нашла Мэри, и они вернулись вместе.

Пикник закончился. «Жирафы» на следующий день уехали в Киев, оттуда — в Ленинград, а уж оттуда, через Хельсинки, в Америку. На прощание все кричали уже по-русски: «Вытяни шею!»

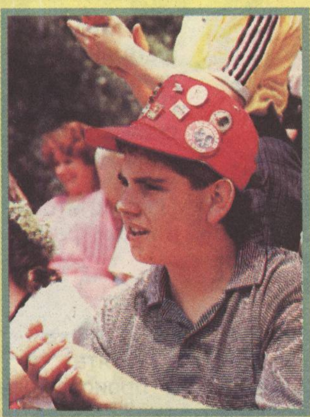
Трудно быть «жирафом»... Мало их. Среди советских кандидатов в «жирафы» есть учительница, которая бесплатно обучает инвалидов, прикованных к постели, английскому языку, врач, которая постоянно помогает пожилым беспомощным людям, обыкновенный житель микрорайона, который построил с добровольными помощниками детскую площадку... И очень хочется продолжить этот список именами ребят.

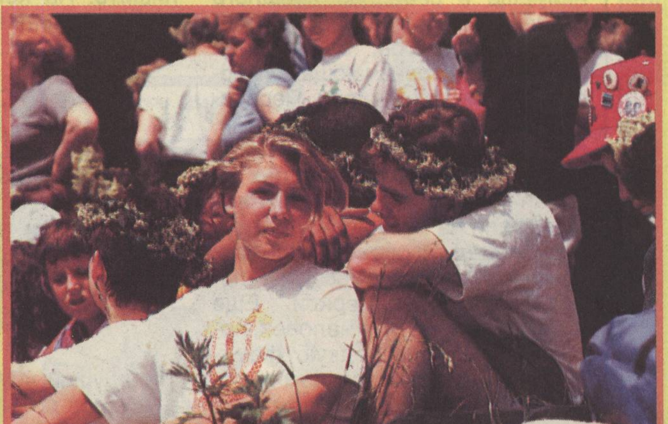
Давайте вытянем шеи!

А. ЧЕРНЯХОВСКАЯ

А. КРУПНИКОВ (фото)

ХОЧУ ПОНЯТЬ

Что означает Протоклитов?

Много интересного таят в себе наши фамилии. Но мы часто не задумываемся об их происхождении.

Моя фамилия Протоклитов тоже имеет свою историю. Одному из выпускников духовной семинарии в Саратовской губернии еще в середине прошлого столетия была присвоена фамилия Протоклитов, в переводе с греческого означающая «Первозванный». А Андрей Первозванный был апостолом, который, по преданию, первым проповедовал на Руси христианство. И, давая человеку такую фамилию, возлагали на него надежды, что и он станет проповедником добрых начал, будет всегда впереди прихожан церкви. Еще я хочу добавить, что человек, получивший такую редкую фамилию, раньше носил совсем иную. В то время люди, оканчивавшие духовные учебные заведения, удостаивались носить редкие фамилии неспроста, а за хорошую учебу. Мой далекий предок Протоклитов-первый стал сельским священником.

До недавнего времени в Москве было всего пять человек Протоклитовых. Я горжусь своей редкой фамилией.

Саша Протоклитов,
г. Москва.

От «ПАФ»а

Ребята! А что вы знаете о происхождении своих фамилий? Если есть о чем рассказать, пишите. На конверте пометьте: «ПАФ. фамилия».

ПРО ЭТО

Может быть, вы удивитесь, но я хочу спросить: как выйти замуж? А что? Мне уже 14 лет. Не за горами тот возраст, когда мне придется решать этот вопрос.

Света З.,
Владивосток.

Ведущий «ПАФ»а Андрей Муханов побывал в одной симпатичной, доброй семье, где получил один из ответов на вопрос Светы З. Почему именно один? Потому что этот вопрос может иметь какое угодно количество ответов.

Итак, семья Крюковых: Игорь, Лиля, их сын Никитушка, мама Лили — Нина Тихоновна. Зиму, осень и весну семья живет в Москве, а лето проводит в Дедовске, где глава семьи Игорь, «очень интересный и совсем нестарый мужчина» (по утверждению А. Муханова), построил дом. Настоящий дом — избу, с печью, крылечками, наличниками.

У Игоря Крюкова был дед Никита (в честь которого и назван маленький Никитушка). А в семье про его женитьбу хранят вот какую историю.

Дедовские орешки

...Жил в Дедовске Никита. Он был вдов и никак не мог второй раз жениться. А на дворе 1918 год... И вот сестры Никиты решили устроить братнино счастье. А на примете у них была по тем временам старая (28 лет) красивая девушка Ксения, петроградская модистка. Говорят они: «Ксения, поехали в Дедовск орешки собирать». Она согласилась. Приехали. В доме стол накрыли. Праздник, как могли, устроили. А потом вышли из-за стола — оставили брата с гостьей одних в горнице. Чувствует Никита минуту роковую, да отнялся язык. Понял, зачем сестры пир затеяли. Поняла и Ксения, на какие орешки пригласили ее в Дедовск... Тут как ни в чем не бывало входят "свахи", спрашивают: "Ну что, Никита, сделал предложение?" За молчащего красного жениха ответила невеста: "Сделал... И я его приняла". Зажили Никита с Ксенией ладно, по-доброму, четырех детей на ноги поставили...

Мы начинаем печатать новую серию комиксов. На этот раз перед вами предстанет повесть Кира БУЛЫЧЕВА «Перевал». Смотрите, разглядывайте. Надеемся, вам понравится.

Итак, трое друзей — Олег, Марьяна и Дик — потомки потерпевших аварию на чужой планете космолетчиков, отправились в поход, на поиски съестного.

Кир БУЛЫЧЕВ

ПЕРЕВАЛ

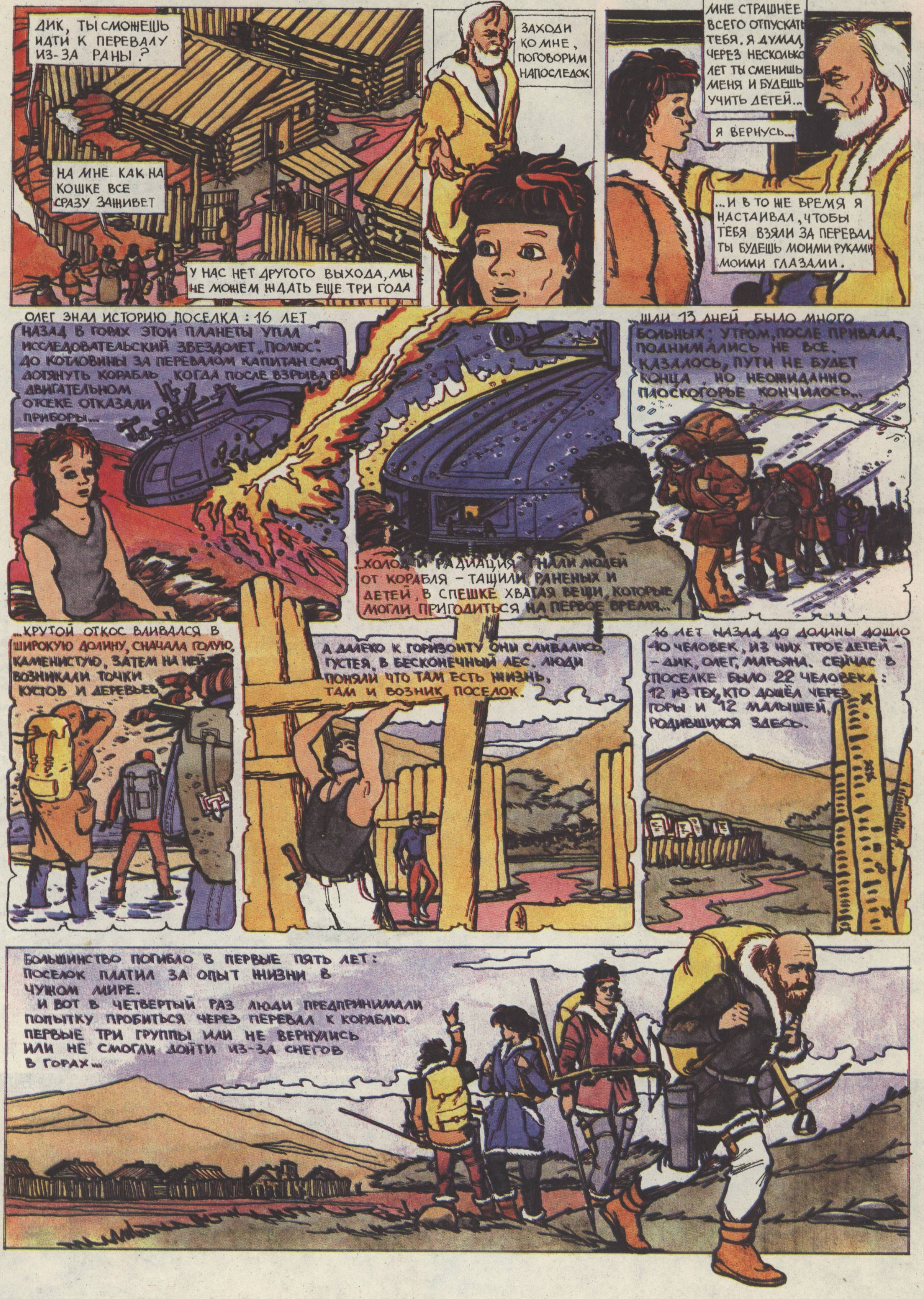

ЗА СТЕКЛОМ АКВАРИУМА

Фото Р. Папикьяна.

СТОП-КАДР «ЗЕЛЕНОЙ КАРЕТЫ»

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

Владимир АЛЕКСАНДРОВ

АКУКА

Рисунки О. КОРНЕВА.

Свободная повесть про 3 месяца и 13 дней для семейного чтения *

Окончание. Начало в № 5

* Журнальный вариант. Полностью публикуется издательством «Детская литература».

Ястреб

Какой же он все-таки, Соседский Прадедушка?

Если честно, то вредный. И ничего не помогает.

Десять лет носит Ян джинсы и кеды, которые подарил ему писатель Радий Погодин — хороший человек. И все равно характер пана Яна Юсиса не изменился.

Но Антон Антоныч совсем не понимает зла.

Решил внук посмотреть, как это Ян ходит на двух ногах да еще на двух палочках. (И эти палочки я сделал.)

Антон Антоныч — к нему, дед — от него.

Тогда мальчишка тоже взял две свои можжевеловые палочки и стал ходить, как Плоховатый Прадедушка.

— А палки не наши? — загудел старик в сторону нашей бабушки.

— Не ваши,— сердито ответила наша бабушка.

Постепенно становится ясно, почему Ян старается чаще сиживать возле дома, а не в доме у подоконника. Со скамеечки ему подробно видны оба наших двора. Забора между ними нет, только яблоньки да ульи стоят.

Оказывается, Ян охраняет свой двор от Антон Антоныча! С палками охраняет.

Мальчишка не понимает этого. Он смотрит на Неважного Прадедушку, как на ежедневного друга.

— Акука! — доверяет он Яну свои мысли.

В ответ из-под кепки, надвинутой на брови, смотрят глаза ястреба.

«Один ястреб — и тот в курятнике»,— любит сказать наша бабушка.

Потопчется Антон Антоныч около подкепочных глаз и снова пробует разговорить старого ястреба:

— Аку-ка!

Неважный Прадедушка молчит. Будто перед ним пусто.

И Антон Антоныч отправляется по своим делам.

Гоняет молодых кур. Глядит, как взрослый петух рвет когтем траву, а молодой не может пригладить перья на шее.

Можно и будку Лайки навестить, потолкаться возле цепной собаки.

Но куда ни пойдет мальчишка, обязательно на глаза попадется ручка колодезного ворота. И не оторвешься от нее, если Ян не чихнет.

Михал — старший зять Яна — подсчитал: этим летом старик чихает одним махом тринадцать раз подряд. Можно не проверять. Постоянство и точность во всем — в природе Плоховатого Яна.

Это и хорошо, и плохо. Плохо, когда постоянство и точность крестьянина становятся бессмысленным упрямством. А такое бывает. В остальных случаях хорошо.

Смотрю я на Яна, говорю с ним, много думаю о нем и понимаю: время на нашем хуторе — это не часы. Время здесь — Ян Юсис. Он точнее и вернее: как день и ночь, как времена года. Старше Яна нет никого в округе. Конечно, время — это он.

А значит, и порядок хуторской — тоже он.

И никто больше под его вечным ястребиным глазом не в состоянии быть мудрее.

Никто, кроме Антон Антоныча. Ведь мальчишка не умеет помнить зло, а сам очень добр и открыт.

Антон Антоныч и Ян родились в марте. Только Ян на 91 год раньше...

Собаки

Разные заботы у наших дворовых собак.

Лайка — собака цепная и бестолковая. Кто-то из ее родителей был овчаркой.

Лайка ненавидит ворон и любит общество поросят и трясогузок. Поросята шутливо нападают на нее, а трясогузки серьезно вертят перед ней хвостами. Лайка их облаивает, будто сердится. А сама хвостом виляет, мол, не убегайте, это я нарочно.

А они убегают, будто боятся, и тут же снова к ней лезут. Да куда же убегут друзья-приятели от мисок собачьих! И поросята визгливые и трясогузки суетливые всегда могут поесть и попить из Лайкиной посуды. Чего же убегать-то!

Больше всего на свете Лайка боится грома. Страшно смотреть на нее в грозу. Забьется в будку, свернется жалким, скулящим калачиком и мелко дрожит всем телом, шерстинкой каждой.

Вот что значит сидеть на цепи.

Цепь — несвобода, не убежишь в надежное место, не спрячешься в стодолу или в сени, поближе к людям. Несвобода нагоняет на Лайку страх неизвестности.

Я сочувствую Лайке. Антон Антоныч ее любит.

Жук — собака вольная и ласковая. Черный, лохматый — потому и Жуком назвали. Кто-то из его родителей был спаниелем, кто-то — каким-нибудь пинчером. У Жука много работы. Утром отгоняет с пани Теклей корову на луг. Наблюдает, как хозяйка перевязывает на новое место лошадку после ночного. В обед провожает Теклю доить корову и ждет у подойника. А вечером встречает их.

Встреча — дело шумное, звонкое. Жук нападает на задние ноги коровки, а та пугает его рогами. Жук увернется, обежит ее и снова оказывается сзади. Коровка снова идет на него рогами. Так и играют до самого дома. И думает Жук, что он пригнал рогатую. На самом деле коровка сама придет с любого луга, только отвяжи ее.

— Антоша, послушай про коровку! — говорит памятливая бабушка:— Утка в юбке, курочка в сапожках, селезень в сережках, корова в рогоже, да всех дороже!

Антон Антоныч слушает внимательно. Он любит все складное.

А потом отвлекается на Жука.

Жук обожает бегать с людьми на речки наши — Першокшну и Лакаю. В воду лезет первый. Попьет, окунется и выскакивает с улыбчивой мордой тоже первый. Ведь ему теперь важно занять чье-нибудь полотенце. И не просто занять, а размашисто встряхнуться на нем.

И ведь так собака встряхнется, так шерсть косматую разовьет тяжестью водяных капель, что радуга над ней повисает!

Обдаст всех радугой и повалится на махровую белизну в роскошном бессилии. Лежит и жарко дышит, свесив розовый бьющийся язык. Особенно черный пес уважает махровые китайские простыни.

Великое удовольствие бегать с соседским зятем Михалом на покос. В траве скошенной можно валяться пузом вверх. Дышать душистой сыростью под встающим солнцем. Лягушек гонять, жаворонков поднимать. А можно заткнуть носом нору мышки-полевки или отдушину кротовой кочки.

Носится Жук краем луга у самой воды, распугивает диких уток. Устанет — окунется.

По пятницам-субботам отвязывают Лайку. Выходные! Но Лайка не умеет пользоваться свободой. Цепь заменила ей мощные инстинкты и даже скромную фантазию.

В такие дни обе собаки валяются в траве, чуть в стороне от дороги.

Главная дорога бежит мимо южных окон наших домов. Морды повернуты к дороге. Удобно. Любого

по выбору можно облаять. Кого радостно, кого строго, кого с ленивым презрением. А всю собачью злость Жук и Лайка берегут для чужого велосипедиста, мотолюбителя и для неизвестных «Жигулей». Тут обе выкладываются, как на олимпиаде. По триста — четыреста метров летят за чужим движущимся объектом. Да не просто летят-пугают, а хватануть норовят ногу или колесо.

Бросались бы наши собаки и на реактивные истребители. Да высоко. Только задерут ревниво головы, проводят глазами самолет-нарушитель, обиженно подергают сморщенными носами и чихнут от досады:

— Ффэх-ффу!

Коллективное хозяйство

Выходные собачьи дни Антон Антоныч проводит вместе с Жуком и Лайкой. Тоже валяется в траве лицом к дороге. Жуку гладит пузо, а ноги лежат на Лайке. Лайка отвлекает мальчишку на себя, Жук — на себя. И всем троим хорошо.

«Жигулей» не слышно, велосипеда не видно. «Скучен день до вечера, коли делать нечего». И Жук куда-то исчезает. Но скоро возвращается: несет кость, обглоданную до блеска. Антон Антоныч берет кость, мусолит шестизубым ртом. Не вкусно, он отдает кость собаке.

А я думаю: «Может, мы ничего не понимаем в детях и собаках? Может, отравились, как смогом, городским липовым знанием?»

...И снова собачьи будни.

Ах, как манит мальчишку Лайкина будка! Какой специальный домик!

Антон Антоныч лезет в будку. Лайка пляшет от радости, о поросятах забывает. На задних лапах она много выше Антон Антоныча. Часто от восторга подсекает его своей цепью, и мальчишка падает возле будки на что попало. «Дружбу водить, так себя не щадить!»

Не раз в Лайкину миску с супом плюхался. Лайка не обижается, мальчишка и подавно. Садился, конечно, и мимо, но реже.

— Антоша, иди ко мне! — кричит наивная бабушка.

Словами нельзя увести Антон Антоныча от собачьей будки. Таких слов нет. Приходится хватать в охапку и уносить. Но это грубо. Это насилие над шестизубой личностью.

Отвлечь от будки могут, например, цыплята. За цыплятами интересно по двору бегать.

Когда и цыплята, и мальчишка устают носиться, все вместе жадно клюют просо из большой жестянки. Вернее, клюют цыплята, а мальчишка ест.

Раньше жестянка была селедочной банкой. Теперь — цыплячья кормушка.

— И-и-и-и-г! И-и-и-и-г! — жалостливо кричит в высоком небе коршун-обманщик. Крик жеребенка изображает, цыплят высматривает.

Не боятся цыплята коршуна — с ними Антон Антоныч. И коршун-притворщик планирует на другой хутор.

Как увести Антон Антоныча от цыплят?

Если наступил вечер, выручает коровка. Жук подгоняет ее к дому, и мальчишка бежит навстречу. Он любит бодучую игру. И здесь бабушка может его отловить. Опять насилие!

— Коровка яловая, молоко сметанное,— говорит пани Текля про свою любимицу.

Молодая на хуторе коровка, не телилась еще. Молоко густое, сладкое, особенно на первых травах — майских и июньских.

Что ж, пока нет теленочка, пусть выкармливает Акуку-человечка. «Ждали теленка — дал бог ребенка!»

Завораживают Антон Антоныча теплые коровьи губы. Протянет коровке хлебную корочку и ждет. А коровка берет не сразу. Сначала шумно, неспешно нюхает гостинец, потом высовывает широкий язык. А вот языка-то Антон Антоныч боится. Мальчишка помнит, как этот ленивый язык однажды слизал-смахнул с него шапку. Корова сжевала ее. И к цветной рубашке мальчишкиной любопытный язык всегда тянется.

Из посторонних неясностей корова особенно уважает газеты. Нерадивые ягодники и грибники бросают их в лесу и у дорог. По любимым дорожкам нашей коровы не найдешь ни одной газеты! Не Жук же их собирает на макулатуру. Газеты на всякий случай съедает корова.

Как отвлечь Антон Антоныча от коровки?

Речкой!

— Жук, Жук, идем на Лакаю! — зовет хитрая бабушка лохматого пса.

Жук срывается с места и бежит к ней. Антон Антоныч — за ним.

Лайка печально глядит на нас. И она, и мы знаем: старый Ян ни за что не отпустит ее на реку в рабочий день.

— Акука,— мрачно сочувствует собаке Антон Антоныч.

Лайка натягивает цепь, опускает голову и больше не смотрит в нашу сторону.

Наша Эгле

12 июня змеиный праздник. По народным приметам, «змеи идут поездом на змеиную свадьбу». Это значит, земля совсем теплая стала.

Густое жаркое утро. Плотный душный день. Утомительный, ветреный горячий вечер. В такую погоду неподвижно лежит в самом прохладном углу стодолы наш уж, наша Эгле. По литовским преданиям, уж — змея священная; есть грустная легенда об Эгле — королеве ужей...

Нашего ужа знали многие. Лет двадцать он жил под крыльцом. Крыльцо забетонировали, и уж перешел в хозяйственную полуземлянку на краю огорода.

Здесь ему не понравилось. Два раза в год копают грядки, часто поливают. Беспокойная жизнь. И уж перебрался в стодолу, напротив моего окна.

Жил на виду, полеживал в сторонке, слева от входа. Никому не мешал и ему не мешали.

Долго отвыкал уж от крыльца, от полуземлянки — своих прежних жилищ. Каждую весну навещал их. Плавно и открыто тянулся сперва к крыльцу — самому доброму и долгому своему убежищу.

Под солнцем бетонные ступени быстро перегреваются. Уж снисходительно млеет на гладко затертой бетонной жаровне. В такие дни мы пользуемся другим входом в дом. Кроме Антон Антоныча.

Мальчишка не отходит от Эгле, садится рядышком. Внимательно смотрят один на другого, глаза в глаза. Эгле, как и положено, не мигая,— у змей не бывает век, мигать нечем. Антон Антоныч помаргивает от необъяснимой тревоги.

И все же мальчишка тянет руку к маленькой головке с двумя желтыми пятнами. Уж беззлобно ударяет-отталкивает руку и роняет свою крепкую головку на теплую ступеньку. Уж думает. Вспоминает старое деревянное крыльцо, уют под ним и людей на нем.

В закатные часы крыльцо быстро остывает, покрывается росою. Это сердит ужа.

Дня через два-три такой жизни он уползает к огороду. В полуземлянке — втором своем жилище — задерживается дольше. Приятная теплая сырость, черная земля, валежины, мыши шуршат в соломе. Тоже есть что вспомнить!

Отсюда удобно выходить в огород. В свежих грядках, в молодых всходах отсиживаются в зной лягушата. Полевки забегают и мышки-малютки. Эгле исследует у завалинки входы-выходы домашних мышей. Нервничает у невиданных, позорных для вольной жизни предметов. У презренных бутылок из-под аэрозолей. У банки полиэтиленовой из-под стиральной пасты «Эридан». Сунулся уж в нее из любопытства — и назад: противный горький запах. Полежал в жестянке из-под селедки. Но скоро вылез, сообразил, как это унизительно для него — старожила благословенных хуторских угодий.

Многие из знакомых городских рыбаков знали Эгле еще до нас. Придут, бывало, писатели Э. Межелайтис, А. Беляускас и, конечно, К. Марукас и первым делом про ужа спрашивают.

Встретят его и радуются, как дети:

— Привет, старик!

А как не радоваться встрече с хозяином!

Не встретят — просто покричат под крыльцо:

— Эй, старик, покажись!

...Наконец уж решил навсегда поселиться в стодоле, перестал навещать свои старые гнезда. Питался вокруг стодолы, здесь проложил незаметную коварную охотничью тропку.

В свободное время, днем, лежал на теплых досках или на песочке перед входом, у самых ворот.

Мы входили в стодолу осторожно, боялись нечаянно задеть Эгле. Откроешь ворота, осмотришься и заходишь.

Однажды приехал из Швенченеляя за грибами один из владельцев хутора — загорелый, обстоятельный человек Саша. Велосипед он всегда оставляет на дворе в тени. А тут решил поставить в стодолу.

Открыл ворота, вкатил велосипед, выходит, а навстречу змея ползет. Поднял Саша с пола прутик да и стеганул Эгле.

С испуга, наверное, стеганул, от неожиданности.

Эгле не стронулась с места. Только свернулась в тугой мрачный клубок и подняла головку: не понимает Александра Аркадьевича.

А Саша, видно, не оправился от испуга — и еще раз Эгле прутиком.

Расправился уж во всю немалую длину, вытянулся, как плеть обжигающая, и, не страшась человека, не таясь, повернул к выходу.

Ушел из своего третьего дома. С того дня мы больше никогда не видали нашего ужа.

— Я же пошутил,— оправдывается до сих пор Александр Аркадьевич.— Кто же знал, что он такой обидчивый.

Антон Антоныч слушает взрослых и не очень понимает, в чем дело. Может, хорошо, что не понимает...

Поздний сиреневый вечер. Хутор тонет в густом сиреневом цвету. Запах сирени смешивается с клейким тополиным ароматом. Дорожки наши, сама пыль дорожная напиталась этим бальзамом.

Антон Антоныч спит.

Где ты теперь, Эгле?

Душный ветер раскачивает травы вдоль ее невидимой тропы.

Ложкой по лбу

Землянику собираем с двадцатого июня. Много ее возле хутора. Лесные полянки, опушки, сосновый молодняк, береговые склоны — все земляничники.

Сто раз на дню вспомнишь: «Стоит Егорка в красной ермолке, кто ни пройдет, всяк поклон отдает?» Про землянику загадка.

Антон Антоныч собирать не умеет и не хочет.

Куда бабушка, туда и он — ходит не отстает.

Собрала бабушка горсть — мальчишка рот открывает, а кузовок пустой.

Собрал я горсть — мальчишка рот открывает...

Горсть — рот, горсть — рот, а кузовок пустой. Много ли так соберешь?

Пришлось разделиться. Я хожу утром, жена — после обеда, когда мальчишка спит. Вечером ходим втроем.

Может, Антон Антоныч и кормился бы на земляничниках, да комары отвлекают — чешется и нас потерять боится — глазами постоянно ищет.

Попробуй-ка поброди по лесу один! Тут привычка нужна. А прошло денька три — и освоился.

Отстал он как-то от нас и закричал:

— Ба-ба-аа!

Бабушка не откликается.

— Де-да-аа!

Не откликаюсь.

Наблюдаем за ним, помалкиваем. Он нас тоже видит.

Покричал-покричал и вдруг словно решил: а чего кричать-то? И сам стал собирать ягоды в рот.

Нагнется, сорвет, почешет комариный укус — и в рот ягодку.

Присядет, сорвет, почешется — и другую в рот.

Зацепится за елочку знаменитыми льняными штанами, упадет, полежит-полежит, сорвет третью ягодку. И подниматься-то с травки ягодной совсем необязательно: вон она, четвертая земляничина, почти перед носом!

С того вечера редко просит срывать ему ягоды. Сам собирает с удовольствием. Только не в лукошко, а в роток шестизубый.

День первой земляники стал для Антон Антоныча праздником «Ложкой по лбу».

Обычай есть: пробуешь кушанье первый раз в жизни или первый раз в году — получай ложкой по лбу. Такое вот веселое благословение, разрешение. Чтобы добрая слава шла о кушанье.

Тебе ложкой по лбу, а ты благодаришь за новое.

А бабушка еще одну игру вспомнила. Она росла в Калужской деревне Агапино. У них был обычай хлестать ребятишек и скотину первой вербой. Стегали и приговаривали: «Как вербочка растет, так и ты расти!» Или по-другому:

Верба хлест,
дери до слез,
верба красна
бьет не напрасно! *

Верба с давних пор служила символом силы и здоровья...

Насыпала бабушка землянику в железные кружки, добавила немного сахарного песку. Подавила ягоду липовой толкушкой и залила молоком.

Земляника! Самый душистый витамин природы! Земляника с молоком! Кто не ел — не поймет.

Я взял деревянную ложку. Антон Антоныч и жена зажмурились. Хлопнул по лбу внука и бабушку. Они открыли глаза и засмеялись.

— Антоша, возьми ложку, хлопни деда,— напоминает справедливая бабушка.

Я зажмурился: страшновато все-таки.

С первого раза Антон Антоныч промахнулся. Попал по уху. Или лоб у меня маловат, или уши великоваты, или поговорка «выше лба уши не растут!» неправильная.

А может, мальчишке жалко меня? «Благослови да головы не сломи»!

Хлопать Антон Антоныча ложкой по лбу приходится каждый день. На хуторе для него почти вся еда новая: литовский ржаной хлеб, сало, лук-порей, щавель, ревень, грибы, черника, костяника, брусника, ежевика, клюква, пироги с мясом, со щавелем, со всеми ягодами, даже с черемухой. И муравьиный «сок»!..**

Весело поели, дружно.

Убрали со стола посуду. И забыли на столе деревянную ложку.

Примета есть: ложка, забытая на столе,— к гостю.

Лес в звездах

Шилишки окружает высоченный лес.

В звездные ночи сосны и ели мерцают, как новогодние.

На них повисают звезды. Будто оказались деревья в черном бархатном зале под огромным фиолетовым куполом.

Но вот народился месяц.

Он встает, несмело подсвечивает сосновые кроны, постепенно осветляет высокое небо и гасит звездные гирлянды на широких сосновых и еловых лапах. А повернешься к месяцу спиной — лицом на

* Это известный обычай весеннего Егорьева дня (Юрьева дня) — 6 мая. Егорий считается покровителем скота.

** Не пробовали? Очистите от коры (ошкурьте!) небольшую липовую или можжевеловую палочку. Хорошо послюнявьте ее и положите на муравейник. Через две минуты возьмите палочку, стряхните муравьев и облизывайте. Ну, как? Ложкой по лбу! А называется это угощение «вкусная палочка».

запад,— деревья западной части хутора по-прежнему усыпаны звездами.

Но поднимется месяц над лесом, погаснут и они. И тогда выступит из темноты весь серебряный лес вокруг хутора. И снова все — как в большом новогоднем зале: зажги в нем свет и растворится в этом свете тайное изумрудно-оранжевое мерцание украшенной елки.

Ночь серебряная промывает мои глаза в ленивом тумане.

Падают звезды. День и ночь катятся они по небу: «Рассыпался горох на четырнадцать дорог».

Через годок-другой научу Антон Антоныча считать падающие звезды.

Ночные звезды падают из детства.

Падают и гаснут, падают и гаснут, прочертив в небе короткий искровый след.

Для меня это не след, а одинокий, далекий невысказанный взгляд моей умершей бабушки. Взгляд из моей Каширы, родного городка на Оке.

Потемнели поля и луга. Остывают теплые тропинки и дороги.

«Доброму ночь не в убыток». Спит Антон Антоныч. И рука бабушки на детской головушке как целебный ромашковый венок.

«Была б моя бабуся, ничего не боюся»,— шепчет ночная тишина.

За широким окном плывет над ними желтый месяц.

Серебряная ночь дышит яблочным белым наливом.

Добрый дух

А за порогом сна собираются и собираются толпы звезд. И просыпается во мне добрый дух старого дома.

Дни и ночи складываются неожиданные, потому что вещи обладают памятью.

На книжной полке дышат прошлогодней весной гнезда дрозда, серой славки, коноплянки.

В бутылке из-под молока цветет с прошлогодней осени память о вереске.

Колосится, что-то шепчет сам себе в длинные усы снопик ячменя.

В цветочной вазе без воды шуршит высокий букет овса.

Набирается сил молодая косуля, сочиненная из сухого березового корня.

Чинно соблюдают тишину звонкие можжевеловые посохи. Они стройно привалились к стенам и ждут наших теплых рук.

Бесшумно вьется на подоконнике белесая шкурка-чулок ужа-выползка.

Вольно живет по ночам дух старого дома.

Где этот дух обитает днем? Конечно, на чердаке. Пойдем!

Поднимаемся по лесенке-дробиночке. Вот и чердачный простор.

Не часто попадает луч солнца под скаты высокой крыши. Всего два оконца. В четыре часа дня луч входит в южное. Высветит яркой солнечной стрелкой точное время и уйдет с чердака дальше и выше.

Днем здесь просыпается душный, пыльный сумрак. Ночью живет ночь — тихая, отзывчивая, душистая.

И днем и ночью живут на чердаке сундук со старыми учебниками для зрячих и слепых детей, чемодан без замков с ученическими тетрадками. Давно уже отдыхают здесь начальные школьные науки. Два мячика цветных заблудились с прошлого лета. Ждут, когда о них вспомнят.

Давно не просыпается оплывший гнутый подсвечник с огарками.

Насупилась глиняная кошка-копилка с осыпавшимся глазом.

Тусклому медному самовару и чашкам с отбитыми ручками снится чистая скатерть.

Тоскует по горячему камню и холодной воде рассохшаяся кадушка дубовая. С нее сползли ржавые обручи; стесняется, бедняга, своей неопрятности. Забились в кадушку полосатые льняные покрывала, полотенца, блеклые, как октябрьское поле.

Корытце долбленое помнит все поколения голых хуторских малышей. Теперь в нем дозревает сентябрьская клюква. Ее собрала бабушка Антон Антоныча на дальнем болоте.

Как пачка сказочной балерины, покачивается розовый абажур. Его нанизали на лысую швабру, а он мечтает о лампочке, хотя бы сорокасвечовой.

Прялка с поломанным приводом и педалью закуталась в остатки ветхой пряжи. Щербатая гребень-трепалка понимает: никогда больше не дышать ей воздухом голубого глазастого льняного поля.

Важно разлеглись на просушку целебные травы. Бальзам...

Зубровка, зверобой, мята, листья ежевики, малина — они только в начале пути. Чебрец, бессмертник, ромашка, ягоды черемухи, чистотел — тоже. Зимовать им в Москве.

Всякий чердак — сокровенное, с детства забытое секретное убежище. Здесь еще остались тайные, укромные уголки.

В южное окошко вполз лунный свет. Неслышно назвал точное время, четыре часа ночи — и растворился в травах целебных.

За окошком раскачивается на ветру детское белье. Сушится под звездами.

«В летнюю пору заря с зарею сходятся».

Время проходит и приходит, приходит и проходит. Остаются приглушенные цветные картины времени и легкие сладкие сны.

И птицы остаются — возвращаются под родную кровлю. Спят чердачные ласточки, пауки, мухи, даже мотыльки...

Спит трясогузка в нише у печной трубы.

Люблю ночные чердаки. Старинное пожелание — «Спокойной ночи, спать до полночи, вытаращив очи!» — сочинено про меня.

Спокойной ночи, дом,
Спокойной ночи, чердак.
Спокойной ночи, добрый дух.
Спокойной ночи, ночь...

Луг светится

Встает солнце. Распрямляются травы. Повеселела роса изумрудная. Каждая бусинка играет собственной радугой.

Ляг в луг. Чуть приподними голову. Глянь поверх моря росных стеблей: тепло земли, не отданное ночи, поднимается над лугом легкой дымкой.

Дыхание луга растворяет росный бисер, он превращается в ровное свечение. Легкая волна света повисает над метелками-колосками спелых трав.

Земля дышит. Луг светится. Бальзам...

«Заря заряница, красная девица,
врата запирала, по полю гуляла,
ключи потеряла,
месяц видел, а солнце скрало?»

Много о росе красивых загадок!

Сегодня 7 июля — Иванов день, или день Ивана

Купалы. Сельский праздник. Накануне — в Иванову ночь, бывало, жгли после купания костры и прыгали через них. Веселились люди, со старыми бедами расставались.

Купаться можно и в воде, и в росе. Валяются девушки в росе и приговаривают: «Росою да через серебро умыться, бела будешь».

Теперь игры старые только на молодых хуторах играют. На моем молодежи нет, один Антон Антоныч.

Любят и горожане через костер попрыгать. Досужий они народ, если из села посмотришь. Сплошь автомобильный народ. Им все равно, когда через огонь летать.

Приедут в субботу-воскресенье, попрыгают впрок — и назад, в город. Некогда настоящего Ивана Купалу ждать!

Примета есть: на Иванову ночь звездно — много грибов будет. Запомним!

Иван, Ян, Янко, Янис, Йонас — самые обиходные имена у многих народов. Вот и шутят люди: «Иванов, что грибов поганых».

Говорят, на Иванову ночь надо дудочку сделать и посмотреть сквозь нее: черта увидишь. Да кто же теперь умеет такие дудочки мастерить?!

Встает солнце.

Старик Ян — уже на скамеечке под своим окном.

Он в белой рубахе.

Янов день — его день.

Его 92-й праздник на этой земле.

— Эй, Текля! — кричит старик.— Не забудь молоко росить!

— Помню, помню,— спокойно отвечает жена.

Конечно, помнит.

По старинному поверью с Иванова дня хорошо бы поставить молоко под три росы. Тогда корова даст больше молока.

Три ночи проведут хуторские кринки-глечики да банки разные на высокой скамеечке под звездами!

Праздник праздником, а со следующего дня, с 8 июля пора косу брать — начинается главный укос. Травы теперь в самом соку. Первый укос — в каждой копне пуд меду.

«Наши стебли, а твоя коса»,— поют травы Человеку.

Кому надо — слышит.

Первый и главный звук

Туман легко и весь разом поднимается выше и выше. И вот он смешивается с высоким прозрачным воздухом, исчезает.

Скоро на колоски созревших трав падет паутина. Ее натянут тысячи ткачей-невидимок. Тогда прибавится светового движения над лугами.

Первый и главный звук теперь — песня отбиваемой косы. Главным он остается до конца августа, до последних укосов.

Как рождается песня отбиваемой косы?

От постукивания молотком по лезвию. А лезвие лежит на специальной наковаленке — бабке. Бабка вбита в столб высотой по пояс человеку.

Встанет косарь рано утром. Умоется. Попьет молока с ржаным хлебом и на двор — косу отбивать.

Передвигает, передвигает длинное кривое лезвие косы по бабке и бьет по нему молотком. Сплющивает и оттягивает молотком теплый металл, утоньшает лезвие, чтобы острее было.

А на лугу косарь будет править лезвие — подтачивать бруском точильным. Брусок всегда у него в кармане.

Перед выходом в луга полезно каши поесть. «Ела кашу коса — ходи ниже; не ела каши коса — бери выше». Давно известно: пока не устал косарь — траву срезает низко, под корень, значит, каши поел! Косит Михал и приговаривает:

— Коси, коса, пока роса.
Роса долой и ты домой!
Коси, коса, пока роса...

Отбивки утренней должно хватить до обеда. После обеда опять отбивает косарь косу — на вечернюю росу.

Песня косы следом за песней петуха идет. Кукушкина, коровья, лошадиная и все другие хуторские песни будут позднее.

Отбивает Михал косу совсем недалеко от окна, за которым кровать Антон Антоныча. Но ласков, приветлив первый и главный звук: ни разу не разбудил мальчишку.

Когда-нибудь песню отбиваемой косы услышит Антон Антоныч в музыке Гайдна и Моцарта, Бетховена и Стравинского, Глинки и Свиридова. По-разному живет она в их сочинениях. Да ведь и косари по-разному косы отбивают. Молодой косарь не так, как старый.

Молодой ласкает лезвие молотком размашисто, звонко. Старый — экономно: часто и чисто. Как апрельская синица, тенькает молоток старика о лезвие.

Разная музыка возраста и опыта звучит в этой тонкой работе. Так и должно быть.

...Проснется Антон Антоныч и побежит вместе с Жуком работой Михала любоваться. Будет расхаживать между пушистыми веерами скошенной травы.

На Петров день, 12 июля, косы звенят вокруг всех хуторов.

Теплое небо липового цвета отзывается косарям скрытым гулким пчелиным звоном. С самого мая легкая пчела пела хозяину:

Корми меня до Ивана,
сделаю из тебя пана.

Теперь пчела сама стала кормилицей. Гудит в липовой кроне — пыльцу на мед в улей носит.

Пчела мед творит, косарь — сено. Она — в улей, косарь — в стога да в стодолы.

Прятать лето в душистые стога и соты — трудное и счастливое дело пчелы и крестьянина.

Возле хутора еле слышно покачивается — шуршит ровное ячменное поле. Ячмень — самый северный колосовой хлеб. Ему стоять до косы долго, калина начнет зреть — тогда. Но и с этого поля хорошо слышно: Михал снова косу отбивает. Сегодня — последняя, вечерняя песня косы.

Реки детства

Откровенная Лакая, затаенная Першокшна — реки наши дорогие. Прозрачные, быстрые, путаные, не очень глубокие и совсем неширокие.

Что сказали бы вы, если б заговорили?

Нырнуло утреннее солнце в вашу туманную гладь, и понесли вы диск золотой навстречу вечеру.

Тени мрачных пущ, кабаньих и бобровых, полощутся, как медленные рыбы.

Полоска спелых луговых трав чисто отражается на границе воды и берега.

Отражается долго — от пущи до пущи, от плотины бобровой до завала паводкового.

Умна загадка про реку и берега: «Два братца в воду глядятся, а век не сойдутся?»

Высокие голубые незабудки всматриваются желтым глазком в вечный бег реки.

В хороший день небо опрокидывается в речки. И плывут бело-голубые облака в глубине зеленоватой реки. И цвета белый, голубой и зеленый не смешиваются, плывут вместе.

Глядит Антон Антоныч в Лакаю — облака речною травой прорастают. Глядит в небо — те же облака, только без травы.

Что в небо смотреть, что в реку.

Вон облако-мама плывет-исчезает.

Вот облако-бабушка к берегу подходит.

А с берега в облако-бабушку вступает сама бабушка. И плывет в своем облаке!

Но трассы реактивных истребителей уже распугивают, режут, сминают облака. Истребительные трассы. Густо-белые следы отработанного топлива долго растворяются в синеве, смешиваются с беззащитным небом.

Правильно подмечено: «Облака ходят, дела людские соглядают».

Когда взрослый человек глядит в реку и в облака, он заглядывает в прошлое, в свою память и неожиданно отгадывает себя и близких людей.

Антон Антоныч смотрит в облака, в реку и ему все понятно. Ведь он не знает, что есть какое-то неведомое будущее. Не знает и радуется.

Взрослый насмотрится — и навыдумывает про все, что не осознал, не понял в жизни. Обязательно женщину увидит. (Это я о себе.)

Для Антон Антоныча пространство между небом и рекою разливается песенкой жаворонка.

Повисла песенка в воздухе, заворожила мальчишку, смеется вместе с ним.

Жалко, если бесследно идут облака живые. Идут и проходят, идут и проходят.

И все же пугаться нечего! Не может человек за свою жизнь вычерпать облака и речки детства ни глазами, ни губами, ни мыслями.

А забыть может, и это страшно.

Вечер. Ветер. Бежит звезда по течению. Другая ее догоняет.

Стрекот послышался, неожиданный, подозрительный. Это большая стрекоза обманулась — упала на звезду, а звезда-то в воде. Никак не взлетит мокрая стрекоза.

Ничего, зацепится острыми коготками за осоку или мяту — выберется. Обсохнет — и в небо.

Мало или много оставят Антон Антонычу речки детства? А луга и поля детства? А леса и небеса детства?

Это от него зависит. От бабушки. От мамы.

И только от земли, воды и неба не зависит. Они всегда с нами. Они — это мы.

Смотри — вот они! Ты себя видишь?

Дубок-ровесник

Не буду вспоминать, как много болел Антон Антоныч с самого дня рождения. А родился он в марте 1987 года.

В апреле я уехал в Литву. Но сперва не к себе, в Шилишки, а на хутор моего друга Марукаса, около городка Вепряй.

И пишет мне туда жена:

«...Поговори в лесу со старым дубом. Пусть даст силу нашему слабому внуку. Очень прошу. Да пришли от того дуба кусочек коры. Я его хранить буду...»

Расстроился я. Прочитал письмо другу.

Марукас показал мне самый старый дуб. А сам ушел, не хотел мешать моему разговору с деревом.

Стал я возле дуба на колени и пересказал сильному дереву все бабушкино письмо. А потом обнял дуб и попросил:

— Выручи внука, старик, помоги...

Только сказал — на меня упали с дуба три сухих прошлогодних листа, глянцевых, крепких. Один лист я поймал.

Отщепил я от ствола тоненькую пластинку коры, поднялся с колен и ушел в дом писать письмо.

В конверт вложил кору и дубовый листок.

И кору, и листок, и письмо, и конверт бабушка хранит до сих пор.

Раньше говорила: «Дал бог сыночка, дал и дубочка». Хорошо бы.

...А около моих Шилишек, на правом берегу Лакаи есть верная грибная поляна. Папоротником заросла, ягелем. И вдруг вытянулся на ней маленький дубок.

Увидала бабушка деревце игрушечное и говорит:

— Антоша, это твой ровесник.

— Акука! — согласился мальчишка.

— Давай выкопаем дубок? — предложила мне жена.— В Москву возьмем. У дома посадим. Ухаживать будем.

— Нет, не будем мы его выкапывать да в Москву перевозить,— рассердился я.— Задохнется дубок в горьком московском воздухе.

Побледнела бабушка. Даже кровь от лица отступила.

— Конечно, конечно, не повезем никуда,— тихо говорит.— Пусть растет, где родился...

— Умница,— говорю я бабушке.— Держись за дубок: дубок в землю глубок.

И кровь снова прилила к бабушкиному лицу. Стало ей тепло от правильного решения.

Растет-поднимается ровесник Антон Антоныча в папоротниках. Иногда боровик возле него вылезет. Иногда подосиновик. Медленно растет дубок, солидно.

Но однажды и я не выдержал. Дай, думаю, сорву листок на память. И сорвал.

И испугался: вдруг дубок — внуку ровесник из-за этого погибнет! Уеду в октябре в Москву, а он погибнет. И не узнаю — жив ли? Целую зиму придется ждать, до следующей весны...

Всю зиму испуганным ходить.

Взял я оторванный листок, положил на белый лист бумаги и обвел простым карандашом.

Вот как получилось:

Зачем обвел? Не знаю, само вышло.

А листок тот с дубка-ровесника берегу. Никому не даю. Из своих рук показываю.

Песни дождя

Дождь в окно бьет. Ветер сосны раскачивает. Ржаное поле волнами перекатывается. Вся живность попряталась: кто в хлев, кто в будку, кто в дом.

Травы высокие полегли, а в них залегла лошадка — от зноя отдыхает.

Ходят низкие облака, тяжелые, темные. Они похожи на индюков, на гусей, на козла.

А мальчишка сидит у окна, прижался к бабушке, и у них на коленях любимая книжка!

А бывает и так. Сидят оба в теплой кухне. Окна запотели.

На столе миска с черникой. Черника светится.

Рядом чашка с лесной малиной. Малина аромат выдыхает.

В детской бутылочке с делениями — парное молоко.

А посреди стола ржаной литовский хлеб — ругалис...

Даже говорить больше не могу. Хлеба с молоком захотелось.

Чернику на пирог оставим. И будем слушать песни дождя.

Много у дождя песен, потому что дождей разных много.

Песня грибника — грибного дождя — солнечная, гулкая. Грибной дождь, теплый и мелкий, бьет прямо в землю. Грибник парит. Песня грибного дождя самая короткая. Слушают грибы и растут. Под песню!

Будет дождичек, будут и грибки;
а будут грибки, будет и кузовок, —

так взрослые уговаривают детей переждать грибной дождик.

На грибник похож слепой дождь. Он идет при солнце: его слышно, но не видно. Только по следам на земле и воде догадываешься. Лужи и реки отзываются слепому дождю большими пузырями. Их и называют «дождевые пузыри».

А то севень, дождь-ситничек зарядит. Он самый мелкий. Мельче него только морось, пыль небесная водяная. Ее и не слышно.

Зато ливень поет громко. Прямой ливень — «как из ведра» — грохочет, в земли и воды бьет.

Ливень-косохлест волнами шумит-набегает, порывам ветра откликается. А то и хлыстом в стены да в лес лупит. Про такой говорят «подстега».

Самый шумный — дождь с грозой. Как и грибник, он почти всегда короткий. Правда, грибник теплый, а грозный прохладен.

Можно услышать песню дождя снежного. Он случается даже в конце августа, чаще в сентябре. Тихая, спокойная песня. То ли дождик идет, то ли снег. На самом деле — дождь со снегом. Дождь норовит побыстрее до земли долетать, а снежинки легкие не спешат.

Поймает снежинка дождинку и спускает ее, как на парашютике. Потому и песенка негромкая, будто раскачивается песенка на качелях.

Чуть не забыл барабанную дробь града. Опасная

ГОРОСКОП

СКОРПИОН

Знак Воды под покровительством Марса и Плутона.

Мальчики

Прирожденные борцы, умеют добиваться победы. Как правило, у них не очень-то дружелюбный характер, и лучше Скорпионов не дразнить: ничего хорошего из этого не получится, лишь синяки да шишки. Скорпионы справедливы и порядочны — из-за этого, как ни странно, нередко причиняют боль себе самим.

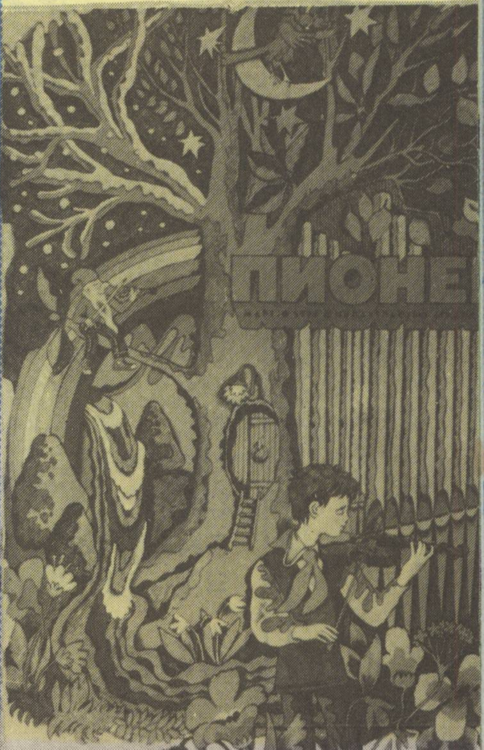
Девочки

К ним относится все вышеизложенное. И еще: мальчишек, с которыми дружат, они в обиду не дадут. А вот сами обидеть их очень даже могут.

Лучше всего дружат с Рыбами. Хорошо — с Козерогами, Девами и Раками.

КАЛЕНДАРЬ-ЗАКЛАДКА

СЕРИЯ «ЖУРНАЛ»

музыка! Урожай похоронить может: сады покалечить, хлеба положить.

...Долгожданный дождик несет счастливые мысли.

А градопад свирепый обрушился и унес надежды.

Мала дождевая капля, а сколько бывает радости и печали, когда их много, когда они дождь или град.

Топим печку

Тихонько пришел вечер. Прохладный, прозрачный и звездный. Он, наверное, искал тепла, и мне захотелось затопить печь.

Принес охапку сосновых поленьев. Поленья ровные, на сколах белые в линеечку, как ученическая тетрадка.

Надо бы Антон Антоныча позвать.

А прежде полезно хорошо подумать: где внук, чем занят? Можно ли его оторвать от дел, чтобы не обиделся.

Да ведь и огонь без него разводить — тоже обидно. Потому и растапливаем всегда вдвоем.

— Антон, затопим печь?

— Аа-га! — Мальчишка летит к печке. Трогает пальцем дверцу топки, тут же отдергивает руку и добавляет: — Уфф-а-аа!

Напоминает себе и нам, какая жаркая должна быть дверца.

Мы и не заметили, когда и как он все это сообразил. Обжигался, наверное. Теперь Антон Антоныч держится у печи и у костра осторожно и вольно, не боится.

Печь у нас замечательная. Круглая и высокая, почти до потолка. И покрашена золотой краской! Честное слово. Золотые бока выходят сразу в две комнаты.

Нигде, думаю, больше не встретишь золотую печь. Ни на одном хуторе, ни в одном деревенском доме.

Не только я, мы все так думаем. Ну кто еще, кроме прежних хозяев дома, додумался бы покрасить печку золотой краской? Да никто.

Поговорочка «У нас в печурочке золотые чурочки» очень подходит нашей печке.

— Антон, давай кору для растопки драть?

— Атика!

Антон Антоныч наклоняется над березовым поленом. Хочет оторвать душистый завиток коры. Не получается, пыхтит, сопит. Я ему помогаю.

Ничего, научится и кору драть.

Отодрали шершавую ленту. Закручивается — не распрямишь. Поиграл мальчишка корой, подивлялся.

— Ну, поджигаем?

— Уфф-ааа!

Жарко ли, холодно ли на дворе, а лесной дом надо протапливать. Жилище и летом любит иногда подышать печным теплом. Уважает топленую печь. «Печь нам мать родная»,— ласково говорит крестьянин.

При печном огне хорошо сидеть в темной комнате. За окном звезды, а на полу огонь от топки пляшет. Пляшет огонь, а топота не слышно.

Только легкий треск горящих поленьев да редкие выстрелы из топки. Это остатки влаги в дровах кипят и пар вон вылетает: «Пых-пах! Пых-пах!»

А на дворе Лайка постукивает цепью о будку.

Вот и весь шум.

Антон Антоныч молчит, а в зрачках его пляшут-отражаются печные огоньки.

Золотое молоко

Помешиваю угольки в топке. Прогревается печка. Жаркие угольки становятся далекими звездочками, мерцают слабее и слабее. Совсем, значит, топка успокаивается. Остается жар печной.

Жарко дышат золотые печкины бока — дом греют. Совсем угольки истлели, пеплом стали.

Истоплена печь, закрыта труба.

Разметаю венчиком пепел с колосников*. Наливаю в глиняный горшок белое сырое молоко. Ставлю горшок в пустую топку, на колосники.

Теперь не печка топится, а молоко топится в печке. До утра оно будет жить в вольном печном духу. К утру белое и жидкое молоко превратится в золотое и густое топленое. Прикрывает топленое молоко оранжевая толстая пенка.

Под пенкой блестки жира янтариками гуляют... И аромат у топленого золотого молока особый. То ли гречневая каша слегка обжаренная так пахнет, то ли щеки мамины...

Придет утро.

Из теплой еще топки выну обеими руками горшок. Осторожно поболтаю в нем золотое молоко под пенкой. Плещется, стучит молоко в пенку, воркует, словно голубь ранний.

Снова поболтаю и еще послушаю.

Щекою коснусь не остывшей с ночи кринки.

— Антон, давай свои щеки!

Мальчишка прижимается то одной, то другой щекой к теплому горшку:

— Уфф-а-аа! — и глаза смеются.

...Утром будет топленое молоко. А теперь — спать в натопленном доме.

Вот и растаял в ночи долгий августовский вечер. Антон Антоныч, помнишь?

Вечер истосковался по теплу,
подошел к дому по травам луговым,
скинул с себя в сенях туман ранний,
вошел в комнату
и растаял в бабушкином переднике вместе с ушастой головушкой...

Про отдельную любовь

Почему ничего нет про папу Антон Антоныча? Думаете, забыл?

*Колосники — решетка из железных прутьев в печной топке. На колосники кладут дрова, когда топят печь.

6

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
					1	2
3	4	5	6	7	8	9
10	11	12	13	14	15	16
17	18	19	20	21	22	23
24	25	26	27	28	29	30

Обложка у «Пионера» за март 1975 года очень и очень красочная. И сам журнал весь в цветных рисунках и слайдах. И снова в нем 80 страниц. Сейчас, как вы знаете, в «Пионере» их всего 64. Говорят, во всем виноват дефицит бумаги?

Не забыл.

Просто у него специальный папа. Он есть, но его как бы нет. Не живет он вместе с сыном. Неохота. Папа любит сына отдельно. Так бывает.

Где он живет? Честное слово, не знаю. Гуляет где-нибудь сам по себе.

Не потому ли говорят в народе: «Отцов много, а мать одна»?

Вот, кажется, и все про мальчишкиного папу.

Чья мама?

Недавно навестила соседей внучка Эля.

Антон Антоныч сидел в корыте с дождевой водой. Увидел Элю, бросился навстречу и вдруг остановился.

На меня посмотрит, на бабушку, на Элю.

На меня, на бабушку, на Элю...

А дальше не идет, думает: «А вдруг это не моя мама?»

Правильно сомневается.

Эля подошла к нам.

— Антоша, какой ты большой! — Она видела внука впервые.

Антон Антоныч всматривается снизу вверх в красивую тетю. Смотрит, смотрит и не подходит.

Бабушка скрылась в доме и тут же вернулась с фотографией мамы Антон Антоныча:

— Смотри, Антоша,— мама!

Мальчишка, не отрываясь, глядит на Элю.

— Видишь, мой хороший, вот твоя мама,— волнуется бабушка.

Антон Антоныч берет карточку и молчит.

До вечера не выпускал ее из рук. И в лес с нею пошел. А дорогой пел-приговаривал:

— Ма-ма, ма-ма-а! Ма-ма, ма-ма-а!

И в корыте перед сном купался вместе с фотографией, не отдавал.

Теперь часто играет с маминой карточкой, в книжки любимые закладывает, к Лайке в будку носит, купает карточку в Лакае.

Когда заснет, сушим бесценную фотографию между промокашками под толковым словарем Даля.

Интердвор*

Пятница. В доме пана Яна Юсиса гости. Две внучки — Лиля и Эля. И не одни, а с сыновьями Анджеем и Томасом, правнуками Яна и Текли.

Анджею год и восемь месяцев. Томасу год и три месяца.

Антон Антонычу теперь год и четыре месяца.

Отец Анджея — поляк. Отец Томаса — литовец. Отец Антон Антоныча — русский.

Анджей понимает только по-русски. Томас — по-литовски. Антон Антоныч — по-русски.

Сошлись мальчишки возле нашего дома, а знакомиться некогда. Общее дело — корыто с водой — ждать не будет.

Голый Антон Антоныч разгуливает у корыта, бросает в него сбитые котом Пудиком яблоки и «охает», когда брызги долетают. В этом смысл.

Томас сидит у корыта в стеганой куртке, вязаной шапке и резиновых сапогах. Он молча наблюдает Антон Антоныча. Потом приподнимается, тоже берет яблоко, бросает в корыто и молча усаживается на прежнее место.

*Интердвор — такое место, где непонятный язык, цвет кожи и разрез глаз не мешают дружить, баловаться и играть вместе.

На Анджее красные лакированные ботинки, белые гольфы, желтые шорты и пестро разрисованная футболка с надписью «Rock Forum». Импортный весь.

Анджей вольготно развалился в прогулочной коляске подальше от корыта.

— Бажа-дожа, бажа-дожа *,— лениво бормочет малолетний пан. С коляски ему слезать не хочется, а поговорить — пожалуйста.

Сзади к коляске незаметно подошел голый мальчишка. Он ухватился за спинку, толкнул коляску перед собой и покатил Анджея. Сила есть.

Анджей вытаращил глаза и завизжал от страха: коляска сама едет. Любой испугается.

Антон Антоныча из-за спинки высокой не видно, а коляска катит!

— Акука! — кричит голый мальчишка и толкает, толкает перед собой польского друга. Хорошо идет заграничная коляска, мягко!

Анджей визжит. На ходу не слезешь, страшно.

Томас присматривается к странным друзьям и сосет большой палец.

На крик Анджея выскочила мама Лиля. И, конечно, перепугалась. Прямо на нее сама едет коляска с сыном. Не сразу разглядела у коляски пару голых ног между колес — ноги Антон Антоныча.

— Chlopczyk drogi! ** — крикнула мама Лиля, сгребла Анджея в охапку и унесла в дом.

Антон Антоныч растерянно проводил их глазами, бросил коляску среди двора и побежал к Томасу:

— Ака!

— У-у-ууу,— не очень охотно ответил Томас.

Вот так и входили новые люди в жизнь Антон Антоныча.

Сверстники!

И все трое будто понимали: «В каком народе живешь, того и обычая держись». А народ они главный — Дети.

Два дня верещала пестрая компания на чистом языке детства. Жаль, что мало. В воскресенье вечером гости уехали.

Перед самым отъездом Антон Антоныч еще раз подкараулил беззаботного Анджея в коляске. И снова покатил!

И опять Анджей орал, а Томас сосал палец, наблюдал и наконец нехотя посоветовал:

— У-у-у-ууу...

Последний вечер

Ветер. Мелкий дождь. Погода точно совпала с приметой: 4 сентября день Агафона-огуменика. Леший проказит погодой! Копны последние разбрасывает, дожинки. Было время, молодежь охраняла гумна от лешего. Наряжалась в шубы шерстью наружу, лешего пугать.

Шуб у нас нет. Да и дождь-ветер скоро поутих.

Бабушка с внуком надели плащи, пошли проститься с реками, соснами и ближним полем.

Шли, шли и нечаянно подслушали последний разговор ячменного поля с косарем:

Вот мои стебли, а твоя коса.
Вот мое зерно, а твоя ладонь.
Вот твой хлеб, а мой сон...

Замерли бабушка и внук. Не мешают полю говорить, а Михалу слушать.

* Наверное, хочет сказать «Bardzo dobrze». По-польски значит «очень хорошо». Анджей выговаривает эти слова пока очень плохо. Примерно так: «Осе хаясё».

** По-польски это значит «милый мальчик».

Низкое тяжелое небо. Серо-коричневое поле. На краю осина причесывается. Причесывается и чуть слышно напевает:

Пролетели лебеди.
Пролетают гуси.
Ночь фиалкой пахнет.
День речной осокой.
Скоро листик красный
я оставлю полю.
Небу я оставлю
ветки почерневшие...

Поле слушает. Сердце поля бьется ровно, дышится ему покойно. Поле отдыхает.

И старая пани Текля, оказывается, здесь. На последние снопы пришла посмотреть.

Аист белый взлетел, словно душа поля.
Прохладные росы сверкают в волосах пани Текли.

Бабушка взяла за руку Антон Антоныча и повела его домой.

Корова сама брела в хлев. Жук не приставал к ней.

Голос поля, песня осины ушли через луга за реку.

С ячменя возвращается Михал. И, кажется, не косу он несет на плече, а молодой месяц.
В кухне, на столе, на белой скатерти новый хлеб.
Лежит, живет новой жизнью
между землей и небом,
между полом и потолком,
между столом и человеком,
между теплых ладоней мальчишки.

Обычай такой. Гостей в Литве провожают домой с Главным Гостинцем — с домашним хлебом.

И разлилась над Антон Антонычем последняя хуторская ночь.

Пора ссориться

Почему?

Да потому, что сегодня отъезд в Москву.

Замечали, наверное, в такой день почти всегда ссорятся. Кто ссорится и с кем? Все со всеми.

Почему?

Нервничают и ничего поделать с собою не могут. Иных причин не бывает.

Я нервничаю больше и громче других, хоть и остаюсь на хуторе до середины октября.

— Антоша, скажи дому «До свидания!» — просит бабушка.

— Акука, а-ка! Гулилика! * — кричит мальчишка и машет дому рукой.

Дом молчит. Но я знаю: до новой весны сохранит он свои травные и грибные запахи.

Дом дождется Антон Антоныча.

До следующей весны здесь будет жить сладкий дух зверобоя и зубровки. Дух хорошего хлеба — от сушеных боровиков. Дух свежего сена — от подберезовиков. Маслянистый крутой запах чабреца. Ежевика, вереск, малиновый лист, мята — в них дух детства, дух воспоминаний.

Такой вот букет ароматов земли и жизни ожидает мальчишку будущей весной.

«Весна да лето, пройдет и это»... Правильно сказано, да не утешает.

Антон Антоныч прожил на хуторе Шилишки ровно три месяца и тринадцать дней 1988 года.

— Сколько тебе лет?

— Сколько вчера было, того нет...

Все

Первый в жизни Антон Антоныча поезд.

Мы в вагоне. Расставили вещи. Коробка с клюквой, сумка с грибами, рюкзак с травами. Все большое-большое, тяжелое-тяжелое. Запасы на зиму!

Я нервничаю. Бесцельно включаю-выключаю в купе разные лампочки. Дверь катаю туда-сюда. Открываю-закрываю окно.

На столике в тарелочке лежит сахар. Вечный дорожный сахар с картинкой: красивый поезд мчится в счастливое будущее.

— Жжи-и-ихх! — Антон Антоныч безжалостно разрывает картинку.

Под нею хрустящая белая бумажка.

— Крра-а-ахх! — И она разорвана.

На мальчишкиной ладошке два чуть голубоватых кусочка сахара. Тесно прижались один к другому, словно догадались, зачем разорвана картинка.

А ведь не догадались!

Ни класть в чай, ни сосать сахар Антон Антоныч не собирается. Он не сластена. Он хочет поиграть кусочками.

Играть сахаром?!

Да. Он же еще не понимает, что сахар и хлеб не игрушки.

Ничего. Скоро узнает.

Сегодня ему исполнился один год пять месяцев и четырнадцать дней. Еще успеет узнать. Ведь он — человек, только пока маленький.

А я все зажигаю и выключаю свет, катаю и катаю дверь. И смотрит на меня внук, как на волшебника.

Гляжу на него и не хочу расставаться.

Зимою в московских подворотнях начнут стонать по вечерам серо-фиолетовые неласковые метели. А на засыпающего мальчишку неслышно опустятся пушистые, сладкие запахи пустого и грустного лесного дома с золотой печкой. Запахи станут прилетать с хутора каждую ночь погреться...

Пять минут до отхода.

Я обнял Антон Антоныча.

— Ну вот, старик, тебе пора ехать, а мне выходить из вагона.

Сказал и топчусь на месте. А что еще говорить, не знаю.

Потрогал мальчишкины щеки. Погладил головушку. Похлопал по плечу муравьиному.

Смеется:

— Де-да!

Я вышел на платформу. Подошел к окну вагона.

Жена опустила раму и высунула в просвет голову Антон Антоныча.

— Де-да!

— Антон.

Поезд неслышно тронулся. Машу рукой:

— До свидания, Ан-то-он!

И он машет:

— Де-да-аа!

— Я пошел за гриба-а-ми-и! — кричу уплывающей головушке в уплывающее окно.

Вагон уже далеко.

Вот и поезд скрылся.

Я иду по перрону Вильнюсского вокзала за грибами.

КОНЧИЛАСЬ СВОБОДНАЯ ПОВЕСТЬ ПРО ТРИ МЕСЯЦА И ТРИНАДЦАТЬ ДНЕЙ.

ПОЧЕМУ СВОБОДНАЯ?

ПОТОМУ ЧТО Я НИКОГДА НЕ ПИСАЛ ПОВЕСТЕЙ. ДАЖЕ НЕ ЗНАЮ, КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ. НО ЧУВСТВУЮ.

ТАКАЯ ВОТ СВОБОДА...

---

* Так Антон Антоныч называет теперь все ягоды: клубнику, землянику, чернику, костянику, ежевику, бруснику, а заодно и малину с клюквой.

Владимир ЛЕВИТИН

ТРИ БИЛЕТА НА ДНЕВНОЙ СЕАНС

Раз сбежав в кино с уроков
и усевшись в ряд последний,
вдруг заметил историчку
и географа с ней рядом.
Говорит мне историчка:
— Это надо же случиться!
Лично я пришла сегодня
посмотреть на древних греков.
— Ну, а мне полезно будет,—
заявляет тут географ,—
вспомнить фауну и флору
Фермопильского прохода.
— У меня,— тут я вступаю,—
математика хромает,
подтянуть ее бы надо —
ведь спартанцев было триста!
Так сидим мы трое рядом,
и никто не заподозрит,
что мы зря проводим время,
отведенное для знаний.

БУКВАРИНТ

Пройдя по «Букваринту» единственно верным путем и собирая букву к букве, вы сможете прочесть английскую пословицу. Опасайтесь ложных путей! Они либо заведут в тупик, либо получится полная чепуха. Не заблудитесь!

Рисунок А. СИМОНОВОЙ

РОГАЛИКИ

Учитель:

— Попробуйте написать автобиографию. Все знают, что это такое?

Ученица:

— Конечно. Автобиография — это биография машины.

«Рогалики» прислали Илья Резницкий и читатель из г. Чугуева Харьковской области, к сожалению, забывший подписаться.

Продолжаем распевать частушки, поступающие на наш конкурс. Многие частушки повторяются, что свидетельствует, на наш взгляд, об их исключительной популярности.

Начал важничать Вадим,
Ходит с видом гордым,
Точно стал не звеньевым,
А английским лордом!

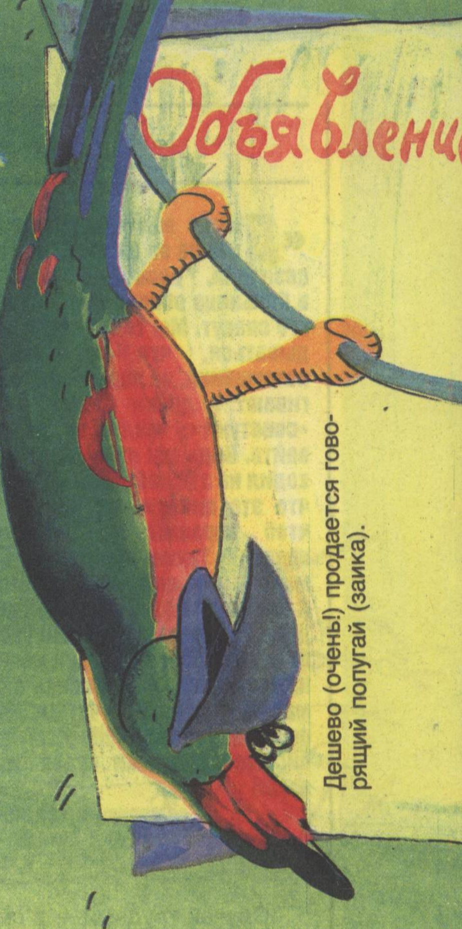
* * *

Если б Маша не глазела
В скважину замочную,
То на лбу бы не имела
Шишку крупноблочную.

* * *

Робин Бобин Барабек
Скушал сорок человек,
И нам не избежать беды,
Коль в столовой нет еды!

Частушки прислали
Света Хапугина
и Марианна Петрова.

Дешево (очень!) продается говорящий попугай (заика).

АРГЕНТИНА МАНИТ НЕГРА

Нарушим все правила и прочитаем заголовок справа налево.

Здорово получилось?

Заголовком стал палиндром, то есть перевертыш. Самый известный перевертыш, наверное, «А роза упала на лапу Азора».

Мы предлагаем вам перевертыши, которые придумал ВЛАДИМИР ВОЛЫНЕЦ.

Лука, ешь не меньше акул.
Ну как скакун?
И села у дивана на виду Алеси.
Итак, нога в вагон — кати.

Ребята! Придумайте перевертыши сами и пришлите их нам на конкурс «ПОПРОБУЙ, ПЕРЕВЕРНИ!» Лучшие обязательно напечатаем.

У роковой черты

«Димку мы подобрали на пустыре за школой. Он был без сознания, весь в крови. Врач в больнице обнадежил, сказал, что его спасут. Мы только можем догадываться, что тут замешаны пэтэушники, не первый раз они втягивают в драки наших. В школе «советуют»: милицию не впутывайте. Ведь мы отлично знаем, кто ходил на эти побоища. А считалось, что это никакие не драки, а так, чтоб поразмяться, «до первой крови». Такие разговоры: подумаешь, чуть не убили! Не убили же. А вчера приходила мать Димы, сидела за его партой целый урок. Она не находит себе места, а мы бегаем каждую перемену звонить в реанимацию. Вот вам и «чуть!». Ищи теперь виноватых. Напечатайте наше письмо большими красными буквами!

Девочки и все из 7 «Б», для кого случай с Димой — горе. г. Томск».

...Случай трудный — в смысле поиска виноватых. Девочки написали по горячим следам, но уже мне слышатся обычные: «может, нечаянно», «никто этого не хотел»... А человек на грани гибели.

Целая глава в Уголовном кодексе РСФСР посвящена действиям против личности, против жизни человека. Против издевательских избиений, хулиганства, убийства, наконец. Весь Уголовный кодекс выучить невозможно, но вот эту главу хорошо бы посмотреть с особым вниманием. Не только чтобы не совершать самому преступления. Но и для того чтобы не потакать жестокости, которой сейчас вокруг так много. Особо важные статьи кодекса 102-я, где разбираются разные случаи убийства, 108-я — о тяжких телесных повреждениях.

Уголовная ответственность за преступления, упомянутые мной, наступает с 14 лет. В большинстве случаев «герои» этих невеселых историй должны быть взяты под стражу. Наказание, если вина доказана,— лишение свободы, а срок зависит от степени вины.

Зачастую ребята, припоминая подробности случившегося, сами не могут понять, как же все получилось. Но поздно, никакие «нечаянно», «не было злого умысла» уже не помогут. Помню такую вот «нечаянную» историю.

Двое семиклассников решили поиграть в «пятый угол» — когда толкают, словно мячик, какого-нибудь слабыша. Это был второклассник. Играли-играли, пока он не потерял равновесия и не упал, ударившись головой о золоченую металлическую раму стенда. Стукнулся виском. И — смерть. Это происходило не где-нибудь в темном закоулке, а ни много ни мало... в школьном музее исторической и боевой славы. Да, неумышленно. Да, неосторожность, самая безмозглая. И это не оправдание. Надо было п р е д в и д е т ь: у жестокости, бездумности — жестокий конец. Того, кто толкнул мальчишку, осудили на три года лишения свободы. Понес наказание (административное) и второй.

И еще история. Двое подрались между собой на улице. Мимо шел прохожий. Как потом стало известно, он недавно перенес инфаркт, и это была его в т о р а я прогулка после долгой болезни. Прохожий, не подозревая ничего плохого, спокойно шел мимо, так как справедливо полагал, что мальчишки скорей всего дерутся невсерьез. Они не обращали внимания на этого прохожего, хотя обязаны были **предвидеть**, что могут задеть, столкнуть под машину, свалить с ног. Но ведь «не хотели»! Один из парней толкнул второго посильней, и прохожий был сбит с ног. И — удар об асфальт, мгновенная смерть.

Кто из двоих виноват больше? Виноват больше тот, кто толкнул товарища, а тот уже по инерции толкнул пожилого человека. Первый был осужден на 4 года заключения, второй — на 2 года. Я привожу этот пример для того, чтобы дать понять, насколько учитывается каждая подробность происшедшего: ведь погиб человек...

И еще вариант. Жил один парнишка в общежитии, и над ним все время издевалась компания из комнаты напротив. Подкараулят, когда тот один, и изобьют. Но однажды он набрался храбрости и, как мог, дал сдачи. У одного из нападавших была сломана челюсть. Но, расследовав внимательно всю историю этой злосчастной «войны», следователь не стал привлекать к ответственности того парня. «Телесное повреждение» было нанесено в пределах необходимой обороны.

Я хочу сказать, что при расследовании любых случаев хулиганства, жестоких драк правосудие стремится восстановить подлинную картину происшествия, как это ни сложно. Бывает, что не всегда это удается...

У той компании, что нападала на парня в общежитии, потом найдены были ножи, обрывки цепей и прочие «предметы», которые они пытались выдать за нечто случайно оказавшееся в комнате. Хочу упомянуть, что специальный эксперт, а не просто милиционер определит, что именно является холодным оружием, за ношение, изготовление которого предусмотрено наказание по статье 218-й. За наличие огнестрельного оружия наказание особо строгое.

Наказание же за легкие телесные повреждения зависит от того, насколько потерпевший будет требовать этого (тут советую просмотреть ст. 112-ю УК РСФСР).

Теперь, наконец, о случае с Димой. Об отчаянном письме из седьмого «Б». Драки, в которых принимают участие большие «команды», группировки, особо трудны для расследования. Улики не просто найти в таком побоище. Из страха, из ложного чувства «товарищества» парни врут, изворачиваются...

Очень хорошо представляю: милиции нелегко будет установить виноватых в истории с Димой. Будет ли он сам откровенен? И тут я хочу сказать о самом-самом главном. Конечно, у следователя, у милиции все равно много возможностей установить истину. Но почему «команды» не останавливали раньше? И неужели сейчас все будут молчать? Нет, не хочу верить, что ложь, страх, жестокость, равнодушие навсегда поселились в той школе, откуда пришло письмо.

Н. КУЗЬМИНОВА,
подполковник милиции, старший следователь по делам несовершеннолетних.

Только в крупнейших библиотеках страны можно обнаружить сегодня подшивки журнала «Пионер» за тридцатые годы. Того самого, который читали ваши бабушки и дедушки и в котором печатались все лучшие детские писатели довоенной поры. Среди авторов журнала был и Михаил Лоскутов. Его «Рассказ о говорящей собаке» — первый из серии о докторе Каррабелиусе — появился в «Пионере» в январе 1936 года.

Перепечатывая этот веселый рассказ, мы надеемся, что вы прочтете его с удовольствием. А заодно мы решили познакомить вас и с рисунками замечательного художника А. Каневского, который иллюстрировал не только «говорящую собаку», но и многие другие публикации «Пионера» тридцатых годов.

Не все было скверно в старые времена!

Мих. ЛОСКУТОВ

Рассказ о говорящей собаке

Рис. А. КАНЕВСКОГО

Вообще-то говоря, говорящих собак на свете нет. Так же, как говорящих лошадей, леопардов, кур, носорогов.

Собственно, науке известен только один такой случай — это знаменитая говорящая собака Олстон-Мабуби. Она принадлежала известному доктору Каррабелиусу, но где она находится в настоящее время, никому не известно. История эта — истинная правда. Произошла она не так давно в маленьком, очень далеком и захолустном городке Нижнем Таратайске на реке Бородайке.

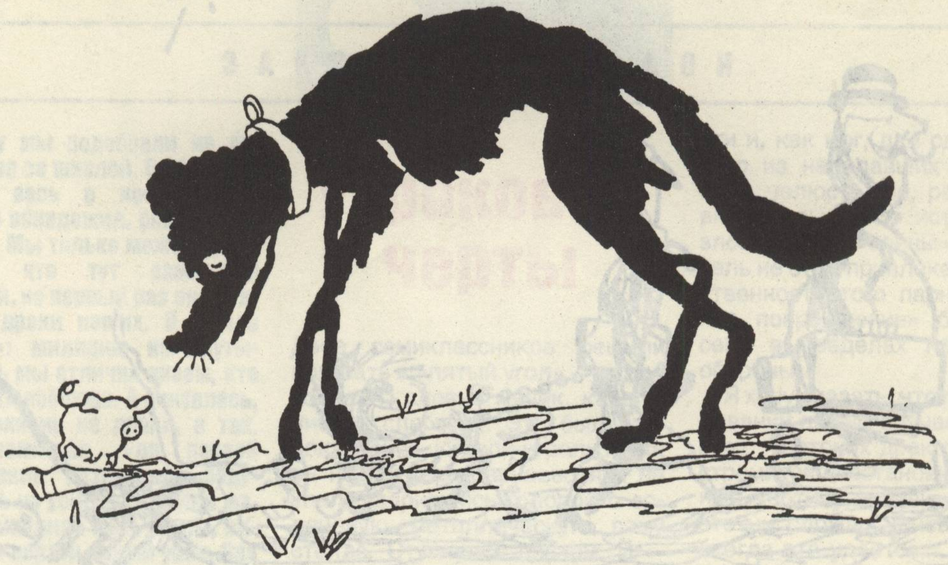
Излишне говорить, что город Нижний Таратайск никогда до того замечательного события не только не видал говорящих собак, но даже обыкновенными собаками, как город маленький, не изобиловал.

Было в нем ровно шесть собак, причем одна из них неполная. Она имела только три ноги и один глаз, все остальное она растеряла за свою долгую и бурную жизнь. Но это не мешало таратайским собакам быть особенными.

Естественно, что все жители города знали всех шестерых собак наперечет. Они даже составляли известную гордость Таратайска. Эту гордость подогревали особенно владельцы собак, люди тщеславные и самолюбивые. Поэтому все жители считали, что таратайские собаки самые умные на свете. Все говорили: «Наши собаки». Приезжих спрашивали: «Вы еще не видели наших собак?» Возвращаясь поздно домой, таратайцы говорили: «Это лают наши собаки»,— и слушали их, точно пение соловьев.

Каждый из владельцев, в свою очередь, конечно, считал, что его собака самая умная из шести собак, и на этой почве происходили между ними всякие дрязги.

Каждый находил в своей собаке свои особенные достоинства, и каждая была по-своему хороша

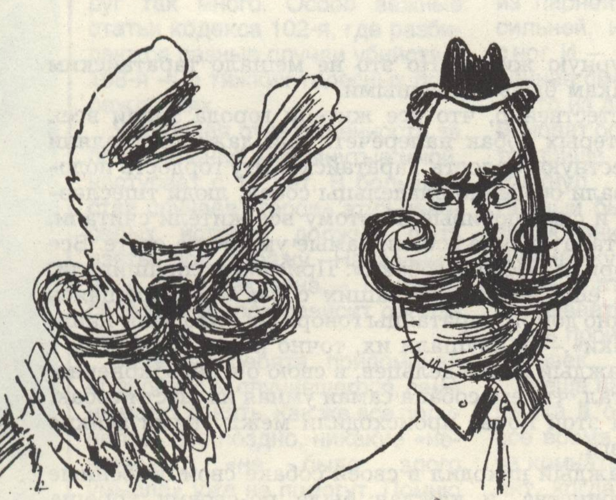
Черная собака счетовода Попкова.

и мила для города. Черная собака счетовода Попкова была больше всех: она могла при желании проглотить поросенка или даже самого счетовода. Пес бухгалтера Ерша был необыкновенен по раскраске: весь он состоял из пятен и каких-то грязных полос и походил не то на зебру, не то на шахматную доску. На глазах у всех бухгалтер мыл его, доказывая, что эти пятна не отмываются. Белый пудель Екатерины Федоровны Бломберберг был хотя не чистый пудель, а смесь с овчаркой, но все же был почти породистый и умел делать реверанс.

Но больше всех гордился своим псом Арарат, провизор аптеки, огромный, как башня, мужчина с лихими усами, закрученными вверх. Его всегда видели с собакой и с бамбуковой палкой в руках.

— Я побью того, кто скажет, что моя собака не лучше всех,— говорил провизор.— Смотрите, она даже похожа на меня.

И действительно, у них было странное сходство: была так же длинна, у нее были так же закручены вверх усы, ей недоставало только бамбуковой палки.

...Смотрите, она даже похожа на меня.

Лишь один владелец трехногой собаки не обладал особым самолюбием в собачьем вопросе. Это был старый пенсионер Поджижиков, человек ветхий, так же равнодушно смотревший на мир, как и его древнее животное по прозвищу «Бейбулат». Единственно, чем они оба занимались,— это сидели целый день на крылечке и дремали.

И вот однажды...

Доктор кинологии и восточной школы дрессировки животных, заклинатель змей и зоопсихолог Отто Каррабелиус приехал в Нижний Таратайск прямо из-за границы, возвращаясь с Малайского архипелага. Никем не замеченный, он сошел с поезда и с двумя чемоданами, ассистенткой, небольшой собакой, двумя обезьянами, попугаем и морской свиньей по прозвищу «Элеонора» отправился в местную гостиницу «Мадрид». А через день по городу были расклеены удивительные афиши:

«ДОКТОР КАРРАБЕЛИУС

продемонстрирует дрессировку животных

Прыжок в обруч. Поднимание животными гирь. Танец танго на зонтике.

А затем впервые в Европе и Америке покажет номера восточной школы психодрессировки животных.

ГОВОРЯЩАЯ СОБАКА

Результат долгой научной подготовки и работы с животными. Чудес нет. Буфет по удешевленным ценам».

Когда появилась афиша о необыкновенной собаке, весь город, естественно, начал говорить об этом событии. Мнения жителей были разнообразны.

Это надувательство,— говорили одни.— Собака не должна говорить. Собака обязана лаять и дом сторожить. Знаем эти индийские штучки. На что наши таратайские собаки — и то не говорят ничего.

— Нет, все же заграничное воспитание...— робко отвечали другие.— Конечно, дай нашим такое воспитание, так они бы и не так заговорили...

— По науке собака не имеет права разговаривать. У нее с медицинской точки зрения не так все

устроено,— говорил провизор аптеки, размахивая бамбуковой палкой.

— Почему же? Вы забываете, как наука и техника вперед шагнули. Вон телевидение, например... Почему же собаке не говорить?! Пора. Давно пора было обратить внимание. Это же красота! Сидит, к примеру, собака, дом сторожит. Что бы ей лаять на вора, она ему вдруг вежливо так, басом говорит: «Ты чего тут шляешься? А то вот хозяина как кликну, так будешь хорош...»

Как передают теперь свидетели, особенное напряжение в городе началось с той поры, когда на улицах стал появляться доктор Отто Каррабелиус с собачкой. Поползли всякие слухи. Передавали, будто где-то его собака чихнула и извинилась. У кого-то она спрашивала адрес какой-то улицы. За Отто Каррабелиусом ходила толпа и во главе — все владельцы собак, кроме двух. Хозяин черного пуделя «Клондайка» местный священник Святоперекрещенский сидел дома и говорил собравшимся у него старушкам, что все это ведет к концу мира.

— Не ходите смотреть на эту нечисть,— говорил священник.— Вот до чего дошло при советской власти: собака говорит. Этак, того и гляди, куры танцевать станут, коровы частушки запоют! С нами крестная сила!

Один только старичок-пенсионер Поджижиков сидел равнодушно на солнышке и грелся с собакой «Бейбулатом». Когда ему говорили про говорящую собаку, он только зевал.

— Ну и что же, охо-хо,— говорил он.— Пусть говорят на здоровье.

Ничто его не прошибало!

Мальчик Витя Храбрецов, пионер, ученик и следопыт первой категории, твердо задался целью выяснить тайну собаки. С утра до ночи он ходил по улице за доктором Каррабелиусом и даже пропустил все занятия. Но собака почему-то молчала. Вопрос особенно волновал Витю с одной стороны: если собаку можно выучить говорить по-русски, по-немецки и по-французски, то не может ли она вообще ходить в школу и готовить уроки?

В день представления зал клуба местной пожарной дружины «Красное пламя» был набит битком. В первом ряду сидели четыре владельца собак. Тут были и счетовод, и бухгалтер, и Бломберберг, и провизор с палкой.

Вышли доктор Каррабелиус во фраке и ассистентка в костюме наездницы. Быстро проделали свои номера обезьяны, попугай и морская свинья «Элеонора». Их публика пропустила мимо глаз. Доктор понял, что публику волнует собака. Видя напор толпы, он забеспокоился. Где-то треснул барьер.

Наконец, вышла собака. Сначала она проделала прыжки и танго на зонтике. Потом доктор вышел вперед и сказал:

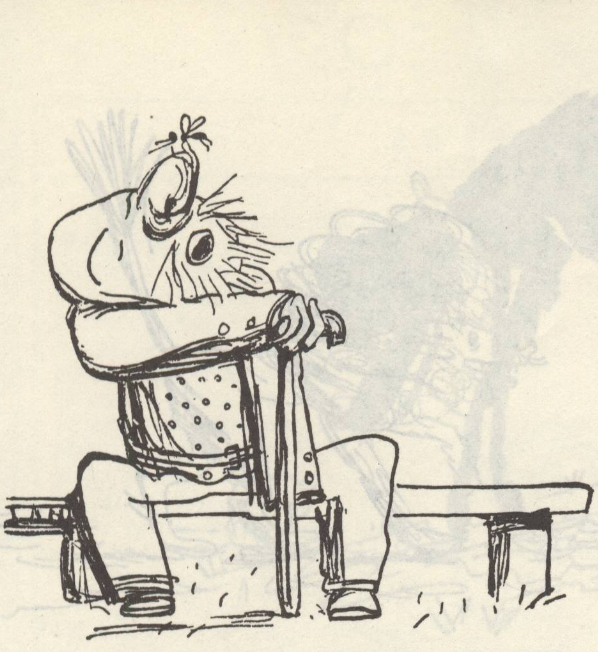
— Товарищи, милостивий государь и милостивий государин. Теперь мы продемонстрируйт главный номер, как биль говориль собака. Перед вами маленький млекопитающий животный Канис Фа-

Белый пудель Екатерины Федоровны Бломберберг.

Пес бухгалтера Ерша.

Один только старичок пенсионер Поджижиков равнодушно дремал на солнышке.

мильярис — обыкновенний домашний собака по имени Олстон-Мабуби.

— Давай! — крикнули в публике.

Ряды придвинулись к сцене. Доктор немного отступил и вытер затылок.

— Ничего необыкновенного и сверхъестественного в этом номере нет. Все ви знайт, что такой, например, обичный животный, как попугай, может говорить по-человечески голос. Собака же — самий умный животный, древний друг человека. Мои долгие опыты на основе изучения восточный наук...

Публика придвинулась еще ближе. Все вскочили с мест и полезли на сцену. «Давай!» — закричали опять в публике.

— Товарищи! — сказал доктор, отступая.— Я боюсь, что при таких условия мой собак не сможет сказать один слов.

Здесь публика заволновалась еще больше. Все смотрели на собаку, но ничего не было слышно.

— Он сейчас удерет! Держите его! — кричали владельцы таратайских собак.

— Она не будет говорить.

— Тише!

— Дайте собаке поговорить,— спокойно пробасил кто-то.

— А она на каком языке будет?

— Товарищи! — сказал доктор.— Я очшень плохо говариль по-русски. Но мой собак изучиль его лучше меня. Ну, я попрошу кого-нибудь на сцена.

И здесь на сцену выскочил следопыт Витя Храбрецов.

— Я! Ну как тебя звать? — спросил он у собаки.

Собака взглянула на него и открыла рот.

— Олстон-Мабуби,— вдруг сказала она громко.— А тебя как?

Витя растерялся. Публика ахнула и присела. Собака открывала рот и выдавливала из себя настоящие слова. Тут в зале от напора толпы треснула скамейка и опять поднялся шум. Всех слов разобрать было нельзя. Доктор поспешно откланялся и удалился со сцены, уводя собаку.

Возбужденная публика долго не уходила. Она спорила. «Говорила!» — заявляли одни. «Ничего не говорила. Это обман зрения!» — кричали хозяева собак.

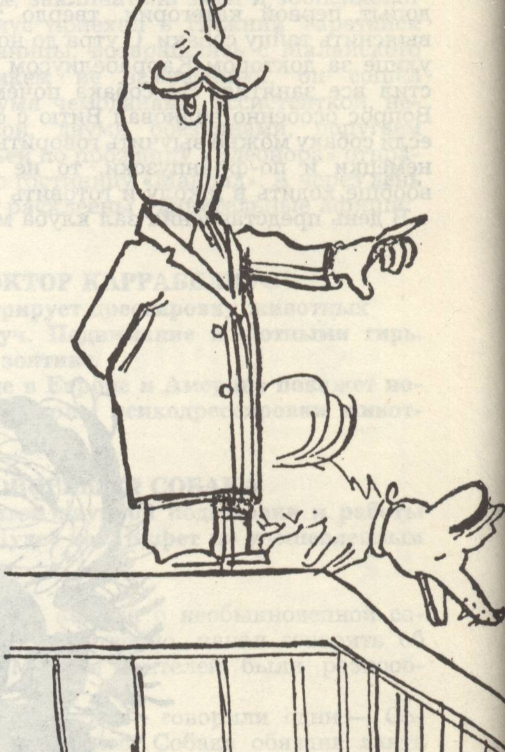
На другой день в городе появилась афиша о втором представлении с припиской: «Ввиду нервного состояния собаки просьба соблюдать абсолютный порядок. В противном случае сеанс говорения может не состояться».

Город разбился на два лагеря. Теперь только и было споров: говорила или не говорила. Даже пять местных собак бегали по городу, взволнованные общим спором. Первая половина города теперь смотрела на них насмешливо. «Ну, вы, тоже собаки, только и толку, что реверанс...» Псы стыдливо поджимали хвосты и убегали в подворотни.

Но зато другие, наоборот, стали смотреть на собак с еще большим уважением и даже некоторой опаской: кто их знает, этих странных животных, о чем они думают? Мальчишки, горячие сторонники второй партии, ходили толпой по улицам и пели сочиненную кем-то песню:

«Что за шум и что за драки?
Кто затеял кавардак?
Это враки,
Это враки,
Всем известно, что собаки,
Таратайские собаки,
Лучше всех других собак!!»

Только древняя трехногая «Бейбулатка» и старичок Поджижиков оставались спокойными: попрежнему они сидели на крылечке, равнодушные к общему волнению.

— Ну и что же? Все бывает,— говорил, зевая, пенсионер.

Но на второе представление его все же притащили и посадили в первом ряду.

К моменту выхода собаки напряжение опять достигло предела. Но теперь никто не придвигался и не вскакивал с мест: все боялись, чтобы сеанс не отменили. Публика напряглась, зажав рты. Все делали друг другу строгие знаки. Затаенное дыхание иногда лишь прерывалось вздохами. Только старичок Поджижиков сидел в первом ряду и спокойно дремал, задрав голову на спинку стула.

Опять прошла морская свинья, танго на проволоке. Подошло дело к собаке. Мальчик Витя Храбрецов на цыпочках вышел на сцену.

— Прошу для удостоверений научности опит выйти на сцена представителей медицинского мира,— сказал доктор.— Ну, собачка, скажи что-нибудь мальчику. Смотри, какой мальчик.

— Ничего. Мальчик как мальчик. Так себе,— вдруг сказала собака и зевнула.

Тишина разорвалась. Поднялись крики. «Бис!» — кричали из задних рядов.

— Мальчик как мальчик. Ну? — громко повторила собака. Сомнений быть не могло. Гром аплодисментов потряс здание клуба. Старичок Поджижиков проснулся.

— Ну и что же тут такого? — вдруг сказал он в наступившей тишине.— Эка невидаль. Ну-ка, «Бейбулат».

Собаки стояли друг против друга и кричали друг другу разные глупости.

— Не ходите смотреть на эту нечисть...

И тут, как рассказывали свидетели, началось нечто совершенно необыкновенное.

Из-под скамейки вдруг вылезла древняя полуслепая «Бейбулатка» с белой свалявшейся шерстью и на трех ногах приковыляла к своему хозяину.

Хмуро и гордо она посмотрела одним своим глазом на собравшихся.

— Поговори с собачкой,— сказал старичок.

Собака посмотрела на сцену.

— А ну ее к свиньям,— вдруг сказала она.— Чего мне с ней разговаривать?

Тутуже остолбенел доктор кинологии Каррабелиус. Вытаращив глаза, он смотрел на белого лохматого пса-дворняжку.

— Мы их забьем, этих сеттер-шнель-клепсов? Правда? — спросил старичок «Бейбулата».

— Ясное дело, забьем, Сидор Поликарпович. Это нам раз плюнуть! — отвечал пес.— Мы еще не так сумеем разговаривать!

Но собака доктора Каррабелиуса не растерялась.

— Ну кто еще кого забьет, мы посмотрим! — закричала она.

Публика опять вскочила. Одни мчались к выходу, другие лезли на сцену, третьи орали какие-то слова. Тем временем две собаки стояли друг против друга и выкрикивали друг другу разные глупости. Это продолжалось до тех пор, пока старичок не увел свою собаку, а доктор свою. Оставшаяся публика не могла успокоиться. Владельцы собак в первом ряду запели песню таратайцев, и ее подхватили задние. Провизор вскочил на сцену и принялся дирижировать своей бамбуковой палкой. Все пели хором:

> **«Что за шум и что за драки?**
> **Кто затеял кавардак?**
> **Это враки,**
> **Это враки,**
> **Всем известно, что собаки,**
> **Таратайские собаки,**
> **Лучше всех других собак!!»**

Потрясенный город не мог спокойно жить, спать, есть и работать. Собачья гордость Нижнего Таратайска переливала через край. Даже жители Верхнего Таратайска и Среднего Таратайска валом валили смотреть на собаку Поджижикова. Но старичок и пес по-прежнему мирно дремали на солнышке.

Псы стыдливо поджимали хвосты и убегали в подворотни.

Витя Храбрецов целый день носился по городу. Вечером усталый он возвращался домой мимо церкви Воздвиженья-на-Песках.

Однажды он услышал странную возню за церковной оградой. Прислонившись к ограде, он прислушался. Оттуда доносился голос священника.

— Ну, «Клондайк»,— быстро шептал он,— ну. скажи «па-па». Ну стой смирно, господи благослови. Ну, скажи «хо-ро-ша-я по-го-да».

Все владельцы срочно обучали своих собак языку. День и ночь они муштровали их и так и этак, допытывались у старика Поджижикова насчет его секрета и снова ломали головы.

И — вот чего не сделает человеческая гордость! Нам могут не поверить, но беспристрастная история свидетельствует об этом замечательном моменте в жизни города, когда собаки действительно начали понемногу разговаривать о том о сем.

Пять собак Нижнего Таратайска стали говорить!

Это было страшно. Хозяева выводили своих собак на крыльцо, водили взад и вперед по улицам и перед изумленной толпой беседовали с ними о всяких вопросах.

— Хорошая погода,— говорили они собакам.

— Ничего, действительно,— отвечали те,— только не мешало бы небольшому дождичку.

Мир воцарился меж хозяевами пяти собак. При встречах они хитро подмигивали друг другу. Таратайские псы тоже торжествовали. Они здоровались друг с другом на улицах, кричали из-за заборов и пели песни. Рассказывают даже, что черная собака счетовода Попкова как угорелая носилась по улицам и кричала:

— А ну, где тут доктор Каррабелиус? Разве он еще не уехал в Индию?!

За ней гонялись пожарные. Только попу не удалось обучить свою собаку ничему. Он мучил беднягу днем и ночью, но она оставалась молчалива как камень. С горя, говорят, поп принялся обучать своего пса музыке и математике. А у старухи Тараканихи будто бы кошка начала вдруг разговаривать по-французски. События начали принимать невероятный оборот.

Тогда доктору Каррабелиусу посоветовали срочно покинуть город. «Это все вы наделали,— сказали ему.— Когда вы уедете, наши собаки успокоятся. У нас и без говорящих собак дел очень много».

Некоторые скептики, конечно, говорили, что все здесь обман. Они заявляли, что тут обычный цирковой трюк под названием чревовещание; сам артист говорит сперва своим обычным голосом, а потом, когда собака открывает рот, он отвечает за нее другим голосом. На этом понемногу все начали успокаиваться.

Но не такой был мальчик Витя Храбрецов: он решил выяснить тайну до конца. Когда доктор уезжал, он шел за ним и его собакой до самого вокзала.

— Олстон! — кричал он ей.— Скажи два слова.

Но собака молча, понурив голову, шла за доктором.

— Олстон-Мабуби! Это я, Витя Храбрецов. Мы с тобой разговаривали в театре.

— А ну, где тут доктор Каррабелиус?

Собака молчала. Доктор не оборачивался.

Витя бросил собаке кусок хлеба, чтобы посмотреть, нет ли у нее во рту говорящей машинки. Она не взглянула на хлеб. Тогда он кинул в нее камень, чтобы она выругалась. Она молчала.

Наконец, когда доктор Каррабелиус влезал в вагон, она посмотрела на Витю Храбрецова, покачала головой и сказала:

— Ты очень плохой ученик, пионер и мальчик. Во-первых, нехорошо швыряться в собак камнями. Во-вторых, ты пропускаешь занятия, как лентяй. И, в-третьих, говорящих собак никогда не было, нет и не может быть.

И она была права. Сказав это, она исчезла вслед за чемоданами, обезьянами, попугаем и морской свиньей «Элеонорой».

ВЫ ЕЩЕ НЕ ЧИТАЛИ?

Есть такое скучное, умное, но все-таки красивое и очень сложное слово — ЭНЦИКЛОПЕДИЯ.

Большая СОВЕТСКАЯ энциклопедия. Геологическая. Географическая. Техническая. Энциклопедический словарь...

Толстый, большой справочник, в котором по буквам алфавита мелким шрифтом (читать с лупой!) распределены знания, сведения, биографии людей, названия городов, стран, наук, открытий — всего-всего-всего...

Такие книги, как говорят, «для тех, кто понимает». Для физиков, геологов, ли-те-ра-ту-ро-ве-дов...

Ну а для нас с тобой?

Хорошо бы иметь энциклопедию всего смешного, страшного, веселого, грустного, забавного, любопытного!..

Ура!

Есть такая энциклопедия!

Детский поэт Лев Яковлев собрал в одну большую, толстую и очень красивую книгу... чего он только не собрал: смешные стихи, веселые и грустные сказки, забавные истории, умные интервью, частушки, рассказы о художниках, о профессиях, произведения великих и молодых писателей, путешествия в другие страны...

И еще он собрал удивительные иллюстрации художников.

«Для тех, кто любит узнавать новое и вспоминать старое. Для детей, которым интересны взрослые, и для взрослых, которые не прочь ненадолго стать детьми. Короче, для тебя, читатель»,— вот, оказывается, для кого написана эта книга, а если точнее, альманах для взрослых и детей.

В книге этой — несколько десятков авторов. И, кстати, есть среди них детские писатели, объединившиеся в литературное общество «Черная курица», о котором мы рассказали в четвертых (апрельских) номерах этого и прошлого года.

Но самое интересное то, как называется эта книга.

Ни за что не поверите.

И никогда не догадаетесь.

...Ну вот попробуйте сами найти слово, которое выражает ВСЕ чувства сразу.

Ай!

Ой!

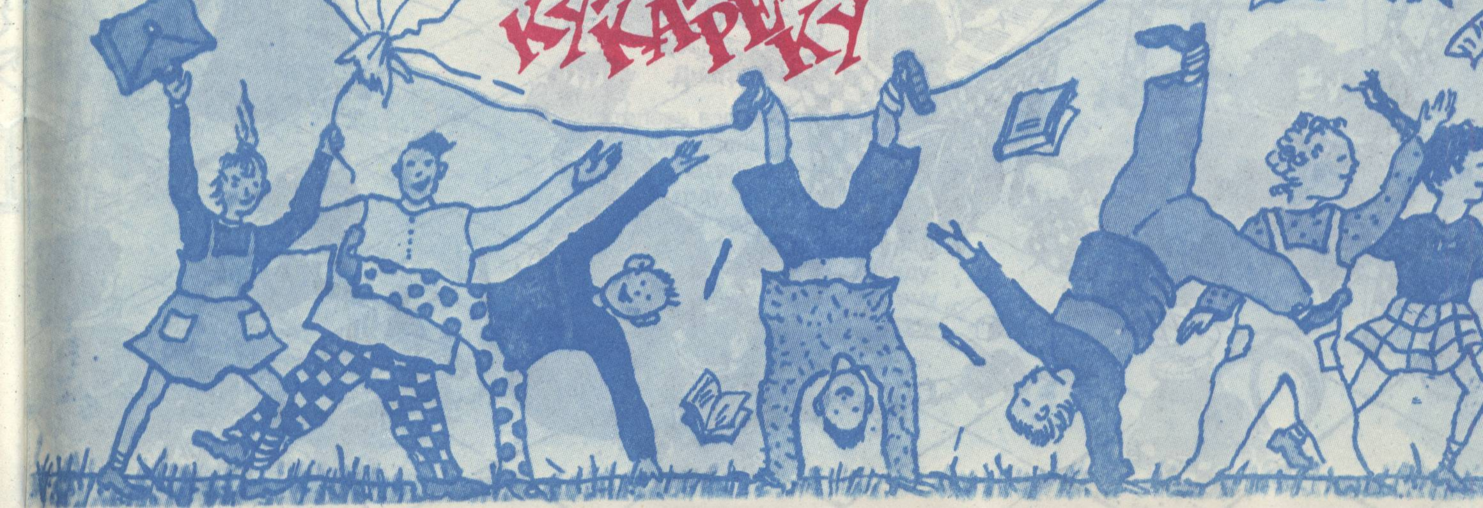
Вот!

Да, правильно. Но нетаинственно. И незагадочно. И несмешно.

Книга, о которой мы вам рассказали и которую советуем купить или взять в библиотеке (стоит она по нынешним временам не то чтобы очень дешево — 10 рублей, но зато советско-британское издательство «Слово» не поскупилось на классную бумагу, шикарную твердую глянцевую обложку, замечательные краски),— так вот, книга эта называется

КУ-КА-РЕ-КУ

Борис МИНАЕВ

— Внимание, Ося! Включаем микрофон! Работают камеры! — сообщили с режиссерского пульта.

Ося Б., новый шахматный тележурналист, улыбнулся и объявил:

Стейниц и полиция

В летописи шахмат есть имена, которые с течением времени окружает своеобразная романтика.

В этом ряду шахматных романтиков важное место занимают первый чемпион мира Вильгельм Стейниц и его главный соперник на протяжении многих лет Михаил Иванович Чигорин.

Стейниц, создатель современной позиционной теории игры, был шахматистом смелым и принципиальным. С завидным постоянством и уверенностью в своей правоте он отстаивал не только свои творческие позиции. Чемпион мира заботился и о своей спортивной репутации, предпочитая сражаться с самыми сильными противниками. Показательно, что Стейниц, высоко оценивая Чигорина, сам предложил тому играть матч на первенство мира, мотивируя это тем, что всех других мастеров он чаще всего побеждал, а вот Чигорину, наоборот, проиграл несколько партий подряд.

В отличие от Стейница замечательный русский шахматист искал в игре не правила, а исключения из них. Он тоже всегда пытался найти что-то новое, и это чрезвычайно ценное качество позволило ему стать величайшим мастером комбинационной игры. Поэтому похвала «в стиле Чигорина» до сих пор является лучшим комплиментом шахматисту, красиво завершившему атаку.

Свой первый матч за шахматную корону (Гавана, 1889 г.) Чигорин проиграл. Тем не менее спортивный и творческий спор непримиримых за шахматной доской соперников продолжался.

Сто лет назад они сыграли тематический матч по телеграфу, подобного которому больше пока не было.

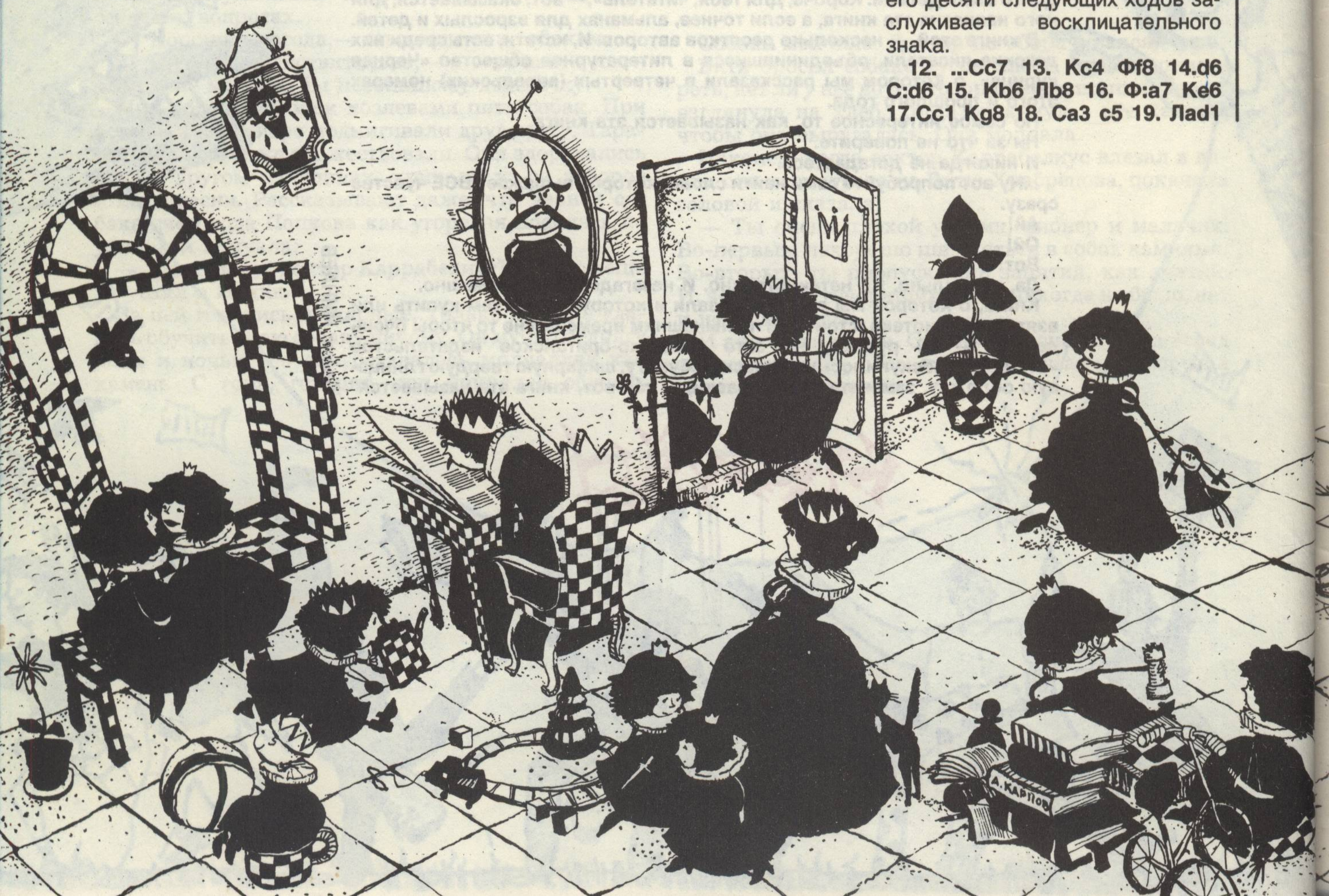
Любопытна завязка этого состязания. Чигорин обратил внимание на два модных в то время варианта в книге Стейница «Современное руководство шахматной игры» и не согласился с рекомендациями автора. Это разногласие в оценке вариантов и привело к вызвавшему огромный интерес матчу из двух партий по телеграфу между Нью-Йорком и Петербургом. Стейниц был уверен в своей правоте, он даже во время игры комментировал партии в газете, чего, кажется, никто после него не осмеливался делать. Однако в этом необычном творческом и спортивном поединке обе победы, причем весьма красивые, одержал русский шахматист.

Чигорин — Стейниц
Гамбит Эванса

1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3.Cc4 Cc5 4. b4 C:b4 5.c3 Ca5 6.0—0 Фf6 7.d4 Kh6. Именно этот ход рекомендовал Стейниц в своем руководстве как лучший. У Чигорина было другое мнение.

8.Cg5 Фd6 9.d5 Kd8 10.Фa4 Cb6 11. Ka3 c6 12. Ce2. Начиная с этого момента Чигорин играет очень четко: почти каждый из его десяти следующих ходов заслуживает восклицательного знака.

12. ...Cc7 13. Kc4 Фf8 14.d6 C:d6 15. Kb6 Лb8 16. Ф:a7 Ke6 17.Cc1 Kg8 18. Ca3 c5 19. Лad1

Kf6 20.Cc4 Cc7 21.Kd5 Cd6 22. Kh4 K:d5 23. Kf5 g6 24.K:d6+ Ф:d6 25.C:d5 Фc7 26.C:e6 fe 27.C:c5 Лa8 28. Ф:a8 Ф:c5. Белые выиграли качество, и дальнейшая игра продолжалась недолго.

29. Фa4 Kpd8 30. Лd2 Kpc7 31. Лb1 Лd8 32.Лb5 Фc6 33.Фb4d6 34. a4 Фe8 35. Лb6 Фf8 36.Фa5d5 37.ed Kpb8 38. d6. Черные сдались.

Стейниц — Чигорин

Защита двух коней

1. e4 e5 2.Kf3 Kc6 3.Cc4 Kf6 4.Kg5 d5 5.ed Ka5 6.Cb5+ c6 7.dc bc 8.Ce2 h6 9.Kh3. Этот опять-таки «боковой» ход коня и стал предметом спора соперников.

9...Cc5 10.d3 0—0 11. Kc3 Kd5 12. Ka4 Cd6 13. Kg1 f5 14. c3 Cd7 15.d4 e4 16. c4 Ke7 17.Kc3 Ce6 18.b3 Cb4 19. Cb2 f4 20.Фc2 Ф:d4 21.Kpf1 f3 22.gf ef 23. C:f3 Cf5 24.Ke4 C:e4 25. Фe2.

Диаграмма 1

25...C:f3. Жертвуя ферзя, черные начинают красивую заключительную атаку.

26. Фe6+Kph7 27. C:d4 C:h1 28. Фh3 Kf5 29. Ce5 Лae8 30. Cf4 Kd4 31. Фd3+ Ce4 32. Ф:d4 Л:f4 33. f3 Лef8 34. Ф:a7 c5 35.Фc7 Kc6 36. a3 Л:f3+ 37. K:f3 Л:f3+ 38.Kpg1 Cd2. Белые сдались.

Один из эпизодов этого матча так и просится в «Нашу гостиную».

Поединок принес Стейницу и еще один удар — от американской полиции. Однажды, когда он посылал в Россию телеграмму с очередным ходом, его задержали: «Похоже, что этот бородач, передающий непонятный шифр,— русский шпион...» Специальный код, применяемый для передачи ходов в международных соревнованиях по телеграфу, был принят полицейскими за тайный шифр. Стейницу пришлось провести 24 часа в полицейском участке, прежде чем с него было снято нелепое обвинение...

НАША ГОСТИНАЯ

Осмелился дать ферзя...

В 1896 году в Гавану приехал известный парижский мастер Жан Таубенгауз. По мнению Эм. Ласкера, «Таубенгауз был настоящим мастером и имел в свое время некоторые успехи. Во всяком случае, он оставил после себя несколько красивых партий». Когда ему представили восьмилетнего Х. Р. Капабланку, он дал мальчику в качестве форы ферзя. Партия закончилась очень быстро победой будущего чемпиона мира. Много лет спустя француз с гордостью говорил: «Я единственный, кто осмелился дать ферзя самому Капабланке!»

ПОМОЗГУЙТЕ!

Достойные двойники

Посмотрите на позицию.

Диаграмма 2

Этот знаменитый этюд чешского гроссмейстера Рихарда Рети уже 70 лет поражает воображение всех шахматистов.

Белый король, играя на два фронта, успевает либо помочь своей пешке, либо уничтожить неприятельскую: **1.Kpg7 Kpb6 2. Kpf6 h4 3.Kpe5 h3 4.Kpd6 h2 5.c7 Kpb7 6.Kpd7.** Ничья. Спасаются белые и в других вариантах: **1. ..h4 2.Kpf6 Kpb6 (2. ..h3 3.Kpe6) 3.Kpe5.**

Диаграмма 3

А теперь взгляните на эту позицию. Она очень похожа на первую. Напечатана она была в том же, 1921 году, но осталась практически не замеченной. Здесь белый король тоже проявляет неплохую активность. Подумайте, по каким тропинкам ему надо пройти, чтобы сделать ничью.

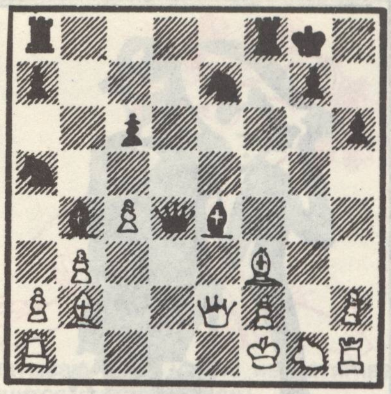

Диаграмма 1

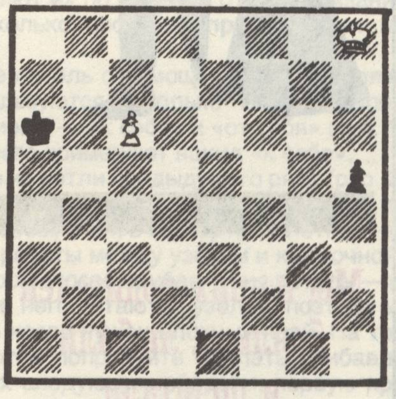

Диаграмма 2

Диаграмма 3

Рис. О. Зябликовой.

ИЗ РУССКОЙ СТАРИНЫ

Мы наших родителей боялись, любили и почитали

«Бабушка моя, матушкина мать, Елизавета Петровна Янькова, родилась 29 марта 1768 года. Она была дочь Петра Михайловича Римского-Корсакова, женатого на княжне Пелагее Николаевне Щербатовой...

Бабушка скончалась 3 марта 1861 года, сохранив почти до самой своей кончины твердую память, в особенности когда речь касалась прошлого...»

Д. Благово

От «ПАФ»а:

Елизавета Петровна Янькова, дожившая до 93 лет, ничем особенным не прославилась. Но она знала и помнила такое количество интересных историй о жизни своей семьи, знакомых, знаменитых современников, что этих историй набралось на целую толстую книгу.

Внук Елизаветы Петровны — Дмитрий Благово — терпеливо записывал устные рассказы бабушки, а мы — потомки — получили в итоге удивительную книгу **«Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово».** Недавно она вышла в издательстве «Наука». Кому не лень, поищите эту книгу в библиотеках! Нет ничего интереснее, как окунуться в прошлое, прочитав чьи-либо воспоминания.

Вот крошечный фрагмент из «Рассказов бабушки...»:

«... В то время дети не бывали при родителях неотлучно, как теперь, и не смели прийти, когда вздумается, а приходили поутру поздороваться, к обеду, к чаю и к ужину или когда позовут за чем-нибудь. Отношения детей к родителям были совсем не такие, как теперь; не говорили: за что вы на меня сердитесь, а говорили: за что вы изволите гневаться, или: чем я вас прогневала; не говорили: это вы мне подарили; нет, это было нескладно, а следовало сказать: это вы мне пожаловали, это ваше жалование. Мы наших родителей боялись, любили и почитали. Теперь дети отца и матери не боятся, а больше ли от этого любят их — не знаю. В наше время никогда никому и в мысль не приходило, чтобы можно было ослушаться отца или мать и беспрекословно не исполнить что приказано. Как это возможно? Даже и ответить нельзя было, и в разговор свободно не вступали: ждешь, чтобы старший спросил, тогда и отвечаешь, а то, пожалуй, и дождешься, что тебе скажут: «Что в разговор ввязываешься? Тебя не спрашивают, ну так и молчи!» Да, такого панибратства, как теперь, не было; и право, лучше было, больше чтили старших, было больше порядку в семействах и благочестия...»

ТРИ ВОПРОСА ПЛЮС...

Наконец-то!

За год работы над «ПАФ»ом я получил-таки истинное наслаждение от письма. Некая Кэт, четырнадцати лет, из города Волгограда, попросила рассказать меня о моде, о том, как стать современной, какой косметикой пользоваться... Таких посланий десятки, но я выделил из всех это, и вот почему.

Читатель, открыв его, я понял, что письмо написала девушка, а никто другой. Бумага и конверт легко и приятно пахли духами, ни одной помарки, ровный и красивый почерк, мягкость выражений — за всем видна слабость, в которой заключена сила женщин. Такой невозможно отказать.

Кэт! На твои вопросы отвечает **художник Московского дома моды Елена Анатольевна Пасько.**

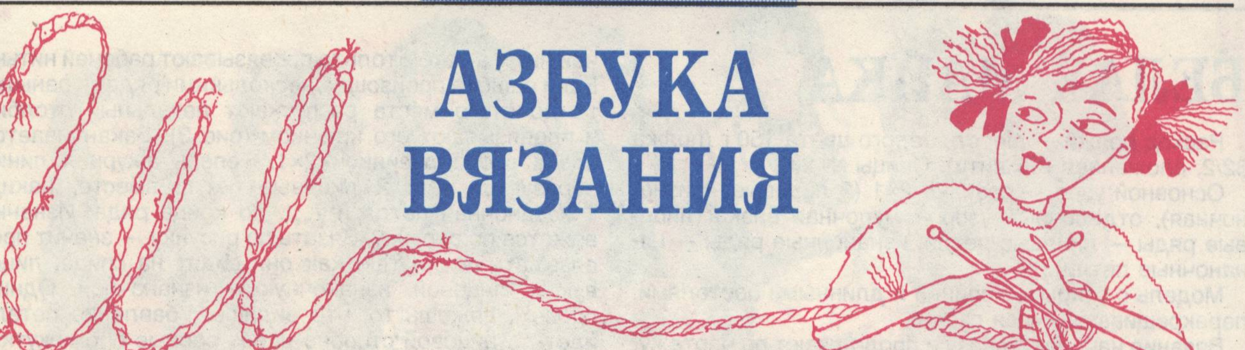
— Надо ли советовать молодым, что носить, как одеваться, какой фасон юбки подходит под тот или иной жакет, тогда как сколько-нибудь приличную вещь можно купить только по талонам, приглашениям. Зачем в который раз обманывать молодых? Безусловно, девушка, умеющая кроить, шить, вязать, находится в более сносном положении, чем ее подруга, не умеющая оного. Однако, я думаю, не от таких в ваш журнал приходят письма. Неужели авторы этих писем успокоятся, услышав от меня набившие оскомину слова о собственном стиле, манере, видении костюма? Вспомнят ли они пассаж об индивидуальности, отстояв километровую очередь в ГУМе или другом крупном универмаге за ужасными джемперами?

Что касается косметики, я не хочу повторять прописные истины о недопустимости макияжа и прочих излишеств. Во всем должна ощущаться гармония. Искусно подкрашенные глаза четырнадцатилетней девушки произведут больше впечатления, чем какие-либо косметические изыски. Однако нельзя выбирать тот же цвет тона, какого цвета глаза. Это выглядит вульгарно, вызывающе. Мне кажется, что для карих глаз приемлем золотистый, коричневый тон, для голубых серо-розовый, темный, у зеленых глаз розоватый тон создаст и подчеркнет естественный блеск. Вот вы меня спросили, когда я нашла свой стиль, свою манеру одеваться. Честно говоря, я до семнадцати лет не снимала школьного платья... Сейчас же, как видите, я ношу классические, строгие формы...

Я с нескрываемым восторгом посмотрел на строгий шикарный пиджак Елены Анатольевны и распрощался...

Андрей Муханов,
г. Москва.

Выпуск подготовил Андрей МУХАНОВ. Рисунок К. Раевской.

АЗБУКА ВЯЗАНИЯ

Шерстяные вещи носятся очень долго, иногда десятилетиями. Но вот потерлись края рукавов, появились дырки на локтях, а выбросить жалко. Да и не нужно. Стоит немного пофантазировать и засучив рукава взяться за работу.

* Сначала распустите старую одежду. Для этого ее необходимо распороть по швам и распустить каждую деталь отдельно. Конец нитки почти во всех изделиях находится сверху. Во время работы нитки из вытертых участков лучше удалить.

* Сделайте мотки. Нить, полученная при роспуске изделия, обычно курчавится, поэтому ее необходимо выпрямить, иначе вязание получится рыхлым, неровным. На четыре ножки табурета нитки намотайте так, чтобы в каждом мотке было примерно 100 г. А чтобы конец нити не потерялся, привяжите к нему кусочек бинта. Моток слегка перетяните в 2—3 местах простой светлой ниткой или бинтом.

* Шерсть в мотках выстирайте в воде с мыльной пеной при температуре не выше 50°. Пряжу и вязаные изделия не выкручивайте, их только слегка отожмите, а пряжу по кругу пропустите сквозь ладони. Стирать и полоскать шерсть нужно в воде одинаковой температуры, чтобы пряжа не села, не сбилась. А во время полоскания добавьте одну столовую ложку уксуса на 1 литр воды. К светлой или белой пряже уксус добавлять не рекомендуется, от него она пожелтеет. К каждому мотку подвесьте груз, чтобы выпрямить нитки, и дайте пряже высохнуть при комнатной температуре.

* Смотайте пряжу в клубки. На шерстяной нити много ворсинок, которые делают ее пушистой и живой. Уничтожить их очень легко — достаточно смотать пряжу в тугой, тяжелый клубок, и она станет вялой и безжизненной, похожей на хлопчатобумажную. Чтобы этого не случилось, сматывать нить нужно не натягивая, тогда клубок получится мягким и легким.

Вязаному полотну можно придать любую форму: прямоугольника, треугольника, круга или квадрата. Для этого прибавляют и убавляют петли и внутри полотна, и по краям. А чтобы такие петли были почти незаметны, выполняют их по лицевой стороне вязания. Существует несколько способов **прибавления петель.**

1. Прибавление петель с помощью накида. В вязании накиды используются довольно часто, и выполняют их в два приема — «к себе» и «от себя» (рис. 1). В работе чаще всего применяют накид «к себе».

2. Прибавление из петли предыдущего ряда (рис. 2). По краю полотна петли прибавляют с помощью накида тем же способом, что и в середине полотна,— по лицевой стороне работы между узором и кромочной.

Есть еще и второй способ прибавления петель — из кромочных. После него остаются узелки, поэтому им пользуются лишь когда нужен плотный край. На тренировочном полотне попробуйте сделать прибавления из кромочных следующим образом: первую кромочную провяжите лицевой за заднюю стенку и, не снимая ее со спицы, еще раз лицевой за переднюю. Свяжите ряд до конца лицевыми петлями и последнюю кромочную провяжите 1 раз лицевой за заднюю стенку, а второй — изнаночной петлей.

Убавление петель по краю полотна

Наиболее легкий способ — это провязывание в конце ряда двух или нескольких петель вместе с изнаночной. Для тренировки возьмите прежнее полотно и продолжайте чулочное вязание, провязывая в конце каждого лицевого и изнаночного ряда две петли вместе (кромочную и соседнюю) или две предпоследние петли.

БЕЛАЯ МАЙКА

Расход пряжи — шерсть белого цвета 150 г (пряжа 32/2, сложенная в 3 нити). Спицы № 2,5.

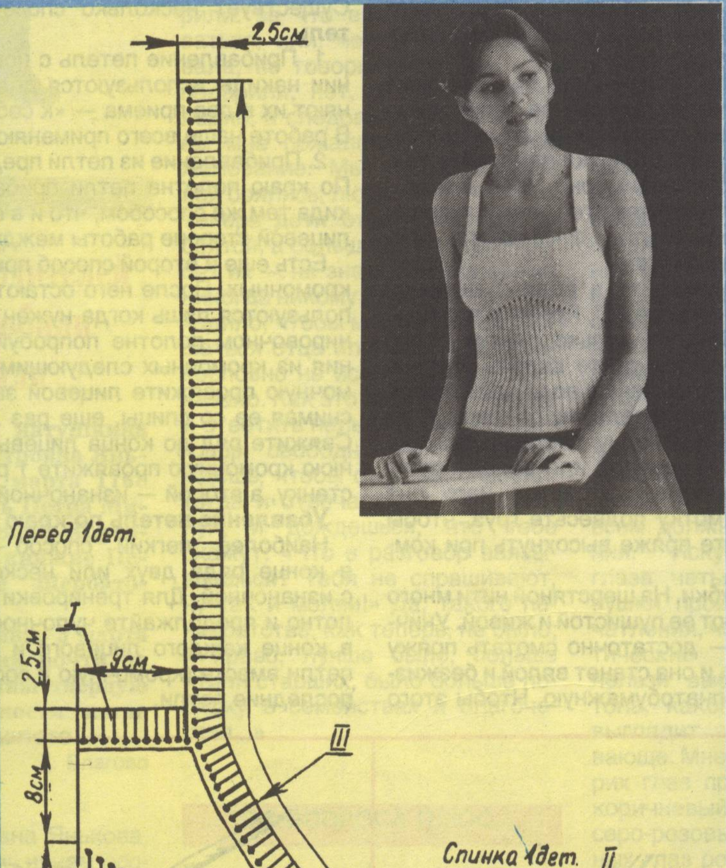
Основной узор — резинка 2×1 (2 лицевые, 1 изнаночная), отделочный узор — чулочная вязка (лицевые ряды — лицевые петли, изнаночные ряды — изнаночные петли).

Модель с открытой спиной и длинными бретелями, перекрещивающимися сзади.

Вязание начинают снизу и продолжают по чертежу, на котором указаны размеры и количество петель. Для образования фигурной ажурной линии провязать две лицевые петли вместе, сделать накид, а следующую изнаночную петлю вязать лицевой, постепенно вывязывая угол. Если по ошибке вместо лицевой петли провязывают изнаночную, то, связав ряд до этой петли, ее распускают и перевязывают без рабочей нити, а потом только провязывают рабочей нитью. Если ошибка произошла несколькими рядами раньше, то до этого места распускают петельный столбик и провязывают его крючком (рис. 3). Заканчивается вязка снова резинкой 2×1. Теперь ажурная линия образуется так: 2 лицевые петли вместе, накид, 1 изнаночная петля и т. д. до конца ряда. Изнанка вяжется по рисунку. Вязать по рисунку — значит провязывать петли так, как они сидят на спице: лицевую — лицевой, изнаночную — изнаночной. Одним словом, вяжешь то, что видишь. Убавление петель идет по лицевой стороне через равные промежутки.

Нередко во время вязки заканчивается клубок. Если это случится в середине ряда, то лучше распустить его до начала и в этом месте привязать новую нить, а оставшийся конец отрезать — он пригодится для сшивания готовых деталей.

Майку оформляют отдельно связанными бретелями, выполненными резинкой 1×1.

КЛИП-КЛУБ

МОНА ЛИЗА

Честно говоря, название «МОНА ЛИЗА» мне до недавнего времени ничего не говорило, и я пошел на концерт группы наудачу — и не пожалел. Шесть очаровательных девушек устроили для зрителей настоящий яркий праздник. Но девушки пели, играли, танцевали не только для зрителей — было видно, что это был праздник и для них, настолько от души они это все делали.

— Девушки, а почему «Мона Лиза»?

— Очень просто, потому что мы все красивые.

— А с чего все началось?

— Группа родилась в октябре 1988 года в знаменитом подвале ДК энергетиков в Москве (меломаны со стажем помнят, что именно в ДК энергетиков начинали «Машина времени», Александр Градский, Стас Намин). Мы очень много работали над музыкальным материалом, по восемь часов в сутки...

— Где же вы силы брали?

— А нам нравилась эта пусть и тяжелая, но интересная работа, к тому же у нас у всех музыкальное образование. И потом мы очень любим музыку...

Успех пришел к ним уже в декабре. На гастролях в Кутаиси они так здорово играли рок, что их пригласили на рок-фестиваль в том же Кутаиси. И они стали лауреатами. Казалось бы, что еще нужно для дальнейшей «раскрутки», ведь успех окрыляет. Но «Мона Лиза» вдруг резко меняет свой стиль: отходит от рока и переключается на поп-музыку. Как они сами признались мне, тяжелый рок — это все же не женское дело.

— И что же было дальше?

— В следующем, 1989 году мы уже стали профессиональной независимой группой, то есть сами зарабатываем деньги, что позволило нам оборудовать собственную студию, где мы записали свой первый магнитоальбом «МОНА ЛИЗА-1». Сейчас работаем над вторым.

Теперь самое время представить группу:
Юрий ДЕГТЯРЕВ (единственный мужчина!) — художественный руководитель,
Римма ТАКТАШЕВА — клавишные,
Марина ШВЕЦ — клавишные,
Лена ТИТОВСКАЯ — гитара и вокал,
Лена КАРЕЛИНА — вокал,
Оля РОКАЧЕВА — бас-гитара,
Оля ЯКОВЛЕВА — ударные.

Впрочем, это разделение труда весьма условное. Лена Карелина, например, освоила смежную специальность — саксофон. Вообще, если надо для дела, они и волынку освоят.

А эту фотографию со своими автографами девушки дарят вам, дорогие читатели и читательницы.

Александр Серов

Песня «Мадонна» в исполнении Александра СЕРОВА, с которой началось «восхождение» певца, до сих пор встречается в ваших заявках на включение в хит-парад. Вы не заметили, что А. Серов не очень-то спешит с выпуском новых песен — 1—2 хита в год (88-й — «Мадонна», 89-й — «Музыка венчальная», 90-й — «Ты меня любишь»)? Может быть, на своих сольных концертах он поет что-то не «раскрученное» на ТВ и радио?

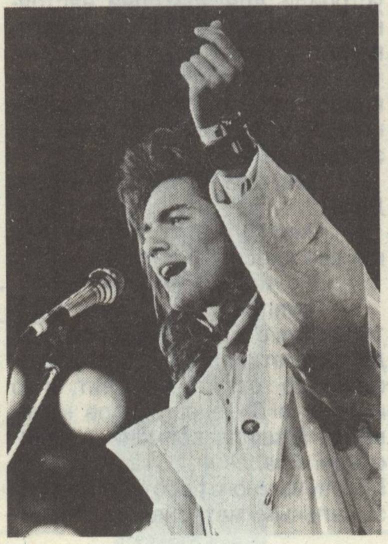
Я был на его концерте, но и на нем прозвучали песни с его первой пластинки и уже названные выше шлягеры, да еще пара песен на английском языке.

В чем же феномен певца Александра Серова?

Наверно, и в том, что среди его поклонников — люди разных возрастов и профессий, от дошкольников до пенсионеров. Наверно, и в том, что на концерте он выкладывается на «полную катушку» и поет всегда «живьем», без фонограммы. Наверно, и в том, что его шлягеры всегда «попадают в точку», то есть обречены на успех. Наверно, и в том, что он поет высокопрофессионально и с присущей лишь ему индивидуальностью.

Обо всем этом я думал, стоя за кулисами на его концерте в ожидании интервью. Концерт закончился, но побеседовать с певцом не удалось.

— Сейчас я просто уставший человек,— извинился Александр Серов.— Автограф? Пожалуйста...

ПОП-ИНФОРМ

Если раньше директором группы «МАРШАЛ» был Геннадий КОКОШИН, то теперь и директором, и продюсером, и менеджером, и автором музыки и текстов стал сам Рома ЖУКОВ. Как говорится, «и швец, и жнец, и на дуде игрец». Выдюжит ли?

Томас Андерс не только один из ваших кумиров, но и кумир Юры САРКИСЯНА, певца и диск-жокея, стремительно набирающего сейчас силу. Еще бы, ведь песни для него пишут его старшие братья Валера (гитарист группы Джоанны Стингрей) и Эдуард (автор песен группы «Шериф») и сама Наташа ГУЛЬКИНА. Записан уже второй альбом Юры, конечно же, в стиле а-ля «Модерн Токинг».

Группа «СТЕЛЛА» записала свой второй суперальбом. Советую послушать: очень много души и лирики и совсем нет «сверхсерьезных» проблем, что, впрочем, характерно для всех наших поп-команд.

В группе «НА-НА» жизнь бьет ключом. Фирма «Мелодия» готовит их альбом. Володя ЛЕВШИН после «Бабушки Яги» пробует свои силы в тяжелом роке. В группе два новых солиста: это совсем молодой Валера ТАРАТУНИН и Володя ПОЛИТОВ. Ефим ШИФРИН и ансамбль «РУССКАЯ ПЕСНЯ» Надежды БАБКИНОЙ как-то спели вместе с «НА-НА». Эффект потрясающий!

Дима МАЛИКОВ съездил в Америку, где дал несколько концертов и выступил в телешоу. Неужели и он будет тоже теперь петь по-английски?

Тяжелая пора настала у членов группы «ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР». Они сдают сейчас экзамены, кто в институте, кто в школе. Музыкальный экзамен они уже сдали: записали магнитоальбом «ХОЛОДНО!». (Ничего удивительного, ведь команда живет и творит в Архангельске, на берегу холодного Белого моря.)

Экзотик-поп-дуэт «КАР-МЭН» (именно так, а не иначе) — это Богдан ТИТОМИР и Сергей ОГУРЦОВ. «ВОКРУГ СВЕТА» — так называется их дебютный «альбом путешествий». А названия-то какие: «ПАРИЖ-ПАРИЖ», «ИСТАНБУЛ», «ЛОНДОН, ГУДБАЙ», «ЧИО-ЧИО-САН»... В общем, экзотики в песнях хватает.

НОВОСТИ ИЗ СТРАНЫ «ЛАСКОВЫЙ МАЙ»

Огромное спасибо Оле СТЕПАНЮК из Москвы, которая подарила нам один из номеров газеты «ЛАСКОВЫЙ МАЙ». В редакции газету зачитали до дыр. Кто хочет подписаться на нее, спешите на почту! Индекс газеты — 74949. Цена номера — 40 копеек.

ВЕСТИ МУЗ

Лидер группы «ДДТ» Юрий ШЕВЧУК снялся в кино. «ДУХОВ ДЕНЬ» — так называется фильм, в котором он играет простого советского человека Ивана Христофорова (не путать с Иваном Помидоровым из песни «Террорист»).

Металлисты! Новость для вас! Фирма «Мелодия» выпускает альбомы «КОРРОЗИИ МЕТАЛЛА» и «ХЭЛЛРЕЙЗЕРА».

Наконец-то! «РОК-МУЗЫКА В СССР» — первая в нашей стране рок-энциклопедия. Солидное издание: 384 страницы, вступительное слово самого Андрея ВОЗНЕСЕНСКОГО, а составитель — знаменитый Артем ТРОИЦКИЙ.

Рисунок К. Раевской.
Ведущий клип-клуба
Вит АПЛАТОВ.

ЧИТАЙ В ИЮЛЕ

книгу протоиерея Александра Меня «Свет миру», роман-сказку Владислава Крапивина «Портфель капитана Румба»

Сдано в набор 01.04.91.
Подписано к печати 16.04.91.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44.
Усл. кр.-отт. 31,16. Учетно-изд. л. 9,00.
Тираж 893 000 экз. Заказ № 372.
Цена 70 коп.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**

Телефон 212-14-17.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП,
ул. «Правды», 24.

Вниманию взрослых авторов!

Редакция рукописи не рецензирует, а только сообщает решение.

Рукописи объемом свыше трех авторских листов (70 страниц машинописного текста) к рассмотрению не принимаются.

Рукописные материалы объемом до одного авторского листа (25 страниц машинописного текста), рисунки и фотографии не возвращаются.

Жалобы на полиграфический брак, замечания по типографскому исполнению отдельных номеров журнала следует направлять по адресу типографии.

70 коп.

Индекс 70694

ПИОНЕР– ЖУРНАЛ О ВАС И ДЛЯ ВАС, ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

ПОДПИСАТЬСЯ НА НЕГО МОЖНО С ЛЮБОГО МЕСЯЦА И НА ЛЮБОЙ СРОК

ISSN 0130—8009. Пионер. 1991. № 6. 1—64.